

Анна Платунова

БЕЗВУЧАЯ НАТАЛИ

Никто никогда не говорил Натали, что она не является центром вселенной. Возможно, будь жива ее мать, она рассказала бы дочери, что нет никакой личной ее заслуги в том, что отец входит в десятку самых богатых людей этой галактики... Натали растет избалованной и злобной стервочкой. Но однажды оказывается на самом дне, в прямом и переносном смысле слова. Что же она будет делать дальше?

Раздел первый. Натали. Часть первая

Никто никогда не говорил Натали, что она не является центром вселенной. Возможно, будь жива ее мать, она рассказала бы дочери, что нет никакой личной ее заслуги в том, что отец входит в десятку самых богатых людей этой галактики и один владеет всеми разработками ценнейшей редкой руды — силениума... Сирениума? Сильвермениума? Нет, Натали точно не знала, как называется металл, который использовали в современном кораблестроительстве. Металл, не подверженный коррозии и бла-бла-бла... Этого Натали тоже не знала, а про коррозию что-то такое написано в рекламных буклетах. Вчера на выставке новейших технологий было жарко, душно и скучно. Натали взяла буклет, чтобы полистать, а потом использовала в качестве веера. С обложки на нее смотрел отец, даже на этой фотографии выглядевший хмурым и мрачным. Таким, как и был в реальной жизни. Натали до сих пор дулась на него за то, что он не разрешил ей стать королевой выставки. И наплевать, что королевой могла стать только девушка, победившая на научном конкурсе. Королева должна быть красивой. Очаровательно, милой, стройной. В общем такой, как сама Натали. А вон та мымрочка в очечках на эту роль явно не подходила. Натали бросила на конкурентку уничижительный взгляд, который та, впрочем, не заметила, поглощенная беседой с таким же мымренком высокоинтеллектуальным. Ну и хорошо! А то пришлось бы бедняжке Натали вести беседу с такими, как он...

Она швырнула буклет на пол — роботы подберут — и отправилась к выходу.

— Ната, — окликнул суровый голос. И в голосе тоже явно присутствовал силениум... Ага, тот самый, не подверженный коррозии. Она вздохнула: пожалуй, отец единственный человек в этой части вселенной, который она пока еще слушалась. Пока еще. Натали считала минуты до того дня, когда поступит в галактический университет и окунется во взрослую жизнь. Ночные клубы, гонки на аэрокарах... М-м-м... Осталась какая-то пара месяцев до окончания школы. Кстати, надо попросить отца купить последнюю модель Ксцентрика — спортивного аэрокара. Джеку уже купили. А его отец всего лишь президентом Примариуса. Где справедливость на этом свете?

— Что, папуля? — девушка обернулась в тот самый момент, когда высокий, пожилой, но еще крепкий мужчина встал за ее спиной. Обернулась и привычно сложила губы в улыбку, думая про себя, что костюм на отце сидит просто ужасно, словно на гориллу надет. Ну, какой из него бизнесмен? Как был шахтером, так и остался. Ему бы каску надвинуть на лоб, чтобы скрыть эти насупленные брови, да просаленную робу — тогда все встанет на свои места. Отец, вполне возможно, и сам понимал, как нелепо выглядит в этом костюме, но принимал это как неизбежную необходимость. Уже больше трех десятков лет прошло с тех пор, как он в последний раз опускался в шахту. Он владел теперь тысячами шахт в поясе астероидов. Да что там, он владел самим поясом астероидов. И все же, до сих пор чувствовал себя гораздо комфортнее, приезжая на выработки, общаясь с простыми трудягами. Такими, какими он сам был когда-то. Давным-давно, в прошлой жизни.

— Куда ты собралась, Натали? Мы договорились, что этот день ты проведешь на выставке, со мной, — он запнулся. — Когда-нибудь мое дело перейдет к тебе. Так учись, пора начинать интересоваться делами.

— Ой, папуля, — Натали очаровательно скривила маленький нос. Носик у нее, к счастью, был такой же формы, как у матери. Да и вообще, она пошла в мать — точеная

фигурка, каскад черных волос, только глаза синие, как у отца. Но так как это была, пожалуй, единственная привлекательная его часть, то и здесь ей повезло, что и говорить. Везучая Натали.

— Папуля, я начну интересоваться. Обязательно начну. Но сегодня у Джека вечеринка, я не могу ее пропустить! Кстати, я как раз собиралась с тобой серьезно поговорить по поводу Джека!

Отец чуть заметно наклонил голову, что должно было означать интерес. Неразговорчивый, слишком серьезный, и выражение лица всегда одно и то же — насупленное, хмурое. Может быть, такое впечатление складывалось из-за густых бровей. Натали не помнила, когда он улыбался в последний раз. А удивленно поднять брови, наверное, его ничто на свете не заставит. Иногда она специально подначивала отца. Вот, как сейчас, с Джеком. Пожалуй, в следующий раз пустит в ход тяжелую артиллерию и сообщит о том, что она беременна. Приподнимутся ли тогда его брови? Хотя на миллиметр? Едва ли.

— Джеку купили Ксцентрик! А мне? Я тоже хочу!

— Я обещал тебе подарить аэрокар на окончание школы. Не раньше. Откровенно говоря, Натали, даже тогда еще слишком рано. Мой отец всегда говорил мне, что на свой первый автомобиль человек должен заработать сам...

— Ой, прошу, не начинай! — Натали на секунду перестала улыбаться, взбешенная, но почти сразу справилась с собой. Она хорошая девочка. Хорошая добрая ласковая дочь. Он так думает и пусть продолжает думать дальше. Еще пока рано показывать зубки. Ничего, наступит ее время!

Чувствуя, что разговор грозит перейти в распрю, она приподнялась на цыпочки поцеловала отца в шершавую, даже несмотря на то, что он был чисто выбрит, щеку. Губы словно по наждачке проехали. Натали, не говоря больше ни слова, поспешила к стоянке аэрокаров, на ходу вытирая губы.

Выставка проходила на верхнем ярусе городе. Выше было только небо, незаслоненное воздушными трассами, не перекрытое бесконечными, уходящими вверх жилыми и рабочими кварталами. Иногда Натали почти с жалостью думала о людишках, вынужденных жить и трудиться там, внизу, у самой земли. Что они видят оттуда? Ни звезд ночью, ни солнечного света днем. Бесконечный сумрак. Хотя отец, скорее всего, чувствовал бы себя вполне комфортно — это ведь все равно что жить в шахте. Он был бы только рад. Натали презрительно скривила губы, сама не замечая того, каким презрительным и брезгливым сделалось выражение ее лица.

Она подошла к краю террасы, огороженной изящными ажурными перильцами, посмотрела вниз. И голова закружилась от вида открывающейся перед ней пропасти. Пропать была заполнена огнями, далеким шумом города, изрезана нитями воздушных трасс. И хотя Натали родилась и выросла здесь, на Примариусе, но с трудом могла себе представить себе жизнь обычных людей. Тех, кто вынужден жить внизу. Есть ли у них радости? Печали? Вернее, не так: имеют ли вообще право на радости и печали все эти человечки, копошащиеся внизу? Они думали, что имеют. И Натали в такие моменты было даже жаль их.

— Госпожа, — тихий почтительный голос за спиной. — Автомобиль готов. Куда вас отвезти?

Девушка повела плечами, не оборачиваясь, зная, что каждый ее жест будет понят правильно, и почувствовала в ту же секунду, как невидимый собеседник аккуратно и

почтительно закутывает ее в тонкую шаль.

— В резиденцию Лорнов, — снизошла она до ответа.

Водитель, а это был он, тенью скользнул вперед. Он старался быть невидимкой, и все же понимал, что раздражает Натали одним своим присутствием. Сколько уже времени она просила отца заменить прислугу на роботов. С ними не надо вступать в бессмысленные разговоры. Каждый раз Натали чувствовала себя униженной тем, что ей приходится опускаться до их уровня. Он, этот человек, этот человечиска, слышал ее голос, смотрел на ее обнаженные плечи. Он будет дышать рядом с ней в автомобиле. Мерзкий. Натали передернула плечами теперь уж от гадливости.

Отец, стоит ей завести разговор о том, что гораздо выгоднее сейчас заводить слуг-андроидов, всегда говорит одно и то же. Рабочие места, безработица, роботы вытесняют людей, бла-бла, тоска... Но пока Натали не имела сил ему противостоять.

Резиденция Лорнов возвышалась подобно скале над морем, оставив далеко внизу под собой сумрачный, окутанный испарениями город, светившийся тусклыми огнями, словно тысячи голодных чудовищ взирали оттуда в тщетной попытке добраться до недоступной добычи. Город не в силах был дотянуться до этого пристанища света и радости.

Уже на подлете, разглядев террасу на крыше резиденции, яркие огни, деревья, украшенные гирляндами и разноцветными фонариками, увидев бассейн, где барахтались ее друзья, крича от восторга, услышав музыку, Натали почувствовала, что ее сердце забилося от радости. Только здесь она чувствовала себя по-настоящему счастливой. Такой и должна быть жизнь, разве нет?

Водитель мягко опустил аэрокар на площадку, и девушка, не дождавшись, пока он заглушит мотор, выпрыгнула на пружинящее под ногами покрытие. Немного досадно было от того, что вечеринка в самом разгаре, но все же она успела. Сбежала с ненавистной душной выставки, от скучного отца.

— Джек, — закричала она, неистово размахивая руками, разглядев в толпе высокую фигуру своего друга. Он беседовал с кем-то, Натали отсюда было не разглядеть собеседника, она видела только Джека. Смуглый, с черными вьющимися волосами он напоминал ей греческого бога. Вот и пригодился краткий курс истории Земли. Натали отлично помнила как раз главу о Древней Греции и божествах. Адонис, да? А она Венера.

— Джек!

Джек обернулся на крик, увидел Натали, сверкнул белозубой улыбкой, приподнимая бокал с янтарной жидкостью. Девушка фыркнула — ох, ну и жест. Словно в бокале налита не шипучка с мизерным процентом алкоголя, а дорогуший верс. Натали знала, что отец Джека, хотя и разрешает ему практически все, едва ли мог позволить себе угощать всех друзей Джека на вечеринке версом. Натали видела бутылочку в баре отца. Крошечную совсем. Он наливает себе рюмочку размером с наперсток после ужина, когда остается наедине с собой в кабинете. И хотя отец по мнению Натали был слишком прижимист, но все же даже отец Джека, привыкший жить на широкую ногу, едва ли стал так разоряться.

Она так и не дождалась, пока Джек соизволит оторваться от беседы и обратит внимание на свою подружку. Натали вздохнула. Признаться, она сама себя назначила его подружкой, а Джек, хотя всегда был приветлив и с удовольствием болтал на отвлеченные темы, едва ли видел в Натали больше чем еще одну красотку в своем гареме. Пришлось запрятать гордость поглубже и подойти самой.

Как она и предполагала, собеседником, вернее собеседницей парня оказалась хрупкая

блондинка с такими огромными глазами, что казалось, распахни она веки чуть шире, и глаза выкатятся словно два хрустальных шарика. Джек дружески приобнял Натали, чмокнул в ухо. От него пахло почему-то морем, а еще немного алкоголем и потом. Но совсем не противно, наоборот. И от этого запаха в животе Натали словно немедленно распустился и задрожал алый цветок, жаркий, как пламя.

— Я уж думал, что мы тебя потеряли, — он рассмеялся. — Что, удалось сбежать от старикана? Бокальчик слипса?

Натали усмехнулась — так и знала, что не верс. Как ни пытается отец Джека пускать всем пыль в глаза, но совершенно очевидно, что ему даже близко не подобраться к тому уровню, на котором находится Скандор Флин — ее отец. И все же, у Джека есть новый аэрокар, а у нее нет. Губы Натали сжались в тонкую нить, но она почти сразу овладела собой.

— Я — Натали, — она помахала раскрытой ладонью, обращаясь к блондинке, которая с явным неудовольствием наблюдала за появлением конкурентки. Но услышала имя и ее глаза раскрылись еще шире, хотя казалось, что это уже невозможно.

— О! Натали Флин? Я рада знакомству!

Еще бы она была не рада: деньги, слава, связи. Все были рады свести знакомство с Натали. Она привыкла к тому, что улыбки вспыхивают на лицах людей, едва они слышат ее имя. «О, Натали! Я так рада, Натали! Говорят, что у вас не дом, а целый дворец. Может быть ты когда-нибудь устроишь мне экскурсию? А твой отец будет дома? Я бы была рада с ним познакомиться!» Девушка так ясно слышала продолжение разговора, словно он происходил наяву. Они все так мечтали познакомиться с Скандором Флином! Натали была их счастливым шансом. Парни не уступали в настойчивости девушкам. И если девушки втайне мечтали, что давно овдовевший Скандор поддастся на их чары, ведь не каменный же он в конце концов, то молодых людей в первую очередь интересовала возможность стать частью «Империи Флина». Не настоящей империи, конечно. Даже компания называлась иначе. Всего лишь «Альтернативный выбор». Убогое название, по мнению Натали. Когда-то для кораблестроения использовали совсем другие металлы, которые очень быстро разрушались в космическом вакууме. Причем зачастую гораздо раньше срока, обещанного производителями. Отец первый разработал и предложил новый метод, когда привычные для производства материалы заменялись на силениум. Ну, да... Вроде все-таки силениум. Поначалу дело шло туго. И лишь когда прямо на орбите при заходе на посадку разрушился многопалубный лайнер Олимпик, и тысячи его пассажиров погибли, к Скандору Флину прислушались в правительстве. Отец Джека, тогда лишь один из сенаторов, первый предложил свою помощь и поддержку никому еще не известному «неотесанному шахтеру», как на первых порах иронизировали в новостях. И с тех пор бизнес круто пошел в гору. Тем более, что теперь Скандор мог все свое свободное время посвящать делам фирмы. Ведь на том самом лайнере, развалившемся на части при заходе на посадку, погибла его жена. Натали тогда только-только исполнился год. К счастью, Евгения не взяла девочку с собой в поездку, сказав мужу, что ей надо какое-то время отдохнуть, побыть наедине с собой.

Иногда Натали жалела о том, что у нее не было возможности познакомиться с матерью. Ее мать была лишь изображением на фотографии, стоящей на столе Скандора. Улыбающаяся темноволосая красавица. Где-то сохранились видеозаписи, Натали видела их, когда была маленькая. Там Евгения держала крошечную Нату на руках и пела ей песню. А еще танцевала вальс с неуклюжим отцом, который так и норовил отдавить ей ноги. Евгения

смеялась и склоняла голову ему на плечо. Натали очень смутно помнила эти записи. Старалась не пересматривать... Зачем? Уже ничего не вернуть. К тому же, будь мать жива, она сейчас превратилась бы в еще одну старую зануду, и пришлось бы улыбаться сквозь силу не только отцу, но и ей. Так что, можно сказать, даже повезло. Да. Натали всегда везет.

— Эй, крошка!

Девушка внезапно осознала, что Джек вот уже несколько секунд пытается до нее докричаться.

— Прости, я задумалась! — она обняла парня за руку, прижалась, ощущая сквозь ткань платья жар его тела. — Джек, ты обещал прокатить меня на новом Ксцентрике! Помнишь?

— Крошка, давай в следующий раз. Я не могу так просто сейчас свалить и оставить всех.

Рукой, сжимающей бокал, он обвел широким жестом террасу, где продолжали веселиться гости. Натали была уверена, что исчезновения хозяина никто даже не заметит, но спорить не стала. Джек тоже должен быть уверен, что Натали хорошая девочка. Веселая и не капризная. Джек тем временем аккуратно освободился от рук Натали, поцеловал ее в лоб и, шепнув на ухо: «Веселись», ушел куда-то под ручку с блондинистой особой. А та еще победно обернулась и смирив взглядом поверженную соперницу.

Натали от злости сжала кулаки, но тут же ойкнула — длинные ногти вонзились в ладонь. Будь она дома, то отвела бы душу, швырнув бокал на пол. Но здесь нельзя. Джек увидит, да и вообще, пойдут пересуды. Репортеры с удовольствием перетрут косточки юной наследнице «Империи Флина», ведь самого Скандора уже давно стараются не задевать, даже в шутку.

Настроение, однако, было испорчено. Натали какое-то время сидела на бортике бассейна, опустив ноги в воду. Пила слипс, мечтая хоть немного опьянеть. Но слипс по сути был просто газированной сладкой водой. В конце концов девушка добилась только того, что у нее забурчало в животе, а к горлу то и дело подкатывали пузырьки воздуха. Ей было грустно и одиноко. Конечно, будь ее воля, она тут же оказалась бы в центре внимания, но знакомые, которые подлетали к ней с криками: «Привет, Натали!», натыкались на колючий взгляд и быстро понимали, что сегодня не лучший день для общения с наследницей «Империи Флина».

«Ну, хорошо, Джек!» — мысленно сказала она сама себе, поднимаясь на ноги: «Ладно. Я запомню».

Больше находится на вечеринке не было смысла, радость улетучилась, лопнула, как мыльный пузырь. Она увидела вдалеке Джека, который смеялся и обнимал обеими руками двух девушек. Рыженькую и шатенку. Блондиночка куда-то запропастилась. Ну, хоть это радовало. Некоторое время Натали буравила его взглядом, надеясь, что он заметит ее, обернется, подойдет. И тогда вечер перестать быть таким унылым. «Вот и я крошка. Пойдем кататься!». Она ясно услышала его уверенный бархатный голос у себя в голове. Возьмет ее за руку, потянет за собой...

Натали вдруг осознала, как глупо выглядит сейчас, стоя на краю бассейна, неотрывно глядя на Джека. Вот и некоторые гости кидают на нее недоуменные взгляды.

— Джек, мне пора идти, — сказала она вслух, словно пытаясь оправдаться. Прозвучало это еще более жалко.

Натали сжала губы и отправилась к площадке аэрокаров. Злая, униженная, раздавленная. Злость настоятельно требовала выхода, но не здесь, не сейчас. Надо держать себя в руках.

Распахнула дверь, села вперед, чем немало, должно быть, удивила водителя, привыкшего к тому, что пассажирка ездит на заднем сидении. Но он ничем не выдал своего недоумения, положил руки на руль:

— Куда вас отвезти?

Натали краем глаза видела его фигуру, одетую в темную униформу. На правом рукаве нашивка — астероид, расколотый молнией. И ведь наверняка гордится тем, что носит на себе символ «Империи Флина». А Натали всегда этот знак смешил — напоминал ей картошку. Картошку, пронзенную молнией. И на кепке такой же знак. Сейчас не видно, но она знает об этом.

— Домой.

Он нажал несколько кнопок, заставляя мотор работать, руки действовали уверенно и быстро. Натали смотрела и вдруг почувствовала, как внутри нее закипает затаившаяся злость. Он был без перчаток. Трогал своими ручищами все тут, в ее машине. Ладно, пусть не ее! В машине ее отца! Наверное, уже хозяином себя ощущает.

— Ты почему без перчаток? — прошипела она сквозь сжатые зубы.

— Простите, госпожа!

Конечно, что ты еще можешь сказать! Но этого недостаточно!

Натали вцепилась ногтями в его незащищенную перчатками кожу. Стало так сладко, так хорошо, словно раздражение, весь день копившееся в ней, наконец нашло выход. Она почувствовала, как он вздрогнул, видела, как сжал руль, а сама все давила и давила, пока из лунок, оставленных ногтями, не потекли ручейки крови.

Натали внезапно осознала, зачем ей вдруг понадобилось сесть вперед. Вот для этого самого. Как она раньше не понимала: человечешки тоже кой на что годились, оказывается.

Она отпустила его руку и почувствовала, что ее трясет. Брезгливо вытерла пальцы о сидение, села, отвернувшись к окну. Водитель не сказал ни слова, только вынул из бардачка перчатки и надел их. После этого завел мотор и поднял аэрокар в воздух.

Натали сидела, отставив руку чуть в сторону, так, словно это была не ее часть, словно она не в ответе за то, что та натворила. От сладкого чувства не осталось и следа. «Завтра все наладится!» — пообещала она сама себе: «Проснусь в хорошем настроении. Забуду обо всем!» И ей почти удалось себя убедить.

Натали проснулась утром следующего дня в своей кровати и долго лежала, раскинув руки, ощущая под ладонями прохладный шелк. Солнце проникало сквозь стеклянные стены, казалось даже, что стен нет вовсе. Комната Натали была кубом из стекла, расположенном на крыше дома ее отца, хотя правильнее было бы называть это сооружение замком, или небоскребом. Ровно в половине восьмого утра стены из матовых становились полностью прозрачными, комната наполнялась светом и волей-неволей приходилось открывать глаза. Вот такой хитрый и коварный будильник.

— Затемнение! — крикнула она.

Стены стали мутными, но света еще пропускали достаточно. Натали знала, что если она продолжит валяться в постели, то через пять минут в комнату робко постучится горничная и ласково поинтересуется, как Натали себя чувствует. Хоть бы они пропадом пропали — и служанки, и ее отец. Горничная все равно постучится, но только через пятнадцать минут. И спросит, что Натали хотела бы съесть на завтрак. Хотя Натали вот уже год просит одно и то же — питательный коктейль, но горничная упорно продолжает приходить. В андроида хотя бы можно было бы запустить чем-то тяжелым, а в служанку нельзя. Отец этого не

одобрит.

Натали вспомнила руки водителя на руле, и то, как по запястью стекает тонкая струйка крови. Ничего себе, она его расцарапала.

Воздух в комнате был оптимальной температуры, очищен специальными фильтрами и обеззаражен. И все же Натали явственно ощутила, как першит в горле, а кожа покрылась мурашками. Но ведь она не виновата в произошедшем! Это все Джек виноват! Ничего, она ему еще припомнит.

Настроение почти испортилось. Нет, так дело не пойдет. Натали вылезла из кровати и побежала в душ.

— Госпожа, что вы будете есть на завтрак? — Натали была еще под струями воды, но динамики отчетливо донесли до нее каждое сказанное слово.

— Коктейль, как всегда, — пробурчала она.

А дальше день пошел своим чередом. Натали пила коктейль из трубочки и между делом пыталась сотворить на планшете костюм, в котором сегодня пойдет в школу. Так, юбочку чуть короче, чтобы показать всем стройные ножки. Цвет... Натали любила яркий, алый. Но в школе пытались привить ученикам хотя бы какое-то подобие дисциплины, поэтому регламентировали цветовую гамму. Но взгляд девушки, это было глупо — уж были бы последовательны тогда в своих решениях, ведь в выборе фасона одежды ученики не были ограничены. Директор объяснял это тем, что они поощряют в детях творчество. А Натали была уверена, что просто какая-то денежная шишка (в частной маленькой школе только дети таких и учились) подмазал директора. Вот и приходили старшеклассники, одетые кто во что горазд. Смокинги в паре с шортами до колен, платья с разрезами спереди и сзади. Но все строго серого, синего или сиреневого цвета. Обхохочешься!

Натали выбрала сиреневый, добавила немного страза на воротник и нажала «завершить». Через несколько минут ей принесут новый комплект. Ох, еще утро, а она уже столько дел успела переделать. А потом шесть часов занятий в школе, а после — дополнительные занятия с репетиторами, и кружок танцев, и курсы для юных леди, на которых учат девушек умению держаться в обществе. Натали подняла глаза к потолку и вздохнула. Что за жизнь! Как же все это тяжело!

Золотой тонкий браслет на ее руке едва ощутимо завибрировал. Девушка сморщила нос — вот, еще одна утренняя рутина, и никуда не денешься: время, когда отец ждет ее в кабинете, чтобы дать утренние наставления. Нет, сам он это называет «пожелать хорошего дня». А Натали про себя прозвала эти недолгие минуты общения с отцом «минутками — занудками». Такая тоска!

Она спустилась на лифте из своей комнаты прямиком в его кабинет. Отец уже ждал ее за столом — чисто выбритый, полностью готовый к началу нового дня. Натали знала, что за дверью уже толпятся посетители, секретарь дает последние распоряжения, «Империя Флина» замерла, готовая пустить в ход свой огромный, слаженный механизм. Но пока она здесь, в этом кабинете, ни одна шестеренка не дрогнет, ни один документ не будет отправлен, и никто не посмеет переступить порог. В такие секунды Натали казалось, что на самом деле огромной компанией отца управляет она. И, пожалуй, только ради этого стоило продолжать утренние встречи.

Скандор поднялся к ней навстречу, поцеловал в макушку.

— Как вчера отдохнула? Повеселилась?

Натали показалось, или во взгляде отца мелькнуло что-то большее, чем просто праздное

любопытство? Словно он не просто ответа ждет на свой вопрос. Да нет, ерунда. Он не может ничего знать. Шофер не мог проболтаться. Или мог?

— Все хорошо.

Ой, в горле пересохло. Девушка откашлялась.

— Нормально повеселилась.

— Уроки сделала?

«Ну что за вопросы? Словно с маленькой разговаривает!». Но от сердца отлегло, если заговорил про уроки, значит точно не сердится на нее.

— Да, папуля.

— Какие планы на сегодня?

«Каждый день одно и тоже! Самому-то не надоело?»

Так они поговорили не о чем какое-то время, потом отец обнял ее и отправил собираться.

На заправленной кровати Натали уже ждал затянутый в целлофан новый сиреневый костюм. Пора в школу...

На площадке стоял автомобиль, и водитель, ожидая пассажирку, держался за ручку задней дверцы, готовясь услужливо ее распахнуть.

Тот или не тот? Как они там работают, по сменам?

Натали незаметно скосила глаза на его руки — в перчатках. Лица она, конечно, не помнила. Все водители, работающие на отца, в ее сознании слились в неразличимую массу людей, одетых в одинаковые темно-синие костюмы.

Ладно, не важно. Это была просто случайность. Ерунда. Вот она уже и сама почти забыла об инциденте. А водитель, в конце концов, получает на службе отличные деньги. Разок можно и потерпеть.

Часть вторая

И не думая больше о вчерашнем, она проскользнула в салон автомобиля, устроилась, расправляя юбку. Посмотрела в зеркальце заднего вида — нет, прическа не растрепалась.

— Едем!

И уже не слышала, как заработал мотор, не смотрела за вид за окном, привычно принялась пролистывать странички в соцсети, лишь не глядя провела ладонью по стеклу, затемняя окно — солнце било в глаза.

Друзья уже выложили фото с вчерашней вечеринки. Джек, Джек, и еще раз Джек. С блондиночкой, с рыженькой. Смеется. О, эта уверенная и победоносная улыбка на его лице. А вот и сама Натали. Сидит у бассейна. Сгорбилась, как старуха...

Натали закусил губу, но тут же опомнилась — помаду смажет — и только нахмурила лоб. Хотелось швырнуть планшет в стену, но жалко стало — совсем новенький планшет, последней серии. Даже голограммы показывает.

Задумавшись, Натали не сразу поняла, что водитель ей что-то говорит. Водитель ей что-то говорит? Неслыханное дело.

— Что? — переспросила она, думая, не померещилось ли ей.

— Простите, госпожа. Мотор барахлит. Боюсь, что не дотяну до территории гимназии. Придется садиться. Здесь поблизости маленькая станция техобслуживания. Одна проблема — она на среднем уровне.

— На среднем уровне? — Натали сначала решила, что речь идет о том, что станция так себе, средненькая. А потом сообразила, что придется спускаться в город. В этот туман и смог. Отвратительно! Она там пропахнет химией. Пропитается этими мерзкими запахами!

— Исключено! — сказала она, спокойно и даже доброжелательно. Вот и пригодились знания, полученные на курсах. «С обслуживающим персоналом разговаривайте сдержанно. Особенно в те моменты, когда вас что-то вывело из себя. Дружелюбный и спокойный тон даст понять, что вы не отступите от своих требований».

— Отлично, — так же доброжелательно, в тон ей отозвался водитель. — Тогда мы сейчас рухнем на нижний уровень. Такой вариант вас устроит больше?

Натали даже показалось, что у нее начались слуховые галлюцинации. Какое-то время она в немом изумлении смотрела на спину водителя. Он на самом деле это сказал? А где «госпожа»? И что значит «рухнем»?

— М-м? — сказала Натали.

Он не ответил. А девушка почувствовала, что автомобиль вдруг заложил крутой вираж, клюнул носом вниз. В железных внутренностях его что-то свистнуло, а водитель, вот нахал, сквозь зубы процедил нечто такое, отчего Натали покрылась пунцовыми пятнами. Ну, ничего! Сегодня последний день твой службы! Дай только добраться до дома!

Натали постаралась придать своему лицу выражение брезгливости. Водитель должен видеть, что она его осуждает. Эти его словечки совершенно не подходят для того, чтобы быть услышанными нежными девичьими ушами. Вот приедет и первым делом...

— Уииии!

Натали подлетела к потолку, а потом шлепнулась в проход между сидением и спинкой водительского кресла.

— Держитесь, Ваше Высочество, — прошипел водитель. Что это он, юморит в такой

момент? Негодяй.

— Я не Ваше... Уииииии!

— Сколько раз я вам говорил, чтобы вы пристегивались!

На какие-то секунды автомобиль выровнялся, Натали успела боком вползти на сидение, вытянула ремни, защелкнула как придется. Волосы закрывали лицо, юбка неприлично задралась, так что Натали не знала за что хвататься первым делом. Поправила юбку, откинула назад пряди.

— АААА!

Мир за окном хаотично вращался. И это был какой-то незнакомый мир. Вместо солнечного света желтый туман, сквозь него проступают черные тени зданий. Из тумана на секунды выскакивали автомобили и уносились прочь, отчаянно сигналив.

«Обидно!» — успела подумать Натали. Сама до конца не осознав, что было обиднее всего. То, что жизнь ее оборвется, едва начавшись? Или то, что отец, потеряв жену, потеряет теперь еще и дочь? Даже стало жаль его на секунду. Или то, что она так и не покажет в школе свой новый наряд? И планшет совсем новый... Последней серии...

Раздался страшный треск, и девушка с ужасом решила, что ломаются и хрустят ее кости. Натали ожидала, что секундой позже придет боль, а потом мир померкнет навсегда... Но... Секунды шли, а она понимала, что кажется жива... Неужели! Однако на всякий случай решила не двигаться с места. Пусть прилетают специальные службы, выпиливают ее из автомобиля, она и с места не сдвинется! А с тебя, папуля, подарочек доченьке за пережитый стресс! Да! Автомобиль он ей теперь вряд ли подарит... Зато можно потребовать то замечательное колечко с лунными камнями! Или кольцо! Еще лучше!

— Вы живы?!

И чего так орать? Эй, руки-то убери! Натали, грубо вырванная из грез, стукнула водителя не глядя, попала в плечо, кажется. Он зашипел сквозь стиснутые зубы. Натали, наконец, соизволила открыть глаза. Мда, ну и видок у него. Форма разодрана на груди, из порезов сочиться кровь. Левая половина лица заплывала огромным синяком. А перчатки ведь снял! И своими ручищами пытался расстегнуть ее воротник. Ну не мерзавец?

— Быстро из машины!

Он бесцеремонно расстегнул ремни и, грубо схватив Натали за локоть, потянул наружу.

— Пусти! Отстать от меня!

Он, однако, деликатничать не стал, выволок из автомобиля, девушка и пикнуть не успела. Хотела было возмутиться, но увидела, что салон заполняется едким черным дымом.

— Взорвется? — с ужасом спросила она, оглядываясь в поисках убежища.

Темные стены, какие-то люди обступают со всех сторон. Голова кружится...

— Нет. Здесь нечему взрываться. Но если надышитесь этой гадостью, мало не покажется.

— А?

О чем она хотела спросить? Мысли путаются... Натали почувствовала, что сгибается пополам и вот-вот рухнет на землю. Прямо на глазах всех этих людей. Какой позор!

Водитель подхватил ее, не давая упасть, отвел в сторону и усадил на... скамейку? Или прямо на грязный бордюр?

— Разорвите браслет! — сказал он.

— Что?

— Браслет на вашей руке — разорвите его. Сигнал бедствия и наши координаты

немедленно поступят на пулыт охраны, и за нами прилетят в течение нескольких минут. Вы не знали?

Натали знала. Браслет в виде цепочки на ее руке был не только затейливым украшением. Он вибрировала на руке, подавая сигнал, когда отец хотел ее видеть, но изготовлен был для другого случая. Такого, как сейчас, например. Однако Натали нежно любила его: крошечные камешки, вплавленные в металл, искорки света, мерцающие даже в темноте — браслет был маленьким ювелирным чудом.

— Вот еще! — ответила Натали. — Не собираюсь даже. Во-первых, за нами и так должны прилететь. Наверное... Кто там прилетает в таких случаях? Служба общественного порядка? Служба охраны здоровья? А еще у тебя в машине пулыт. И у тебя, наверняка, клеверфон с собой.

— Нам запрещено пользоваться клеверфонами на службе. Пулыт в машине перегорел вместе с другой электроникой. Службы общественного порядка и охраны здоровья появятся, конечно. Возможно, к вечеру, — он перечислил все это бесстрастным голосом, просто ставил ее перед фактом, чем взбесил Натали еще больше. Она даже немного пришла в себя, и голова прояснилась.

— Почему к вечеру?

— Первым делом они обращают внимание на происшествия в Альтитуде, потом в Медиуме, потом в Тандеме, и только под конец в Инфериоре. Мы на Нижнем уровне, если вы еще не поняли.

В доказательство своих слов он постучал ногой по земле и Натали с ужасом поняла, что ниже падать некуда, и в прямом и в переносном смысле. Впервые в жизни она стояла на почве Примариуса, если с натяжкой принять за такую серое пыльное потрескавшееся покрытие, броней заковавшее планету. Несколько долгих секунд девушка сидела в оцепенении, потом решила поднять голову. Ей показалось, что она сидит на дне бездонной ямы и смотрит вверх. Это было словно стоять у подножия горы и пытаться разглядеть ее вершину. Когда Натали была маленькая отец как-то брал ее на астероид. Девочка была удивлена огромным пустым пространством, где никто не жил. Где не стояли дома, не летали аэрокары. Но вот горы ее совсем не удивили, ведь они напомнили ей высоты на Примариусе. Но она и представить не могла, что это так величественно и жутко выглядит отсюда, с Нижнего уровня. Неба не видно, даже краешка, не говоря о солнце. Здесь, кажется, всегда сумрачно и туманно. Разглядеть что-то можно было только до среднего уровня, где в глаза били яркие огни витрин торговых центров и развлекательных заведений. А выше только мгла и тень. А еще практически над головой, так Натали показалось, носятся аэрокары. Они появлялись в поле зрения буквально на несколько секунд, но те, что девушке удавалось разглядеть, выглядели доисторическими развалинами. Странно, что на запчасти не рассыпаются прямо в воздухе! Трасса Инфериора. Есть еще такие же воздушные пути на каждом уровне. Сама Натали буквально еще несколько минут назад летела по широкой и свободной магистрали Альтитуды, и вот, пожалуйста, вынуждена копошиться теперь в этой грязи, как... как...

— Ты уволен! — процедила она сквозь зубы, чувствуя, как внутри разгорается ненависть.

— Отлично, — сказал водитель. — Могу идти?

— Пошел вон!!! Вон!!! Вон!!! — Натали вскочила на ноги, и откуда только силы взялись, и визжала так, что у самой от крика уши заложило. Она видела, что люди, окружающие

место аварии, начали смеяться. Кто-то вытащил клеверфон (подумать только, даже в этой дырявой дыре у кого-то есть клеверфоны!) и принялся снимать истерично орущую девушку. Так. Надо взять себя в руки.

Конечно, Натали нисколько не сомневалась, что водитель не посмеет оставить ее здесь. Он несет за нее ответственность! Он даже расписывался в договоре за это! Должен ведь был отец включить в договор этот пункт? Натали в любом случае была уверена, что этот мужлан только попыхтит от обиды, но доставит ее домой. А там пусть катиться на все четыре стороны. Но что-то пошло не так.

Водитель криво ухмыльнулся:

— Счастливо оставаться, принцессочка!

А потом развернулся и зашагал прочь.

Натали только рот разинула, как рыба, оставшаяся без воды.

Хотела крикнуть: «Вернись!», но гордость не позволила. Он что, на самом деле ушел? Натали довольно быстро потеряла из вида его спину, хотя даже приподнималась на цыпочки, пытаясь разглядеть фигуру в синей водительской форме поверх голов зевак. Ушел...

— Ну что, кто мне поможет? — обратилась она к толпе. Голос-предатель дрожал и срывался на какой-то сиплый писк. Просьба прозвучала жалко.

— Мне... Я... Мой отец хорошо заплатит.

Эти жалкие людишки неуверенно переглядывались. Чего тут думать? Кто откажется от щедрого вознаграждения?

Да! Браслет же! Видимо, придется...

Кто-то уверенно и ловко сжал запястье Натали в тот момент, когда она уже собиралась разорвать цепочку и активировать сигнал бедствия.

— Ну-ну, — сказал над ухом вкрадчивый голос. — Мы тебе поможем.

Чья-то рука накрыла ей половину лица, зажимая рот. Рука была липкая, жаркая и пахла кислятиной. Отвратительно! Натали чуть было не вывернуло наизнанку, ничего более омерзительного она в своей жизни еще не испытывала. Она замычала, заерзала, пытаясь освободиться, но уже чувствовала, как беспомощна сейчас.

— Тихо, тихо, козявка.

Он был не один, как оказалось. Пока зажимал ей рот и стискивал в удушающей хватке, напарник аккуратно расстегнул браслет, убрал в карман. Натали только беспомощно могла наблюдать, как шанс на спасение ускользает от нее.

— Ша, малышня! — обратился невидимый пока глазам Натали отморозок к толпе, заинтересованно наблюдающей за происходящим. — Проходим, не задерживаемся. Эй, ты, урод волосатый, быстро выключил фон и свалил. Пойдем, цыпленыш.

Это уже к Натали. Девушка почти не понимала, что происходит. Полузадушенная, воздуха едва хватало на то, чтобы не свалиться без чувств, она почувствовала, что ее куда-то ведут. Ноги отказывались идти, поэтому последние метры мужчина тащил ее, приподняв за талию, больно сжав ребра, Натали болталась как тряпичная кукла в его руках. Сквозь пелену, застилающую глаза, заметила автомобиль невзрачного серого цвета, он словно был покрыт пылью, как все на этом мерзком Нижнем уровне. Дверь поддалась не с первого раза, так что второму бандюгану пришлось практически выломать ее. Они торопились и нервничали, это было видно. Хотя служба охраны порядка с неохотой посещала Нижний уровень, но в этот раз им в руки попал столь лакомый кусочек, что счет шел на минуты.

«Когда отец узнает, что случилось, он камня на камне не оставит от вашего жалкого Инфериора!» — думала Натали, и на секунду становилось легче дышать.

Ее забросили за заднее сидение, как если бы она была сумкой с вещами. Девушка больно ударилась о торчащий из ошметков обивки пластиковый поручень, но зато теперь могла наконец вздохнуть полной грудью. Закашлялась, судорожно втягивая в себя воздух. Мужчина сел рядом с ней, притиснул к стене. Натали бы и сама рада была забиться в самый дальний угол, подальше от него, но этот человек специально придвинулся ближе, придавил ее своим боком. И ей показалось, специально двинул локтем под ребра, так что в глазах потемнело.

— Вы хоть знаете, кто я, — Натали пыталась говорить спокойно, понимая, что истерику быстро прекратят. — Мой отец... Вы не понимаете...

— Тсссс, козявка.

Он сжал ей губы большим и указательным пальцами и сжимал до тех пор, пока Натали не вскрикнула от боли. Слезы против воли полились из глаз. А ведь она обещала себе, что не доставит им такого удовольствия — не станет плакать. Жалкие, ничтожные людишки...

— Не твоя печаль, если мы чего-то не понимаем, цыпленыш. Сиди тихо, видишь, у дяди нервы не к черту!

— Но... Послушайте... Если вам нужны деньги...

Вместо ответа он выругался и достал из кармана баллончик. Направил в лицо Натали и нажал на распылитель, она закашлялась, вдыхая мелкие капли, похожие на пыль. И тут же поплыла, почувствовала, как тяжелеют руки. Голова неудержимо клонилась на плечо этому мерзавцу и последним усилием воли девушка отвернулась в другую сторону и прислонилась к окну, заметив, что автомобиль уже давно поднялся в воздух и движется куда-то в плотном потоке таких же обшарпанных и грязных машин по хайвею Инфериора. Последнее, что она услышала, перед тем, как провалиться в забытие, был смешок водителя.

— Сморил девчулю?

— Да, пусть отдохнет пока.

И почему-то очень зловещим показалась Натали интонация, с которой было произнесено это слово — «пока». Что ее ждет? А потом она уже ни о чем не думала, ничего не чувствовала и ничего не боялась...

Натали привыкла просыпаться от солнечного света, чувствуя прохладу шелковых простыней. Она любила развести руки в стороны и сладко потянуться, не открывая глаз. Несколько раз она оставалась ночевать у друзей. У Джека тоже. Дивный вечер. Нет, ничего такого, их компания всего лишь засиделась за просмотром нового блокбастера с эффектом присутствия в маленьком и уютном кинотеатре резиденции Лорнов. Натали сначала не понравилось то, что ей пришлось натянуть на себя этот странный прорезиненный костюм, с какими-то кнопочками-присосками, а на голову шлем, в котором было трудно дышать. Но когда начался фильм, она сразу позабыла обо всех неудобствах. Тем более, что она была в этом фильме главной героиней, а Джек — главным героем. Он спасал ее, обнимал, носил на руках. А тот единственный поцелуй, подаренный ему в финале, был жарким, искренним и почти совсем настоящим. Нет, Натали знала, что это иллюзия, созданная хитроумной техникой, но все же... Джек хоть и не целовал ее по-настоящему, но в этот момент чувствовал тоже самое.

— Останься, — сказал он, когда фильм закончился.

И Натали всю ночь провела без сна в маленькой гостевой спальне, ожидая и надеясь,

что Джек постучится к ней, и тогда она подарит ему реальный поцелуй взамен киношного. Но так и не дождалась, уснув под утро. Джек не пришел... То пробуждение было не самым приятным, Натали не выпалась и чувствовала себя отвратительно.

И все же то утро не шло ни в какое сравнение с тем, что Натали переживала сейчас. Сначала она ощутила, что болит все тело, но особенно сильно ребра и голова. Во рту был такой вкус, словно она всю ночь пила верс, не закусывая. Нет, она никогда не пила верс в таких количествах, но примерно так представляла себе последствия. Вместо привычной прохлады простыней под руками она нащупала грубое шершавое покрытие. Попыталась открыть глаза — непроглядная темнота, на мгновение она даже испугалась, что газ из баллончика ослепил ее, но когда девушка поднесла к лицу ладонь, то с трудом все же смогла различить ее контуры. Она вспомнила все и сразу в ту самую секунду, как очнулась. И сердце ухнуло в бездонную яму. Натали старалась лежать тихо и дышать равномерно, чтобы те, кто ее украл не сразу догадались, что она пришла в себя. Ей необходимо было время все обдумать.

Сначала она долго и с удовольствием орала на водителя, бросившего ее на этом мусорном уровне. Орала, конечно, мысленно, зато не стесняясь в выражениях. Потом, чуть успокоившись, попыталась мыслить конструктивно. Браслет недоступен, сигнал бедствия подать она теперь не может. Но оставалась надежда, что бессовестный водитель все же сообщит отцу о том, что произошло. Об аварии, ведь о похищении он не знает. Даже если не сообщит, то отец все равно забеспокоится после того, как позвонят из школы: ведь Натали не явилась на занятия. То есть очень скоро уже, возможно прямо сейчас вся служба охраны порядка поднята на уши и прочесывает Инфериор в поисках пропавшей наследницы «Империи Флина». И кто-то из зевак наверняка выложил записи с похищением в сеть. Так что возможно прямо сейчас все новостные каналы забиты горячими известиями о похищении дочери богатейшего человека Примариуса. Осталось ждать недолго, ее обязательно найдут. Глупые, жалкие бандиты, вы не знаете, что подписали себе смертный приговор, едва посмеяв коснуться ее. У Натали даже настроение поднялось, когда она все это провертела в голове. Надо совсем немного подождать. А пока она будет тихой и послушной, будет делать все, что они скажут. А потом лично будет присутствовать на их казни! Ах, да. Смертные казни сейчас повсеместно заменили ссылкой и пожизненными работами в опасных местах. Куда свободные люди отправляются работать за очень большое вознаграждение. На шахты астероидов, например. А Натали сделает все, чтобы они попали на пояс Гумбольта — пояс астероидов, которым владел Скандор Флин. А там уж... А там уж! Она вспомнила вонючую лапу на своем лице и сжала губы. Вы за все ответите!

Внезапно под потолком зажегся свет, Натали зажмурилась от неожиданности, даже дышать перестала. Кожа покрылась мурашками от страха. До этого дня Натали боялась только стоматолога и аттракционов в парке Свободы. Перед стоматологом она испытывала какой-то иррациональный страх, ведь лечить зубы было совсем не больно. Вместо укола врач касался десны теплой палочкой, мгновенно лишаящей нервы всякой чувствительности, а потом Натали просто сидела, закрыв глаза и слушала музыку в одном наушнике. Неудобно, конечно, в одном, но иногда приходилось кивать или отрицательно качать головой на вопросы врача, но в общем-то ерунда. А от Бешеной Скачки, самой большой горки, с тремя мертвыми петлями, сердце, конечно, ухало в груди и пыталось провалиться в пятки, но все же это был сладкий страх, от него щекотало в носу и хотелось смеяться во всех голос.

А вот сейчас, когда он слышала приближение шагов, тоже нестерпимо хотелось

кричать, но вовсе не от радости. Это был настоящий — тяжелый, колющий страх, отчего во рту стало солоно и жарко. Натали казалось, что все клеточки ее тела сжались в ожидании удара.

— Эй, — сказал кто-то над ее головой.

Голос не был грубым и хриплым, как у похитителя. Он как будто принадлежал совсем молодому парню и звучал не угрожающе. Натали, понимая, что дальше притворяться бессмысленно, мысленно вздохнула и решительно села, готовая к любому развитию событий. Ей главное потянуть время. Всего лишь несколько часов продержаться!

— Ого! — не сдержала она удивленного возгласа. — А что с твоими ушами?

— Их нет, — услышала она в ответ. — Уши отсутствуют.

— Но... Как...

Тут глаза привыкли к свету и девушке удалось как следует рассмотреть нового знакомого, хотя обзаводиться знакомствами в таком месте, да еще такими знакомствами, совершенно не хотелось.

Он был одет в потрепанный, выцветший, давно уже не стиранный синий комбинезон, больше напоминающий половую тряпку. Босой, лысый, старый робот — андроид. Одна из первых моделей, давно вышедших из употребления. Но Натали помнила, что когда они только появились, то считались прорывом в робототехнике. Робот был задуман как помощник по хозяйству на все случаи жизни. Мог готовить, убирать, ремонтировать технику, даже мог заменить няню ребенку на пару часов. Именно из-за последней функции их сделали такими похожими на людей. Живая мимика, выразительные интонации в речи. Они понимали смысл сказанного и умели импровизировать в ответах. В Альтитуде уже никто давно не пользовался УПМ-1, в народе получившими название «Упс», после того, как надежды, возлагаемые компанией Технокон на то, что они сумели создать модель универсального помощника, не оправдались. Процессор не справлялся со всеми задачами, глючил самым бессовестным образом. Андроидов сняли с производства после того, как один экземпляр едва не запек порученного его заботам ребенка в духовке вместо пирога. Дело замяли, но роботов тихонечко обменяли на новые модели, хотя это влетело компании в копеечку.

И вот один из этих древних ископаемых стоял сейчас рядом с Натали, переминаясь с ноги на ногу. Образно выражаясь. Правда, такое впечатление на самом деле создавалось, хотя, скорее всего, у этого бедолаги просто от старости шарниры в коленях расшатаны, или что там у них в ногах! А уши, служившие чем-то вроде украшения, ведь практического применения у них не было, с течением времени истрепались и отвалились. Жуть, ну и компания! А где же те маргинальные личности, что украли ее и привезли в эту халупу?

Часть третья

Натали быстро окинула взглядом помещение — халупа и есть! Она сидела на койке, обтянутой синтетической материей. Койку явно подобрали на свалке или купили где-то на распродаже. Как, впрочем, и все остальные немногочисленные вещи, что находились в крошечной комнатке. Девушка мельком увидела шкафчик, с выломанной дверцей, грязный коврик на полу. То, что она сначала приняла за причудливый рисунок на стенах, оказалось влажными разводами. Больше она не присматривалась, ощущая, как начинает тошнить от убогости и грязи. Пахло плесенью и чем-то прогорклым, не исключено, что от робота.

— Чего тебе? — хмуро спросила она. — Ты кто вообще?

— Умница, — ответил тот. Натали изумилась было нахальству этого железного чурбана — да как он посмел так фамильярно к ней обращаться! — но быстро сообразила, что он назвал свое имя.

— Что? — опешила она. — Ты серьезно? Умница? И чего тебе надо, Умница — разумница?

— Съесть тебя. Шутка. Ха-ха. После вопроса про уши напрашивалась само.

Натали в молчаливом изумлении взирала на это ходячее недоразумение.

— Детская сказка. Я знаю множество детских сказок! — нотки гордости чудились в его голосе. Ох, уж эти программы имитации личности. — Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие ушки?

На всякий случай Натали отодвинулась. Умница заметил ее движение и вдруг раскинул руки в стороны.

— Обнимемся? — радушно предложил он.

— А?!

— Твоя мимика говорит о том, что ты расстроена, рассержена, растеряна. Объятия помогут снять тревожность.

— Это все слова с приставкой рас, которые ты знаешь? — ядовито поинтересовалась Натали, подумав про себя, что объятия с этим уродливым уродом ей явно на пользу не пойдут.

— Это не все слова с приставкой рас, которые я знаю, — Умница не улавливал сарказм и не чувствовал скрытых смыслов, как все андроиды. — рассориться, рассмотреть, расклеить, расколоть, рассада...

— Засада, — сказала Натали. — Да замолчи ты уже!! Ты можешь мне ясно и понятно сказать, где я, и что тебе от меня нужно?

Умница надолго задумался, стоял, глядя куда-то поверх ее головы. Натали даже показалось, что сейчас на ее глазах произошел тот самый глюк процессора. А ведь такой, казалось бы, простой вопрос.

— Я связался с хозяином, — вдруг отмер Умница, да так внезапно, что Натали, которая уже причислила глючного андроида к новому виду мебели, взвизгнула и забралась с ногами на койку.

— Тьфу на тебя! — разозлилась она, но любопытство оказалось сильнее. — Ну?! И что?

— Просит передать, цитирую дословно: Ты в инкубаторе, цыпленыш, — когда Умница произносил слова неведомого хозяина, голос его на секунды из мелодичного и приятного, стал грубым и хриплым. Натали тут же его узнала, зажмурилась от нахлынувшего страха.

Она ведь почти забыла... Нет, нельзя расслабляться. Ни на минутку, надо быть начеку.

— Это все? — спросила она, стараясь казаться спокойной. — И что это за инкубатор такой?

— Не знаю, — простодушно сознался умница. — Мне велено накормить тебя, познакомить с другими пташками и дать задание.

— Ну... Ладно...

Ничего не понимая, Натали все же решила притвориться послушной. Ей всего лишь надо потянуть время.

— Пойдем со мной.

Он вытащил из-за пазухи замусоленный ключ-карту, приложил к двери. Натали отметила для себя тот факт, что, если безмозглому андроиду доверяют охрану ценных объектов, значит людей у них мало. Отлично. Она вполне может придумать, как выманить или просто незаметно стащить ключ. Но это потом, сначала надо осмотреться.

Умница повел ее за собой по длинному темному коридору, куда выходили такие же двери, как та, за которой была комната Натали. Ната насчитала двадцать, потом плюнула и стала смотреть по сторонам. Пол был настолько ветхим, что пластиковые доски, которые в лучшие свои времена имитировали паркет, выпрыгивали из-под ног, словно являлись живыми существами и собирался пуститься наутек. Стены окрашены темно-зеленой краской, наверное, для того, чтобы скрыть следы плесени. Лампа, древняя, можно даже сказать доисторическая лампа накаливания, горела одна во всем коридоре. То ли напряжения не хватало, то ли тому была еще какая-то причина, но она мерцала так, что у девушки в глазах зарябило. Дальше Натали шла, поглядывая с осторожностью сквозь прижатые к лицу пальцы. Хотя все здесь было настолько жуткое, обшарпанное, мерзкое и вонючее, что она немного потеряла бы, даже если продолжила идти с закрытыми глазами. Но опасаясь, что споткнется об очередную дикую паркетину, или запнется о пластиковые ящики, стоящие вдоль стен, и растянется во весь рост на этом грязном полу, Натали все же продолжала поглядывать одним глазом.

— Вот здесь туалет! — Умница уже дошел до конца коридора, встал прямо под лампочкой, которая настойчиво посылала в темноту одной только ей ведомые сигналы, и почти гордо указал на расположенную на противоположной стене дверь. — А рядом — душ!

Андроид замер, ненавязчиво давая понять, если Натали надо, он подождет.

Ната брезгливо приоткрыла дверь кончиком указательного пальца и в немом ужасе воззрилась на то, что предстало ее взгляду.

— А это что? — пролепетала она, указывая на стены, которые, словно причудливыми украшениями, были увешаны стульчаками разных цветов.

— Твой вон тот, розовенький, — невозмутимо пояснил Умница, потом поднял вверх ладонь, словно предупреждая возможные возражения. — Только твой, не волнуйся. Гигиена! Будешь его мыть сама.

— Что?! — задохнулась Натали, но прикусила язык. Послушная девочка! Послушная девочка! Надо протянуть время.

— Спасибо. Я пока не хочу, — выдавила она.

— Тогда в столовую.

Он свернул за угол, толкнул дверь и Ната, шагнув следом, вывалилась в довольно светлое помещение. После темного коридора глаза заслезились, но когда привыкли к свету, девушка увидела просторную комнату с окнами от пола до потолка, поэтому даже тусклого

света Инфериора вполне хватало на то, чтобы в это время дня использовать естественное освещение. Но большие окна были, пожалуй, единственным ее достоинством.

Посередине стояли составленные торцами друг к другу несколько столов, вдоль них лавки. У стены комкухи устаревших моделей, древнее даже Умницы. Грязные, закопченные, но до сих пор рабочие — Натали видела, как по консоли пробегают огоньки: комкухи что-то готовили прямо сейчас. А в воздухе висел запах подгоревшей еды, но даже он не перебивал кислую вонь, которой, казалось, пропитались стены.

— Сядь, — сказал Умница, указав на лавку.

Столы пустовали, но на каждом стояла пустая тарелка и стакан, лежала ложка и влажная салфетка в прозрачной упаковке. Натали быстро посчитала — места были рассчитаны на двадцать человек. Ничего себе толпа! И кто все эти люди? И зачем они здесь?

Натали села, стараясь не смотреть в сторону окон. Как только Умница отойдет, она немедленно попытается сбежать! Андроид, казалось, почувствовал, что она замышляет:

— Даже не пытайся выпрыгнуть в окно. Инфериор нижний уровень, но он вплоть до пятидесятого этажа считается таковым. Сейчас мы на сорок пятом. Будь осторожна, детка.

Ну, понятно, программа няни включилась! Хотя ее, кажется, старательно пытались зачистить, оставив лишь программы слуги и помощника по хозяйству.

— Жди.

Он шаркающей походкой ушел за дверь, девушка напряженно прислушивалась к звукам в коридоре, не зная, к чему готовится. Комкухи поочередно пропищали, извещая о том, что еда готова. И почти сразу в столовой стали появляться люди. Они, одетые в одинаковые темно-синие спортивные костюмы, сначала слились в единую человеческую массу.

Ната сжалась на скамейке, опустила голову, чувствуя себя вновь маленькой девочкой, пришедшей в первый раз в школу. Она и сейчас помнила, что чувствовала тогда. Кривые косички, которые отец заплет сам, платье, которое она впервые создала сама, оказалось коротко, а рукава, наоборот, пришлось закатать. Она вошла в ворота, вжав голову в плечи. «Засмеют, не будут дружить!» — метались мысли. Отец был рядом, держал руку на ее макушке. Пестрая толпа мальчишек и девчонок окружила ее веселым хороводом.

— Ната! Натали Флин! Ты такая хорошенькая! Давай подружмся! И я, и я хочу с тобой дружить, — наперебой заговорили дети. Маленькая Натали подняла голову и гордо осмотрела свою будущую свиту.

— Натали? — чей-то голос словно вырвался из воспоминаний или это чудилось ей. — Натали Флин?

Ната в ужасе огляделась. Кто может назвать ее по имени в таком месте? Долговязый парень стоял рядом и смотрел на нее, в его бледно-голубых глазах в обрамлении светлых ресниц явно читалось узнавание. Вот только Натали его не знала.

Он перешагнул через лавку и присел справа от нее, ни слова больше не произнеся. И Ната не стала заговаривать, ожидая, что он сделает дальше. Но он молчал. Слева занял место еще один парень, напротив уселась пухлая девушка с растрепанными каштановыми волосами. Насколько могла судить Ната, те, кто сейчас заходил в столовую, были одного примерно возраста с ней. Они кидали на новенькую быстрые взгляды, и на некоторых лицах Натали вновь заметила это выражение узнавания, но эти люди оказались более сдержанными, чем белобрысый сосед и ничем не выдали своих чувств. Рассаживались молча, быстро, даже друг на друга старались не смотреть.

Умница с двумя помощниками, которых он выбрал из числа подростков, обходил столы,

разнося еду. Ната, как и все остальные, получила сероватый кусок хлеба, зато свежее испеченный, еще горячий, и некую белую массу, которую вывалил комком на тарелку низкорослый парнишка.

— Что это? — она с подозрением принялась.

— М-м-м... Ну, главное, что съедобно, — ответил тот, кажется без иронии.

Ната краем глаза покосилась на долговязого соседа, раздраемая любопытством. Назвал ее имя, а теперь молчит! Ну, раз так, и она будет. Попробовала массу, ничего так, сойдет. Девушка поняла вдруг, что ужасно проголодалась. Сколько уже прошло времени с той минуты, как она покинула дом? Когда ее найдут? Ей вдруг показалось, что прошла вечность с того момента, как она видела чистое небо и солнце. Сердце против воли тоскливо сжалось. Все это какой-то бред. Авария, похитители, Умница этот, каша на тарелке. Может быть этот худой парнишка что-то знает. Натали вдруг нестерпимо и немедленно захотелось узнать, откуда ему знакомо ее имя. Желание оказалось сильнее привычной гордости и надменности.

— Кто ты? — прошептала она, чуть наклонившись в его сторону, делая вид, что разглядывает комочки еды в тарелке. — Откуда ты меня знаешь?

— Позже, — ответил тот, едва разжимая губы.

Девушка, сидящая напротив, поймала взгляд Натали и качнула головой, словно запрещая той продолжать разговор. Они в сговоре? Они явно что-то знают. И чего-то боятся?

Ната указала глазами на Умницу, замершего у противоположной стены, ожидающего окончания завтрака, и вопросительно подняла брови, надеясь, что ее молчаливый вопрос будет понят верно: «Потом? Когда его не будет рядом?»

Девушка утвердительно закрыла глаза, если, конечно, Ната правильно истолковала этот знак.

— Вот и молодцы, ребятки! — радостно похвалил их андроид, когда опустела последняя тарелка. — Вырастите большими, сильными...

Ната видела, как Умница борется со своей программой, и прыснула, не удержавшись. Сосед вдруг сжал ее руку под столом, резко и больно.

— Наша новенькая девочка, — вдруг произнес Умница, но не своим тихим голосом, а резким, ехидным. Натали поняла, что сейчас наблюдает глазами андроида и говорит за него мужчина, чью ладонь на своей коже она, казалось, ощущала до сих пор.

— Наша милая малышка Натали. Веселится! Хочет первой получить задание!

Вокруг все замолчали, опустили головы, стараясь на нее не смотреть. Затевалось что-то нехорошее, это она сразу поняла. Эти нотки в голосе, это лживое участие...

Она вспомнила вдруг глаза той девочки на прошлогодней вечеринке. И ведь девочка вроде бы даже не сделала ей ничего плохого, скорее напротив — смотрела влюбленно и восторженно. Вот только Ната терпеть не могла этих щенячьих глаз. К тому же девочка была толстой и некрасивой. Натали вспомнила, как подошла к ней, как приобняла за руку.

— Ой, а кто это у нас здесь? — Ната сама нежность. Девочка — доверчивая дурочка, улыбнулась в ответ.

— Посмотри, у тебя здесь ниточка распустилась, дай поправлю. — Натали протянула руку и поправила несуществующую ниточку так, что бедняжка-толстуха осталась без части рукава. — Прости, прости! Беги скорее домой, нельзя же в таком виде здесь оставаться! Да, и лучше не надевай платьев, они, видишь, расползаются на твоей фигуре!

Девочка убежала в слезах, а Натали, Джек, обнявший ее за плечи, и вся их компания, смотрели вслед и смеялись.

— Какое же поручение мне тебе дать? — задумчиво произнес Умница. Нет, не Умница, конечно, а тот, кто руководил им сейчас. Он приблизился, смешно сгибая колени, и Натали едва не прыснула вновь, хотя одновременно с этим чувствовала, как поднимается страх.

— Сначала, цыпленьш, посмотри на свою правую щиколотку.

Нату удивила эта просьба, однако она послушно наклонилась, разглядывая свои ноги. Щиколотка как щиколотка, правая ничем не отличается от левой. Или... Вот здесь, над выступающей косточкой вроде бы не было этого крошечного следа от укола...

— Видишь? Там под кожей стоит крошечный чип. Даже если ты попытаешься сбежать, то найдем мы тебя очень быстро. А если заберешься так далеко, что вернуть тебя не получится, то просто...

Умница вдруг звонко хлопнул ладонями, так что Ната едва не рухнула на пол от неожиданности. Подскочила чуть не до потолка. Долговязый сосед удержал ее за локоть и так и оставил руку на ее предплечье. Вот наглец! Жаль, не до того сейчас. Позже, позже...

— Что просто? — уточнила она. — Я не совсем поняла.

— Просто прощай хорошенькая ножка и хорошенькая девушка. Мы доберемся до тебя, как бы далеко ты не забралась.

— Взорвете?

— Да, козявка. И мокрого места не останется. Поэтому ты должна быть послушной девочкой. Очень послушной. Ты понимаешь?

Ната сдержанно кивнула.

— Отлично. Выбери напарника, он понадобится тебе для того, чтобы выполнить задание.

Девушка не глядя дотронулась до плеча своего соседа. Пусть он, почему нет. Зато, может быть, удастся его расспросить.

— Хиляк? Не лучший выбор... Ладно... Вам надо будет...

Натали слушала и не верила, что действительно слышит это. Какой-то бред. Такого не может происходить на самом деле...

— Хиляк, переодевайся. Натали, пойдешь так, костюмчик еще ничего. Вам сегодня везет, отправляетесь в космопорт Астрополис встречать дорогого гостя. Представитель Римисса прилетает сегодня для участия в конференции... М-м-м... Что-то там межвидовые, что-то там пути решения, что-то там коммуникации. Это не важно. Важно то, что вы должны перехватить его раньше, чем настоящие волонтеры, взять под белые ручки, посадить в автомобиль... Цыпленьш, не смотри так красноречиво, автомобиль будет экстра-класса, снимем ради такого случая на часок! И когда останетесь без посторонних глаз, то максимально вежливо и приветливо попросите его сделать Натали инъекцию того самого вещества, что он привез с собой. После этого отпустите его и вернетесь домой.

— Домой? — с горькой иронией переспросила Ната. — Это не мой дом!

Вообще, не о том она, конечно, переживала. Но остальное было настолько дико и неправильно, что она не знала, какой момент вывел ее сильнее всего. То, что она должна кого-то брать за белые ручки? Или то, что ей должны вколоть неизвестную дрянь? И с какой стати ей соглашаться на это? К тому же, стоит ей только появиться в Астрополисе, работники службы охраны порядка наверняка тут же опознают в ней пропавшую наследницу «Империи Флина». Не могут же они быть настолько глупы, чтобы... Или могут? Ната едва не рассмеялась счастливо, но вовремя прикусила губу. Если так, то недолго ей оставаться игрушкой в руках этих ненормальных.

Умница, а вернее тот, кто им сейчас управлял, кажется все же заметил, что лицо ее озарила надежда.

— Думаешь, спасение близко?

Что-то в его голосе очень не понравилось девушке. Он ее раскусил, но кажется не нервничал совершенно. Что она поняла не так? Посмотрела на Хиляка, тот криво усмехнулся краешком рта, как-то грустно это у него получилось, словно он сам когда-то был на месте Натали, прежде чем осознал, что... Но что?

— Думаете, меня не ищут? Да отец поднял на ноги все службы!

Может не надо было это говорить? Хотя они не могут этого не знать, ведь так?

— Поднял, а как же! Все с ног сбиваются в поисках малютки Натали.

Лицо Умницы явно неприспособленно было к тому, чтобы выражать такие эмоции, как гнев или презрение. Наверное, там не хватало каких-то важных волокон, которые позволили бы сдвинуть брови, или опустить уголки губ. Голос был зол, голос был полон ядовитого сарказма, Умница же продолжал смотреть на нее с безмятежным видом, чуть улыбаясь. Натали стало жутко.

— Так что же? — переспросила она. — И как же...

О, Натали, где твоя ирония, которая всегда охраняла тебя, словно броня. Неужели так быстро страх и неизвестность могут сломить и сделать жалкой, глупой...

— А так же! — передразнил невидимый собеседник. — Умница, покажи, кого они ищут!

Умница развел руки в стороны, из его ладоней появились два луча, скрестились на полу, образуя голографический объект. Объект — девушка, хрупкая блондинка, на высоченных каблуках. Она была совершенно не знакома Натали, и сколько бы та не вглядывалась сейчас в широкоскулое лицо с высокомерно вздернутым носом, но совершенно отчетливо понимала, что нигде не видела ее прежде. Угловым зрением увидела Хиляка, тот смотрел на нее отчего-то с жалостью, а потом и вовсе отвел глаза.

— И кто это? — неожиданно охрипшим голосом спросила она.

— Это ты, — ответила девушка с каштановыми волосами, что сидела на против. — Вот кого все ищут. Натали Флин выглядит так.

— Как?! Что?! Вы с ума сошли?

Все молчали, и старались на нее не смотреть. Что же это за фантасмагория такая? Что за бред?

— Это я — Натали! Я! Вот ты! Ты же меня узнал!

Она схватила долговязого бледного паренька за руку, чего раньше никогда бы себе не позволила.

— Я тебя узнал, Натали, — ответил он. — Я видел тебя прежде, хотя ты меня, похоже, не помнишь. Факт заключается в том, что все, кто не знал тебя в прошлой жизни, просто не знают, как ты выглядишь на самом деле.

— Но... Да нет, фигня. Обо мне всегда выходили сотни статей, меня сотни раз фотографировали. И отец, кстати, был не против!

— Еще бы он был против. Разрешал дочери тешить свое самолюбие, — девица с каштановыми волосами смотрела на нее, прищулив глаза, внезапно зло и презрительно. — Ты видела на страницах в сети свое фото, а все пользователи видели тощую блондинку. Наивность! Родители всегда пытаются оградить своих детей, а то, как они это делают, детям знать не обязательно...

— А откуда тебе знать? — пролепетала Ната и больно дернула сама себя за прядь волос, чуть не вырвав с корнем. Ну, до чего же была она нелепа сейчас, злилась просто жутко.

— Уж поверь мне. Все через это прошли! Ты тут не одна такая принцессочка.

— Но... — все-таки что-то не срасталось. — Ведь отец знает, что я пропала! Сейчас-то ему зачем скрывать? Иначе как меня найти?

Натали оглядывалась в недоумении, в отчаянии, ловила на себя взгляды, в которых читала усмешку, жалость или даже злость.

— Факт в том, принцессочка, что никто нас не ищет, — девушка, сидящая напротив, единственная, набралась смелости, и произнесла вслух то, что никто сказать не решался. — Никто не знает в чем дело, но каждый здесь прошел через это. Сначала надежда, что досадное недоразумение будет исправлено в течение нескольких часов. Планы мести, которые согревают душу. Потом недоумение. Потом... Кто-то набирался решительности и открывал глаза. Сегодня это буду я. Не убивай гонца.

Она улыбнулась, но совсем не весело.

— Я здесь уже месяц. Некоторые ребята дольше. И все мы, поверь, тоже не лохмотьях родились. Ты, конечно, у нас птичка самого высокого полета, большинство здесь на Альтитуту взидало всю жизнь задрав голову вверх. Но вот Айвон, например, тоже с твоего уровня.

Она кивнула в сторону Хиляка.

— А я из Медиума. Моя семья — владельцы сети ресторанов. Известные и обеспеченные люди. Однако, я до сих пор здесь. Не знаю почему, знаю только, что нас не ищут. Вот и все. Твой отец тебя не ищет. Никто тебя не ищет. А до Альтитуды ты не доберешься. Из Инфериора туда путь заказан. А сейчас можешь начинать плакать, вон, у тебя уже губы дрожат.

У Натали действительно дрожали губы, она даже не заметила. Конечно, плакать она не собиралась, не дождутся. К тому же, еще проверить надо то, что ей сейчас наговорили. А единственный способ сделать это — выбраться поскорей из этой гнилой дыры.

— Хорошо, — быстро сказала она. — Я поняла. Айвон... ты ведь Айвон, да? Переодевайся и поехали.

— Меня Жаклин зовут, — сказала собеседница. — Если что. Я знаю, о чем ты сейчас думаешь.

— И о чем же? — как Натали не пыталась скрыть язвительность, она прорвалась наружу.

— Хорошие девочки не ссорятся! — Умница уже вернулся в свой обычный режим, невидимка, наблюдающий через его глаза, наверное, был тоже где-то поблизости, но пока затаился.

— Да заткнись ты! — не выдержала Ната. — Как же надоел!

— Давай-давай, принцессочка. Бери своего верного оруженосца и поезжай в порт, — Жаклин смотрела на нее с непонятной усмешкой.

— И поеду!

— Хорошая девочка! — похвалил Умница.

Пока шла эта странная перепалка, другие молодые люди потихоньку покидали общую комнату. Видимо, у каждого из них было какое-то свое задание, или сегодня, наоборот, заданий не было. Айвон тоже ушел, но вернулся довольно быстро. Он сменил свой спортивный костюм на оранжевые брюки и малиновую водолазку. Выглядело это вычурно и

слишком ярко. Натали знала, что так предпочитают одеваться жители Тандема — уровня, на котором проживало большинство людей. То есть сейчас Айвон и Натали должны были представлять собой совершенно обычных, типичных молодых людей Примариуса.

Часть четвертая

Спустя несколько минут они уже сидели в таксиметробиле, управляемом автопилотом и направлялись в порт. Ната судорожно прокручивала в голове последние инструкции, потом, чтобы проверить себя, коснулась указательным пальцем правой руки в тонкой гиперперчатке ладони левой, превращая ее в экран. Айвону перчатку не дали, значит она главная! На ладони — экране появилось лицо гуманоида — безносое, безгубое, своим внешним видом он напоминал ящерицу.

— Профессор Ашхисс, — произнес в наушнике голос человека, которого Натали уже мысленно привыкла называть «Наблюдающим». — В лицо вы его вряд ли запомните. Но он будет единственным представителем Рамисса, прибывшим на конференцию. Подойдете, представитесь волонтерами центра «Разумные расы в поиске разумных путей» и пригласите за собой в автомобиль. Автомобиль марки Вентус ожидает на стоянке.

Картинка на ладони сменилась, показывая Натали и Айвону карту, сначала как схему, потом как фотографию. Точка, где припаркован автомобиль, светилась алым. Девушка прищурилась, пытаясь запомнить.

— Да не парься, — сказал Айвон. — Дойдем по навигатору.

— Водителя не будет, да он и не нужен. Сядете и скажите слово в слово то, что я сейчас произнесу. «Урожай созрел. Время жатвы». Он спросит... Я, надеюсь, что спросит, кому из вас сделать инъекцию. Ответишь, что тебе. Если вдруг заупрямится... Лучше бы все прошло гладко, цыпленыш. Это в твоих интересах. Иначе придется тебя наказать.

Ната сжала губы. Он думает, что если запугает Натали как следует, то она, в свою очередь, запугает этого странномордого Ашхисса? Ага, она ведь опасная!

Натали сжала ладонь в кулак, отключая экран. Таксиметробиль давно поднялся в воздух и мчался в направлении Астополиса — малого космопорта планеты. Натали бывала там когда-то давно. Обычно отец пользовался Центавром — он был расположен удобнее, считался более престижным. Он предпочитал держать свои шатлы в его доках. Натали судорожно пыталась вспомнить, если ли в Астрополисе корабли отца, или хотя бы маленький офис его компании. Если и был, то она этого не знала.

Натали огляделась, как преступник, который боится быть пойманным и тихонько сняла перчатку с руки.

— Ты что задумала? — Айвон оторвался от созерцания вида за окном и с интересом посмотрел на свою спутницу.

— Тссс... Они ведь сейчас не могут нас слышать? Только по чипу перемещение отслеживают?

— Ну... да... Ты ведь не в окошко прыгать собираешься?

Натали вздохнула. «Ты умный или нет?» — явно читалось в ее взгляде.

— Нет! Просто хочу проверить кое-что!

В таксиметробиле, как в любом городском транспорте, была установлена урезанная версия сети, чтобы пассажиры в дороге не скучали, могли пролистать новости, посмотреть фильм. До Астрополиса лететь еще довольно долго, у нее есть время.

Натали положила обе руки на встроенный в спинку кресла экран, тот, ощутив тепло, исходящее от ладоней, загорелся матовым светом.

— Все еще надеешься? — Айвон догадался и смотрел на нее с сочувствием.

— Вы тут с ума все сошли. А я сдаваться не собираюсь. Как можно сидеть в этой дыре и даже не пытаться что-то сделать для своего спасения!

— О... Я пытался...

Айвон отвернулся, отказываясь участвовать в дальнейшем споре. Натали даже не обратила на это внимания, как раз в этот момент пытаясь сформулировать правильный запрос.

— Пропала Натали Флин, — произнесла она вслух, подумав, что начинать поиск можно с этого, а там как пойдет.

Найдено 1784 ссылки. Натали жадно пробежала глазами по строчкам. Сначала шли ссылки на фильмы и книги, где встречались похожие имена. Потом... «Натали Флин пропадает от любви к Джеку Лорну»... Что за ужас, как они посмели! Девушка покосилась на Айвона, но тот безучастно пялился в окно. Потом просто шли ссылки на ее имя. Она наугад раскрыла одну и увидела худую блондинку с жабым лицом. Ладно, не с жабым, конечно. Но как? Как такое возможно? Ладно, боты заменяют каждое ее изображение на изображение этой жуткой девицы. Но почему ее не хватились до сих пор?

Ната сжала руки на коленях, ощущая, как реальная жизнь, вся ее жизнь, которую она знала до сегодняшнего дня, ускользает от нее, тает, как сон. Даже голова закружилась. Ведь не привиделось ей это в самом деле? Всего день назад она была в резиденции Лорнов, смотрела вниз и чуть ли не поплевывала на макушки всех этих людишек, копошащихся там, внизу. Что она вообще делает здесь? Едет в паршивом таксиметробиле в порт, встречать какого-то гуманоида... Отец, где ты? Почему ты меня не ищешь?

— Я Натали, — прошептала девушка. — Я Натали Флин. Айвон, скажи мне, что я — это я. Иначе я с ума сойду!

— Ты — это ты, — сказал Айвон. Кажется, он смотрел на нее с искренним сочувствием. — А я — это я. Айвон Вог. Сын начальника департамента охраны порядка, мира и благоденствия Примариуса. Все службы планеты подчиняются ему. Разыскивать меня должны были так, что без внимания не осталась бы ни одна самая маленькая щель, каждую дыру изучили бы вдоль и поперек. Если бы меня искали, то нашли за час. Я уверен. Нас не ищут.

Ната в ужасе смотрела на его лицо, надеясь заметить, угадать, если он попытается обмануть ее. Айвон тоже посмотрел ей прямо в глаза.

— На второй день я сбежал. Нашел ближайшее отделение службы охраны порядка. Настоял на том, чтобы меня связали с начальником департамента. Я умею убеждать, когда это необходимо...

— С твоим отцом? — Ната боялась моргнуть, вся обратилась в слух. — И что?

— Отец вышел на связь, но разговор получился недолгим. «Мой сын дома, я только что его видел. Гоните в шею этого мерзавца!»

— Да как же так...

...Никто никогда не говорил Натали о том, что она является центром вселенной. Но сейчас эта вселенная вспыхнула и осыпалась яркими искрами, догорая.

Автомобиль вылетел за пределы полиса, будто ухнул в пропасть. У Натали даже закружилась голова от обрушившегося на нее пространства и света. Она оглянулась и увидела позади себя серую тень города, словно укутанные туманом скалы, затянутые пеленой дождя.

— Подлетаем, — сообщил Айвон. А то Натали и сама не видела! Она даже отвечать не

стала, только смотрела, как постепенно вырастает перед ними громада порта. Сверху он напоминал распластавшуюся по долине морскую звезду, раскинутую во все стороны отростки-лучи, которые тянулись, к посадочным платформам, к докам (необходимый ремонт шатлов, легких катеров и даже пассажирских лайнеров тоже проводился здесь), к разгрузочным площадкам. Он напоминал живое существо, которое пульсировало, двигалось и обладало разумом.

Автомобиль спустился ниже, подлетел к площади и приземлился, отыскав парковочное место. На самом неудобном и отдаленном участке площади. Отсюда или час пешком идти или вызывать слейтер — левитирующую платформу. Натали терпеть не могла эти убогие слейтеры. Стоишь на доске метр на метр, ноги закреплены в специальных выемках, держишься за нелепый поручень. Да еще и трясется на поворотах, будто вот-вот развалится на части. Отец же никогда не брезговал слейтерами. Стоял впереди, как капитан на мостике, держась за этот поручень так, словно управлял кораблем. Обхохочешься. А позади Натали держалась за его талию, жмурилась от ветра и даже не пыталась сделать что-то с волосами, которые с каждой секундой полета становились все более запутанными. Стояла, злилась, но молчала. А отец время от времени похлопывал ее по руке.

— Ната, какой я вираж заложил, а? Отлично, правда?

Натали хмыкала в ответ на это. Иногда ей казалось, что отец специально оставляет автомобиль как можно дальше от входа, чтобы потом вот так прокатиться. И испортить ей прическу и настроение...

— Ната!! Натали!! — Айвон, кажется, безуспешно пытался до нее докричаться вот уже несколько секунд. — Ты оглохла? Я тебе говорю — я вызвал слейтер, иначе мы не успеем добраться.

— Не ори на меня!

Натали, вернувшаяся в действительность, была жутко зла. Теперь не надо было притворяться — репортеров нет, никто даже не смотрит в их сторону. Это было так странно... Но в тоже время девушка вдруг ощутила что-то похожее на свободу. Если она сейчас треснет Айвона, то никто не посмотрит осуждающе. Вернее, посмотрели бы, но кому интересно? Кинут взгляд и тут же забудут. А еще можно крикнуть, лечь на землю, или начать скакать на месте, как обезумевшая. И большинство просто пройдет мимо, подумав: «Ох, уж эти подростки!»

— ААААА! — закричала Натали, подпрыгнула на месте несколько раз и оглянулась. Из соседнего автомобиля высунул голову мужчина, увидел скачущую Нату, рассмеялся, покачал головой.

— Ты совсем ненормальная, — сообщил ей Айвон. Он, похоже, даже не удивился. — Давай, ори громче, не все слышали!

Ната его проигнорировала. Пнула колесо. Подумала над тем, не пнуть ли Айвона, но передумала. Пожалуй, может и сдачи дать.

На слейтере добрались быстро, терминал, где встречающие ожидали прибытия рейса с Рамисса, тоже нашли без проблем. Так торопились, что до прибытия оставалось еще больше получаса. Айвон отвел ее в сторону, подальше от толпы. Они присели на кубы, которые мгновенно выросли из пола, как только Натали хлопнула в ладони. Отсюда хорошо было видно табло, извещающее о прибытии и отмене рейсов. Можно уже было никуда не торопиться.

— А ты смелая, — сказал вдруг Айвон, присаживаясь рядом.

Ната согласно кивнула, и только потом поинтересовалась:

— Почему ты так решил?

— Я бы с ума сходил от мысли, что какая-то змеиная морда вколет мне неизвестную дрянь. Мне тоже давали странные задание... Но настолько странные — никогда.

Лучше бы он этого не говорил. Натали была настолько выбита из колеи, взбудоражена, перегружена событиями, что она, хотя и помнила о том, какое именно ей дали задание, но осознать и струсить еще не успела. А вот теперь, когда она сидела на мягких кубках посреди огромного зала ожидания, и не надо было бежать, торопиться, думать о чем-то более важном (вернее, думать об этом пока не хотелось), понимание пришло. И немедленно затряслись колени.

— Я не думаю, что это опасно, — сказала она, бодрясь. — Хотели бы они меня убить — придумали бы менее изощренный способ.

— Я и не говорю, что они хотят убить! Но может быть хотят какое-то лекарство испытать? Или оружие... биологическое...

— Заткнись!!

Айвон попытался положить руку ей на плечо. Наверное, успокоить хотел, поддержать, но Натали с огромным удовольствием ущипнула его за предплечье. Теперь, наверное, синяк будет. Айвон взвизгнул как девчонка и отскочил на пару шагов. Хиляк!

Оставшееся время ожидания провели, глядя в противоположные стороны. Ната даже где-то жалела, что не сдержалась. Не потому, что ей стыдно было, наоборот, сладкое ощущение своей силы, того, что она главная здесь и ей все можно, вновь посетило ее на секунду. Правда, голос разума быстро его заглушил. «Главная здесь, говоришь?» — ядовито осведомился он, и Натали поникла. Главная, ага. На этом квадратном метре. А жалела она о поступке потому лишь, что Айвон мог отвлечь ее своей болтовней. Теперь же ничего не мешало мыслям Натали вертеться по одному и тому же кругу. «Они не хотят причинить мне зла... Нет, конечно, хотят... Иначе зачем похитили... А та авария... Неужели подстроена? Но если не пожалели сил и времени на разработку плана, то я им нужна не только для того, чтобы ставить на мне опасные эксперименты... Они не хотят навредить мне...» И так до бесконечности. Натали даже затошнило, словно она бесчисленное количество раз прокатилась на карусели.

— Лайнер приземлился, — прервал кружение ее мыслей Айвон, он как раз смотрел в сторону табло, поэтому увидел все первым.

Ната вздохнула, встала на непослушных ногах. Гиперперчатка вновь была на ее руке, и Ната коснулась ладони, чтобы еще раз рассмотреть профессора. Айвон не стал ее ждать, ушел вперед, присоединился к толпе. Длинный, как каланча, он был выше всех на голову, так что девушка не торопилась к нему — обзор у него прекрасный, профессора он не пропустит. А у нее есть еще минута.

— Профессор Ашхисс, — прошептала она, наклонившись к запястью. Не зная, отключили ли ей сеть или оставили хотя бы усеченную версию на всякий случай.

На ладони высветилось несколько ссылок, все сплошь на незнакомом языке, буквы напоминали раздавленных тараканов. Нату передернуло. Переводить ссылки усеченная версия сети отказывалась, но была еще парочка фотографий. Профессор в лаборатории, на столе перед ним какое-то распластанное существо. Он наклонился, держа в руках цилиндр с сиреневым веществом. На конце цилиндра хищно посверкивала игла. Понятно, что фотография была сделана для статьи, слишком нарочито-небрежно посматривал профессор

в камеру, а в лаборатории идеальная чистота. Но этот цилиндр с иглой... Как же страшно...

Времени уже совсем не оставалось. Ворота терминала открылись, и в зале появились первые пассажиры. Айвон смотрел в ее сторону и отчаянно махал руками, призывая присоединиться к нему.

Натали посмотрела на него, посмотрела... Развернулась и быстро побежала в сторону выхода. Взять слейдер, добраться до парковки, сесть в таксиметробиль, подняться к пропускному пункту Альтитуды и потребовать встречи с Скандором Флином. Прогонят? Если то, что говорил Айвон правда, то прогонят наверняка. Но если она устроит истерику начнет кричать, упадет на пол, то ее, возможно, заберут в отделение охраны порядка, а там выслушают. Оставят до разбирательства. Это лучше, чем добровольно позволить ставить на себе опыты, беспрекословно подчиняться. Ах, да... Чип в ноге... Не поймают, не успеют! И взрывать не станут, будут пытаться отыскать. Ведь зачем-то она им нужна! Все они нужны — ребята в «инкубаторе».

Айвон настиг ее уже снаружи, обхватил, прижал руки к туловищу, не давай вырваться. Натали задыхалась — слишком крепкими были объятия, так что выдавили воздух из груди — не закричать. Она только беспомощно пыталась обернуться, увидела скулу Айвона и тень его улыбки. Ната решила было, что он сошел с ума, но быстро поняла — Айвон улыбается не ей, а тем прохожим, что кидали на них случайные взгляды: «Мы просто балуемся. Парочка взбалмошных подростков. Вот я поймал свою девушку, видите, она даже не кричит. Все хорошо, идите мимо». А наклонившись к самому уху Натали зашептал зло:

— Только попробуй. Нас всех накажут из-за тебя. И тебя вернут назад и пары часов не пройдет. Ты не понимаешь, с кем связалась. Успокойся и идем.

Ната обмякла в его руках, понимая, что эта попытка к побегу провалилась. Нет, сдаваться она не собиралась, только временно уступить.

— Хорошо, — прошептала она.

— Точно? Глупостей не наделаешь? Если профессор уйдет, то нам всем не поздоровится.

— Отпусти же, я задохнусь сейчас, — выдавила Ната. — Упаду в обморок, что тогда будешь делать?

— Ладно.

Он разжал руки, но тут же крепко схватил ее за запястье и потащил за собой, назад в зал ожидания.

У терминала стоял высокий гуманоид в сером пальто, сливающимся по цвету с его кожей. Он держал в руке небольшой саквояж такого же непримечательного цвета. Ждал, что его встретят волонтеры. Куда подевались настоящие представители центра «Разумные расы в поиске разумных путей» Ната предпочитала не думать.

Айвон протянул руку для рукопожатия, но профессор, а это был он, лишь поднял в ответ свою раскрытой ладонью вверх. Айвон повторил его жест, на ходу подстраиваясь под чужой обычай.

— Рады вас видеть. Мы доставим вас на место. Прошу за мной.

И прошипел чуть слышно, наклоняясь к Натали:

— Включи навигатор.

Ната, ошеломленная, еще не до конца пришедшая в себя, после вероломного поступка Айвона (хотя, с чего бы ему помогать), только молча кивнула и активировала карту на ладони.

Профессор молча последовал за волонтерами, которые, если подумать, вели себя очень странно. Длинный и худой гуманоид крепко держал за конечность гуманоида поменьше и время от времени странно шипел на него. Тот гуманоид, что был ниже ростом, шел вяло и лишь время от времени молча указывал направление, когда надо было свернуть. Профессор пожалел, что у него было так мало времени на изучение коммуникационных традиций чужой планеты.

Автомобиль ожидал в положенном месте. Обошлось без сюрпризов, хотя Ната до последнего надеялась, что они его не найдут. Наивная. Аэрокар Вентус представительского класса, красивый, новенький, сверкающий хромированными деталями, в любой другой день понравился бы Натали. Она уже успела соскучиться по комфорту и красивым вещам. Но сейчас она смотрела на него и чувствовала только ужас. Черный автомобиль представлялся ей чем-то вроде катафалка. Не факт, что она выйдет оттуда живой.

Айвон прикоснулся ее рукой в гиперперчатке к двери — тут же сработало устройство, снимающее блокировку. Сама Ната безучастно наблюдала за ситуацией словно со стороны.

— Садитесь, — молодой человек предусмотрительно распахнул переднюю дверь. И тут же, пока профессор устраивался на сидении, заднюю. Довольно бесцеремонно запихнул Натали в Вентус, подвинул ее и примостился рядом.

Профессор удивленно посмотрел на пустующее водительское место, обернулся на «волонтеров».

— В'дит'ль? — произнес рамиссанец, старательно пытаясь выговорить, но все-таки проглатывая гласные.

— Сейчас, сейчас, — рассеянно отозвался Айвон, пристально глядя на Натали.

Дальнейшие инструкции знала только она, но вот сидела, глядя перед собой, и ни на что не реагировала. «Интересно, — отстранённо подумала девушка, — что он сделает, если я так и буду молчать?»

Наушник, про который она почти забыла, вдруг ожил.

— Урожай созрел. Время жатвы, — четко произнес голос Наблюдающего. Получается, они все это время следили за ней, за каждым ее шагом. А ведь она спросила Айвона об этом напрямую. Всюду ложь...

— Ненавижу вас, — прошептала Ната, чувствуя себя загнанной в угол.

— Урожай созрел. Время жатвы, — сказал вместо нее Айвон. Он сидел рядом и видимо слышал то, что сказал голос в наушнике.

Профессор вскинулся. Его небольшие, лишённые ресниц глаза, удивленно расширились, хотя, казалось, что это невозможно. Он явно понял, о чем идет речь.

— Т'ы? — спросил он.

— Нет, не я. Вот она.

Айвон кивнул на Нату, сжавшуюся в комок. «Если он откажется, то лучше вам его убедить...» Так, кажется, говорил Умница... Ната точно никого уговаривать не собиралась. Но Ашхисс не стал задавать лишних вопросов и открыл саквояж, который не выпускал из рук. Через секунду в его руках был тот самый цилиндр с иглой, который Натали видела на фотографии.

— Р'ку. Эт' не б'льно.

Ага. Может и не больно. А потом шерсть вырастет или третий глаз откроется.

— Спасибо, — сказала Ната. — Не надо.

Профессор перевел взгляд на Айона, который сидел, сжав губы, то ли от злости, то ли

страха.

— Надо, — подтвердил он.

Ткнул девушку локтем в бок, не сильно, но обидно.

— Только попробуй дело провалить! — прошипел он.

И увидев, что угроза не действует, схватил ее руку и протянул профессору.

— Колите.

Ната молча вырывалась, вцепилась свободной рукой Айвону в плечо и наверняка оставила глубокие царапины на коже, ногти-то у нее ого-го. Но тот внезапно оказался стойким и не уступал.

Профессор непонимающе наблюдал за борьбой двух гуманоидов.

— Н'ет? — осведомился он.

— Да! — крикнул Айвон. — Это у нас так принято. Колите, колите уже!

Ната вскрикнула, почувствовав, как игла проколола кожу на запястье и там, где она вошла, под кожей быстро надувается пузырь сиреневого цвета, словно мгновенно образовавшийся синяк.

В салоне Вентуса повисла тишина. Натали больше не сопротивлялась — зачем теперь, она проиграла. Айвон выпустил ее руку и сидел, отвернувшись. Профессор деловито убирал цилиндр обратно в саквояж.

— К'нфер'нц? — спросил он, кажется, так и не сообразив до конца, что на конференцию его никто не повезет.

Ната молчала, предоставляя Айвону возможность выкручиваться самому. Рука болела, но не сильно, шишка, правда, потихоньку росла.

В эту секунду дверь со стороны водителя распахнулась и за руль сел незнакомый человек в черной куртке. Это все, что могла разглядеть ошарашенная Ната — черную куртку и кепку, одетую задом наперед. Нелепую рыжую кепку с глазами над козырьком, так что казалось, будто ее владелец наблюдает за пассажирами не поворачивая головы.

— Кто вы? — Ната и Айвон произнесли в один голос. Айвон с раздражением, Ната, сама от себя того не ожидая, с надеждой.

— Я? Ваш водитель, — сказал человек и принялся быстро переключать рычажки, готовя Вентус к полету. Что-то в его движениях показалось Нате смутно знакомым.

— Нам куда? — спросил он у профессора, будто уточнял.

— К'нфер'нц, — обрадовался профессор. Хотя это Ната так подумала — обрадовался. На самом деле на его физиономии рептилии не отражалось никаких эмоций. Вот, вколол ей дозу какой-то гадости и переживает меньше, чем о своей «к'нфер'нц»...

— Э! — воскликнул Айвон, чувствуя неладное. — Ты кто вообще?

— Говорю — я ваш водитель!

— Да, да! — подхватила Натали, поддерживая блеф. — Мне только что сказали. Придет водитель, отвезет профессора на конференцию, а нас домой.

В доказательство она указала себе на ухо. Наушник именно в эту секунду ожил и хриплый, взбудораженный голос произнес:

— Мы никого не присылали. Вон из машины немедленно. Не делайте себе хуже.

Ната сделала вид, что прислушивается, закрывая наушник ладонью.

— Да, хорошо, так и передам. Айвон, мы должны доверять этому человеку.

«Да... Но не делаю ли я очередную глупость?» В любом случае пути назад не было. Ната вынула наушник и сжала его крепко в руке. Кажется, он продолжал что-то бормотать.

Не важно...

Айвон смотрел подозрительно, но ничего больше не сказал. Вентус поднялся в воздух и стремительно набирая высоту направился к зданию Дворца Единения, где, как выяснила в сети Ната, и проходила конференция.

Айвон постепенно перестал волноваться, принял расслабленную позу и даже решил простить Натали. Это он сам ей и сообщил, дружески положив ладонь на плечо:

— Ну, Натали, ты ведь понимаешь, выхода другого не было. Болит рука?

Она сжала губы, так что они побелели, уговаривая себя немного потерпеть и не пытаться выцарапать ему глаза прямо в машине.

— Неа, — соврала она. Это был единственный ответ, на который хватило ее душевных сил.

Профессор сидел в задумчивости и не обращал на странных гуманоидов ровным счетом никакого внимания. Ната удивлялась даже — он что, каждый день всем желающим эту сиреневую гадость вкалывает? Потерла руку. Не болит, но становится горячей. Только бы не разболеться...

Автомобиль приземлился на верхней площадке, водитель вышел и предусмотрительно распахнул двери со стороны профессора. Отточенным и ловким движением... Кажется ей или нет?

Ашхисс обернулся, по тому, как скользнул по их лицам его взгляд, Ната догадалась, что он, кажется, не вполне их различает. Даже обидно стало. У нее, если уж на то пошло, юбка! И волосы длинные!

— Сп'сссибо. Уд'чи. Не м'чить. Два час.

Натали оставалось только надеяться, что напутствие относится к ней и месту укола, а не обращено к похитителям и самой Натали. Которые через «два час» замочат ее и будут, наконец, считать миссию выполненной.

Ната проводила профессора взглядом, увидела, что двери лифта закрылись за ним и внутренне сжалась. Если она все же ошиблась в своих предположениях, то все решится сейчас.

Водитель распахнул дверь со стороны пассажиров и вдруг вытащил Айвона за шкуру, кинул на прорезиненное, нагретое солнцем покрытие.

— Ты остаешься здесь, — коротко пояснил он свои действия, не вдаваясь в подробности.

Сел за руль, не обращая ни малейшего внимания на то, что Айвон колотит руками по крыше автомобиля, пытается открыть дверь, дергая ручку с такой силой, что бедняга Вентус содрогается от его ударов.

— Натали! Ненормальная! Они ведь тебя все равно найдут! Рано или поздно! Ты не понимаешь, что делаешь!

Ната молчала, спряталась, уронив голову на колени и накрыв ее ладонями. Она не желала этого слышать.

Водитель заводил Вентус, но тот, как назло, лишь вздрагивал, словно живое существо: на секунду двигатель включался, а потом снова глох.

— Натали! Чип в твоей ноге! Помнишь?

Она помнила, конечно, помнила. Что же, пусть взрывают. Но что-то пока нога на месте, значит она нужнее им живой!

— Пожалуйста, Ната, — голос вдруг стал просительным, почти умоляющим. — Ты не

знаешь, что они со мной сделают!

Девушка подняла глаза, посмотрела из-под растрепанных, сбившихся на глаза волос. Айвон стоял бледный, какой-то весь осунувшийся, погасший. Он не играл, он действительно был напуган до смерти. Будь на месте Натали кто-то другой, он, возможно, пожалел бы беднягу. Ната же зажала уши ладонями.

— Пошел вон. Пошел вон. Пошел вон, — повторяла она до тех пор, пока не почувствовала, что автомобиль поднялся в воздух. И только тогда села, откинула волосы и забила в угол. Из зеркала заднего вида на нее смотрели темные глаза водителя. Ната не помнила лица. Он это или нет?

— У тебя есть с собой какие-то предметы, которые они тебе давали?

— Да...

— Выброси.

Ната сняла с руки гиперперчатку, скомкала ее, завернула в нее наушник и, приоткрыв окно, кинула вниз, испытывая при этом огромное чувство облегчения.

— Все?

— Нет... У меня чип в ноге... По нему меня можно отследить... И даже убить... Кажется...

Водитель длинно и витиевато выругался, так что Натали даже не все слова узнала, но все равно покраснела. Он увидел ее алеющие щеки, продолжая наблюдать в зеркало.

— Не грусти, принцессочка. Чип вытащим. Надо подумать, куда тебя отвезти...

«Принцессочка». Это все-таки он! И стало почему-то так легко и спокойно...

Однако она не могла не спросить:

— Та авария. Это ведь ты специально подстроил, да? Знал, что меня там будут ждать?

Он молчал какое-то время. Натали хотела бы видеть его глаза, но именно в этот момент он отвернулся.

— Да, — ответил он наконец. — Ты все равно знаешь. Я все подстроил по приказу твоего отца.

— Что?!

Ната задыхнулась. Во рту стало кисло от подступающих слез. Нет, это не правда. Это не может быть правдой. Она укусила себя сильно за костяшку пальца, надеясь, что физическая боль на время заглушит душевную. Но душевная была сильнее.

— Я не верю тебе...

— Он сам изложил мне разработанный им план. Указал место. Рассказал, как лучше все сделать так, чтобы никто не пострадал... Но, чтобы быть до конца откровенным, была в этом одна странность.

— Какая? — Ната едва смогла заставить себя произнести это короткое слово, подступающие слезы душили, жгли.

— Скандор Флин сильный человек. Я плохо его знал, но всегда видел, что это уверенный человек, цельная личность... Мне казалось, что, принимая решения, он не сомневается ни в чем никогда... Но в тот раз. Он плакал, принцессочка. Показывал место предполагаемой аварии, рассказывал на какой минуте полета в двигателе возникнет неисправность... и плакал. Как ты сейчас. Когда никому, даже самому себе, не хотят показать слабости. Реву уже, не сдерживайся.

— Я не принцессочка! — крикнула Ната. — Ненавижу это прозвище!

И действительно разрыдалась, завывала, уткнувшись лицом в кожаную обивку

автомобилѣ.

Вентус уже опустился на крышу многоквартирного дома в Тандеме, а Ната все не могла успокоиться. Хотя поток слез почти иссяк, и она невольно ловила себя на мысли, что выглядит, должно быть, отвратительно. К измятому костюму и растрепанной прическе прибавился опухший нос и красные глаза. И это если еще не считать фиолетового пятна на запястье. Ната осторожно потрогала его кончиком указательного пальца — горячее.

— Приехали, — сказал водитель. — Машину оставим здесь.

Натали выбралась на жаркое душное покрытие площадки, остро пахнущее резиной. Внезапно закружилась голова, замутило, хорошо хоть водитель подхватил ее под руки, не давая упасть. Вот, опять она показывает ему слабость... Почему рядом с ним она становится такой беспомощной?

— Я тебя уволила! — сказала Ната, обвиняюще нацеливая палец в грудь мужчины. — Зачем ты вернулся, а? Решил продать меня подороже?

— Ты бредишь, принцессочка? — усмехнулся он.

Ната подняла глаза и впервые, кажется, разглядела его лицо. Молодое смуглое лицо с темными глазами. Царапин уже нет, но это и не удивительно — регенерин продается в каждой аптеке.

— Пойдем-ка. Позже поговорим.

Он повел ее за собой, обняв за талию. Лифт, темные коридоры, не такие грязные и вонючие, как в Инфериоре, и все же. Тесно, уныло. Он отпер дверь электронным ключом, привел Нату в крошечную комнату с одним-единственным окошком. На подоконнике чах облезлый цветок. Бесцеремонно сгрузил девушку на продавленный диван, откуда с мяканьем и визгом взметнулась рыжая тень.

— Ааа! Что это?

— Тихо ты! Это Морда. Она сильнее тебя испугалась, между прочим. Иди, иди ко мне, девочка.

Из-под дивана показалась мохнатая голова, когтистая лапа доверчиво дотронулась до его ноги, который присел на корточки, пытаясь задобрить это рыжее недоразумение.

— Кот? — брезгливо спросила Ната.

— Сейчас чистых котов не найти. Бешенных денег стоят. Морда — котомяк.

— М-м-м?

— Искусственно выведенный из синтетической ДНК кот. Сейчас можно химическим образом воссоздать любую цепочку ДНК... Помнишь, много лет назад этот генетический бум? Котов мало на Примариусе. Зато для всех желающих вывели котомяков.

— Фу, гадость какая. Хуже роботов.

И уже не слушала, разглядывая комнатенку.

— Так это твоя халупа?

Гостеприимный хозяин не сумел проконтролировать выражение лица, брови взлетели так высоко, что почти забрались под кепку.

— Ты хотя бы представляешь, сколько стоит квартира в Тандеме?

— Не знаю, мне это ни к чему.

Натали и сама не заметила, как высокомерно это прозвучало. Но с небес на землю ее опустили быстро.

— И правда. У тебя теперь чудесный дом в Инфериоре.

Она насупилась, скрестив руки на груди, посмотрела исподлобья. А вот что ответить на это, не придумала. Он ухмыльнулся, но не зло.

— Ладно, принцессочка. Давай посмотрим твою ногу.

И он, не спрашивая разрешения, осторожно снял босоножку с ее ноги, пристроил ступню себе на колено и тщательно ощупал лодыжку и голень.

— Эй-эй! — возмутилась Ната, в первые секунды ошалев от наглости водителя. — А если пну?

— До чего глупая принцессочка. Твоя ножка меня совершенно не интересует. А вот чип — да. Или ты хочешь, чтобы через какое-то время сюда заявились незваные гости?

— Нет... Не хочу, — вынуждена была согласиться Ната. — Но разве ты сможешь его вытащить?

— Посмотрим...

Он вынул из кармана нечто напоминающее картонный квадрат, нажал в середину и квадрат мгновенно заострился, превращаясь в длинное узкое лезвие. Поднял голову и увидел огромные испуганные синие глаза: Ната смотрела на нож в его руках.

— Ну, это уже слишком, — слабо пискнула она. — Я знаю, что я тебя поцарапала... Сильно... Но пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

— А я ведь только и ждал момента, когда смогу вернуть тебе долг, — сказал парень мрачно и повертел лезвие в руках, так чтобы в нем отразились слабые лучи, падающие из окна.

— Ай!

Он вдруг расхохотался, сложившись пополам. Морда, недоверчиво наблюдающая за сценой из-за ножки дивана, вылезла и понюхала его руку. На морде Морды застыло недоумение — она явно впервые видела, чтобы хозяин так веселился.

— Извини, не удержался. У тебя было такое лицо! Но, принцессочка, а как ты думаешь его можно вынуть?

— Не так, — ответила Ната мрачно, ей отнюдь не было весело. — И хватит звать меня принцессочкой. Я — Натали.

— Я — Роланд. Ройл, если коротко, — представился он вдруг. — А твое имя я и так знаю, принцессочка. Давай ножульку.

Ната глубоко вздохнула. Ну, куда деваться — надо смириться с неизбежным. В конце концов, после падения с неба, похищения, сиреневой гадости, которую ей вкололи, чего еще бояться? А вот если похитители вновь обнаружат ее и явятся сюда, чтобы забрать... Вот это действительно страшно...

— Ладно, — согласилась она, зажмуриваясь. — Давай. Там, где место укола. Видишь?

— Да.

— Ай-ай-ай-ай!!!!

Кромсает ей ногу. Уже кость пилит. Кровь капает на пол...

— Хватит орать, как потерпевшая! Оглушила! Из-за этой царапины ты так кричишь?

Ната с ужасом посмотрела на лодыжку и увидела крошечный надрез с полсантиметра длиной.

— Все? — спросила она, не веря своему счастью.

— Так, принцессочка. У меня есть две новости — хорошая и плохая. С какой начать?

— С хорошей... Нет, с плохой... Все-таки с хорошей...

Она замолчала, не в силах что-то решить. Лучше бы это были две хорошие новости. Ройл усмехнулся и сложил лезвие, вновь превращая нож в безобидную квадратную карточку. Ната смотрела, не понимая.

— Чипа нет?

— Хорошая новость в том, что взрываться нечему, смерть тебе не грозит. Я сразу заподозрил неладное, когда увидел, что на ноге лишь след укола, слишком маленький для того, чтобы внедрить под кожу чип. Но все сложнее: то, что в тебе сейчас находится, вытащить невозможно.

— Почему? — жаль, Ната не видела себя со стороны в этот момент, ее глаза были просто огромными и смотрели на Роланда так пронзительно, что он невольно улыбнулся.

— Это новый ДНК-чип. Его химическая структура разносится кровью, встраивается в ДНК клетки, так что каждая твоя клеточка становится крошечным передатчиком. Постепенно реагент вымывается. Но пройдет не меньше двух недель, прежде чем организм полностью очистится. И еще одна хорошая новость — передатчик слабый, запеленгуют его не сразу, так что у нас будет время...

— Время на что?

— Убегать и прятаться.

— Все-то ты рассчитал, — ядовито произнесла Ната, чувствуя, что злится. Надо же, все-то он знает. ДНК-чип, тра-ла-ла, чего-то там... А это ведь он во всем виноват! Из-за него Ната влипла в эту мрачную историю. А отец... Отец... Нет, об этом Натали думать не хочет и не станет.

Ройл понял, что она злится. Вместо того, чтобы оправдываться, вдруг вытащил из-под дивана потерявшую бдительность Морду и сунул ей в руки.

— На вот, поддержи котика!

Рыжий, лохматый и теплый зверь недоверчиво завожился в ее вдруг потерявших гибкость руках. Но потом кошка устроилась на коленях, обернулась хвостом и замурлыкала.

— Я... Я не люблю этих тварей!

— А они тебя любят, похоже, — усмехнулся Ройл.

И вышел из комнаты, оставив Нату охранять Морду. Вернее, это Морда охраняла Натали. Или они охраняли друг друга. Ну, согревали точно. Девушка вдруг поняла, что нее внезапно свалилась усталость, было так тепло, уютно, что глаза сами собой стали слипаться. Сквозь полудрему она наблюдала, что Ройл достал рюкзак, поставил в центре комнаты и теперь собирает в него вещи. Пару рубашек, несколько футляров больших и маленьких. Интересно, что там? Из заднего кармана брюк достал бумажник, раскрыл его и задумчиво изучил содержимое. Ната узнала этот взгляд, отец с таким же выражением лица изучал свои счета. Наверное, прикидывает, сколько у него денег. Денег, полученных за то, что он так ловко избавился от Натали... А кепку свою рыжую так и не снял. Невежа!

Проходя мимо девушки в очередной раз, Ройл сунул ей в руки баллончик.

— Регенерин, — кратко объяснил он. — Для твоего синяка.

Ната невольно посмотрела на запястье. Сиреневое пятно расплзлось все больше. И это пугало.

— Это не синяк, — грустно ответила Ната.

Пришлось в двух словах пересказать историю с «заданием». Ройл присел рядом, разглядывая пятно. Хмурился. Ну, что, мистер Зануда, теперь тебе нечего сказать?

— Слушай, а зачем тебе все это? — вдруг задала Ната давно мучивший ее вопрос.

Он оторвался от изучения пятно, непонимающе вскинул брови.

— Ну, зачем ты мне помогаешь? Ведь за это тебе никто не заплатит...

Ройл странно как-то дернул подбородком, словно воротник ему стал тесен. Не ответил сначала ничего, встал и продолжил собираться, но уже как-то нервно. Футболку скомкал и пытался этот комок утрамбовать в рюкзак, который и так уже был забит под завязку. Бросил ее в итоге на пол. Морда, которая уже какое-то время наблюдала за движениями хозяина, мякнула и подбежала к смятой футболке, попробовала за зуб, потом, подцепив когтем, потащила под диван с хозяйственным и торжественным видом. Ната, наблюдая эту сцену, не смогла сдержать улыбки. Ройл же смотрел на нее.

— Возможно, была задета моя профессиональная честь, — сказал он вдруг.

Ната удивилась было: «О чем это он?»

— Честь водителя? — слишком саркастично прозвучало, но ничего, переживет.

— Твой отец нанял меня не только в качестве водителя. Хотя тебе об этом знать было не положено. Он не хотел, чтобы ты чувствовала себя так, словно за тобой постоянно ведется слежка... Я прошел достаточно жесткий отбор, чтобы получить эту должность. Но и зарплата была обещана хорошая.

Ната открыла рот, чтобы вновь съязвить, но что-то во взгляде Роланда убедило ее, что он говорит сейчас правду.

— По специальности я военный инженер. Космическая академия. Три года в спецназе. Вынужден был уйти...

Парень приподнял штанину, и Ната увидела, что кожа на его ноге неестественно-серого цвета, гладкая и блестящая. Не нога — синтетический протез.

— Ого, — протянула она, ошарашенная этим признанием и видом искусственной ноги. — Вот это водитель у меня...

— Телохранитель, — поправил он. — С четкими и ясными инструкциями не спускать глаз. И чтобы не один волосок...

Он прервался. Нахмурился.

— И вот однажды я получил приказ: вместо того, чтобы охранять и сдувать пылинки, отвести юную принцессочку, избалованную стервочку, конечно, с непомерно раздутым самомнением и пустотой в голове...

Натали просто задохнулась от возмущения, выслушивая все это, но молчала почему-то.

— Но все же совсем еще юную в клоаку, на самое дно и бросить ее там. Я думал, что смогу. Я был очень зол. Признаться, первые несколько минут испытывал торжество справедливости. А потом увидел, как принцессочку, которую он оберегал все эти годы, швырнули в машину, словно куклу...

Ната тоже вспомнила и сжалась, всхлипнула. Воспоминания были такими отчетливыми, словно это только-только с ней произошло.

— Я не знаю причин... Быть может они есть. Но я не хочу о них ничего знать. Сейчас, когда ты опять под моим присмотром, у меня душа, наконец, на месте.

Больше он ничего не сказал. Ната чувствовала, как дрожат ее губы. Все перемешалось — боль, обида, горечь и... Благодарность? Но одновременно с этим она чувствовала себя героиней какого-то нелепого сериала. Она что сейчас должна сделать? Броситься ему на шею с криками: «Ах, я этого недостойна!» или «О, как была я не права!» Но Ройл, похоже, этого не ждал. Он уже и не смотрел в сторону Натали, присел на корточки, затягивая завязки на рюкзаке. Потом похлопал по полу, подзывая Морду, та осторожно подошла и тут же

растерянно мяукнула, усаженная в переноску.

— Мы что, с собой ее берем? — Ната представила их разношерстную компанию в бегах: Ройл с рюкзаком и переноской в руках, в которой мурчит рыжее недоразумение, и она — Ната, лохматая, в измятом костюме. Девушка невольно хихикнула.

Роланд, однако, был мрачнее тучи и не ответил на вопрос. Просто взвалил рюкзак на плечи. И в ту же почти секунду на его руке сработал браслет, завибрировал, запищал противно и громко.

— Пора идти, — сказал он.

Браслет...

— Слушай! — Нату как подбросило. — Ты тогда сказал мне активировать браслет. Зачем? Если все было подстроено?

Ройлу похоже неприятно было это вспоминать, но все же он процедил сквозь зубы:

— Алиби. Ты видела, какая толпа снимала нас на телефоны? Разорви ты браслет или нет — результат был бы один и тот же... Идем. Времени нет.

— Куда теперь? — тоскливо спросила она, оглядываясь зачем-то. Не провела в этой комнате и пары часов, а покидать ее не хотелось.

Он не стал отвечать, распахнул дверь и стоял на пороге, ожидая, пока она выйдет. Потом так же ни слова не говоря зашагал вперед. Ната спешила за ним, почти выбиваясь из сил. А ему, похоже, даже искусственная нога не мешает. Но если только она отставала хоть на шаг, он тут же сбрасывал скорость, ожидая. Словно у него были глаза на затылке. Они и были — два смешных, нарисованных глаза. Интересно, он снимает когда-нибудь свою кепку или даже спит в ней?

Поднялись на крышу, на стоянку. Ната уже подумала было, что они сейчас сядут в Вентус, но парень прошел мимо, даже не взглянув. Лавируя между рядами машин вывел девушку к симпатичной, но совсем уже не новой, сиреневой Кайе. Натали скривилась, с некоторых пор она стала недолюбливать этот цвет.

— Куда мы? — сделала она еще робкую попытку узнать, что ждет ее впереди.

— Сядь и пристегнись, — был ответ.

Пока автомобиль двигался в плотном потоке трассы Тандема, Ната каких только ужасов не успела себе придумать. Думала даже, что Кит передумал и решил вернуть ее похитителям...

Кайя поднялась в Медиум и припарковалась у торгового комплекса «Вау».

— Надо купить тебе что-то более удобное, — сообщил он, наконец. — И перекусить не мешает.

И вытащив из машины переноску с Мордой, которая смотрела из глубин клетки печально и отчаянно, бесстрастно зашагал вперед. Нате почему-то стало очень жаль в этот момент рыжее создание. Получается, она из-за Наты еще хуже влипла.

Но едва переступив порог торгового центра, вдохнув воздух, в который специально добавляли некое химическое вещество, вызывающее выработку эндорфинов (все в строго разрешенных дозах), увидев знакомые названия бутиков, Ната забыла на секунду обо всех своих бедах, ноги сами понесли ее к ярко-розовой, мерцающей блестками надписи: «Лайзи». Сейчас, когда одежду печатали на принтере за считанные минуты, эксклюзивными оставались только идеи. Это единственное, что ценилось действительно дорого. Ната предпочитала «Лайзи», потому что хозяйка бутика, молоденькая девочка, чуть старше нее, придумывала для Натали удивительные, чудесные платья, которые магическим образом

подчеркивали не только ее фигуру (что есть, то есть), красоту ее волос и глаз, но даже, как казалось Нате, ее характер. Смелый и свободный...

— Стоп, — рука Ройла тяжело опустилась ей на плечо. — Куда собралась, принцессочка. Брюки, рубашка и кроссовки — вот то, что тебе сейчас нужно.

И развернул ее лицом ко входу в какой-то унылый массмаркет, где одежду продавали уже готовой. Она неприглядными кучками лежала на полках и висела на вешалках. Пришлось покориться.

Совсем скоро Натали стояла в примерочной и смотрела на себя в зеркало. Обычная такая среднестатистическая девчонка, в синей рубашке с длинными рукавами, в темных брюках и белых кроссах. Ройл разрешил ей еще выбрать рюкзачок и кепку. Ната выбрала ядовито-зеленый, украшенный стразами. Стоил, правда, бессовестно дорого для такого магазина.

— Можно? — спросила Ната, не сильно надеясь на успех.

Ройл взглянул на ценник, едва заметно вздохнул.

— Бери.

В рюкзаке первым делом оказалась зубная щетка, расческа и набор заколок. Вот и все имущество бывшей наследницы Империи Флина... Школьный костюм пришлось выбросить, он все равно был одноразовый.

Перекусили в шумном кафе самообслуживания. Комкухи здесь занимали две стены, но были последней модели — работали быстро и бесшумно. Ната, сидя за столиком, видела, как Ройл выбирает на экране еду, как расплачивается карточкой, и уже спустя минуту агрегат щелкнул, выдвинул из своего серебристого нутра поднос.

Есть почему-то не хотелось. Хотя прошло уже много времени с тех пор, как Натали завтракала странной сладкой кашей. А сейчас еда выглядела куда аппетитней — жаренная картошка (суррогат, но качественный), куриные ножки (соевые, но на вкус не отличить). Лимонад в бумажных запотевших стаканчиках.

— Ты должна поесть, — сказал Ройл тихо, несколько минут наблюдая за тем, как Ната перебирает ломтики картошки. Он взглянул на браслет, но ничего не сказал — видимо, время еще есть. Заметил ее взгляд.

— Я откорректировал примерное время, необходимое им для того, чтобы определить твое местоположение. Даже с запасом на непредвиденные обстоятельства — минимум четыре часа. У нас полно времени, расслабься и поешь.

Ната не стала спорить и капризничать — силы ей понадобятся. Заставила себя съесть почти всю картошку. Ройл ел молча, время от времени его взгляд скользил по залу. Вроде бы безразличный, но Ната видела, что он замечает и запоминает все.

Когда вернулись на парковку, оказалось, что уже стемнело. Странный, жуткий, перевернувший жизнь Наты с ног на голову день подходил к концу. Солнце спряталось и стало зябко. Девушка почувствовала, что дрожит. Даже сев в автомобиль не могла согреться. Ройл снял куртку и накинул на нее, укрыв до подбородка. Остался в футболке и кепке своей бестолковой.

— Что там у тебя? — не выдержала Ната.

— Где, — не понял он.

— Под кепкой! Признавайся — ты лысый?

Ройл рассмеялся вновь. Ната второй раз слышала его смех, и он ей нравился. Джек отчего-то всегда лишь улыбался. Широко и лучезарно, это да. Но Ройл хохотал так, что

невольно заражал Натали своим весельем.

Отсмеявшись, снял кепку. И Ната ахнула, увидев, что под кепкой оказались длинные темные волосы, небрежно перевязанные резинкой. Выбившиеся пряди тут же упали на глаза.

— Одно из условий контракта — принцессочка не должна видеть своего водителя в неподобающем виде. Но сейчас, думаю, контракт уже не действует. Так что смотри.

— Так у тебя под фирменной кепкой спрятан был хвост? — прыснула Ната. — Ничего себе!

Посмеялась и стало легче. Пусть она теперь принцессочка без королевства, но зато с верным рыцарем. А это уже что-то!

— А теперь мы куда? — задала она вопрос, думая, что Ройл снова промолчит. Но в этот раз он ответил:

— Попробуем найти твоего профессора и узнать, что за гадость он тебе вколол.

— Он не «мой», — нахмурилась Ната, вспомнив о том, что на запястье у нее по-прежнему расплывается сиреневое пятно.

Конференция во Дворце Единения закончилась, но охранник на входе, с которым разговаривал Ройл, не подозревая какого-то злого умысла в расспросах по поводу профессора, «похожего на рептилию», простодушно поведал о том, что всех гостей повезут сначала на банкет, а потом в отель.

— В какой отель? Да в «Интерлан». Участников конференции всегда там размещают — недорого, но достойно. Ну, как достойно... Чистенько. Это потому, что руководство у нас — скряги. Все экономить пытаются, и зарплату задерживают вечно...

И только сообщив все, что только можно было и нельзя, охранник пристально посмотрел на любопытствующих посетителей:

— А зачем вам профессор?

— Да не важно, — усмехнулся Ройл, который в начале разговора достал было из кармана бумажник, а теперь убирал его назад.

Чуть позже Ройл и Ната расположились в холле отеля, ожидая возвращения участников конференции. Натали почти уснула в мягком широком кресле под бормотание плазменной панели. Ройл был все так же собран и сосредоточен, поэтому он первым поднялся на ноги, когда в холл ввалилась гомонящая компания, на ходу продолжающая обсуждать депривацию... «Девальвацию, мотивацию и прочую чепуху», — мысленно дополнила Ната, которая тоже скинула дремоту и выискивала взглядом в этой разношерстной компании знакомую серую физиономию. Профессор отыскался быстро — он держался особняком, участия в дискуссии не принимал и почти сразу, выпутавшись из толпы, направился к стойке администратора.

Ройл и Ната переглянулись и отправились следом. Дождались, пока Ашхисс получит ключ-карту и, догнав у лифта, зашли в кабину вместе за ним.

Первой в разговор вступила Морда. Пока Ройл собирался с мыслями, пока Ната вновь разглядывала пятно на запястье, которое стало еще немного больше, рыжая кошка, обескураженная внезапно наступившей тишиной, издала серию печальных утробных мяуканий, так что даже Ната вздрогнула. А профессор Ашхисс развернулся так стремительно, словно в его нижнюю часть туловища были встроены шарниры.

— Чт' здессь?

Ната хотела было успокаивающе поднять руки — мол, ничего страшного, мы просто хотим поговорить. Хотя дипломат из нее тот еще — на самом деле она продолжала злиться из-за этой сиреневой жидкости, вколотой ей. Мало ей ДНК-чипа. Просто не Ната, а маленький химический завод. Но нельзя профессора спугнуть раньше времени, деликатно, наверное, надо... Вежливо...

Ройл сунул ей в руки переноску с Мордой, вырвал из рук Ашхисса ключ-карту, свернул ему руку за спину и наклонившись к вытянувшемуся лицу профессора, угрюмо сказал:

— Мы в номере поговорим.

Вежливый, что уж...

Рамиссианец хоть и был выше Роланда на полторы головы, но только покорно кивнул. А Ната подумала о том, какие все же нежные создания — работники умственного труда.

Ройл отпустил профессора, едва за ними закрылась дверь номера.

— Покажи ему руку, — обратился он к Нате.

Ашхисс узнал ее, кажется, только в этот момент.

— Кх-х-х, — просипел он, и Ната почему-то поняла, что он в замешательстве. — Тот с'мый м'леньк' гум'ноид... Чт' еще в'м н'до? Я ведь всссе ссделал?

Мимика жителя Рамисса отличалась, конечно, от человеческой, но Ната догадалась, что профессор виноватым себя совсем не чувствует. Скорее, наоборот, растерян...

— Что это за штука такая? Она меня не убьет?

Профессор взял с свою серую руку, оказавшуюся четырехпалой, теплой и шершавой на ощупь, ее ладонь, большим пальцем осторожно погладил запястье, где расплывалось сиреневое пятно. Ройл застыл рядом, внимательно глядя, готовый оттащить Натали сразу, если это потребуется. Но Ашхисс не угрожал, не пытался причинить боль. Он внимательно разглядывал пятно.

— Н'деля, — сказал он, наконец.

— Что неделя? — не поняла Ната и вдруг испугалась, подумав, что профессор ответил на ее вопрос. — Убьет меня через неделю?

Ашхисс энергично кивнул несколько раз, и когда Натали уже готова была запаниковать, добавил:

— Н' убьет. Н'деля!

Ната обернулась на Ройла, мол, хоть ты что-нибудь понимаешь? Но тот, судя по сведенным на переносице бровям, тоже мало что понимал.

— Зачем вы помогали этим людям, профессор? Вы — известный в своей области ученый. Не боитесь себя скомпрометировать? — начал он издали. — Что за шпионские игры? Что за грязные эксперименты над подростками?

Профессор выпустил руку Натали и сведенными в щепоти пальцами прикоснулся ко лбу. Замер. Это что, рамиссианское выражение стыда? Скорби? Или он таким образом сообщает: «Да пошел ты!» Сложно...

— Какой урожай созрел, профессор? Что это значит?

Ашхисс продолжал молчать, глядя перед собой.

— Ну, хорошо... Значит вы уже готовы к тому, что вашей репутации может быть нанесен непоправимый ущерб. Потому что я вам его обеспечу. Ваша лаборатория, дело всей вашей жизни, в чем бы оно не заключалось... Можете попрощаться.

— Х'рош'... - пробормотал Ашхисс. — Я ск'жу... Вам... Один н' од'н...

— Наедине? — он посмотрел на Натали, она хмурилась: тоже хотела присутствовать, но Ройл принял решение:

— Хорошо. Наедине. Ната, выйди, подожди нас в коридоре.

— Что? — она задохнулась от возмущения. Но две пары глаз — карие человеческие и желтые с вертикальными зрачками, принадлежащие профессору — посмотрели на нее с одинаковым выражением: Ната поняла, что при ней не будет произнесено больше ни слова. Развернулась и вышла, от души приложив дверь о косяк. Кажется, хлипкий пластик, из которого она была сделала, даже кое-где треснул. Хоть какая-то радость.

Подслушивать даже не пыталась — это выглядело недостойно и жалко. Пусть даже

никто не увидит — как она сможет себя уважать после такого. Ната скрестила руки на груди и, прислонившись к стене, стала ждать. Ждать пришлось долго. О чем можно беседовать столько времени? Эх, надо было переноску с Мордой захватить, она бы тогда не чувствовала себя такой одинокой и потерянной... Морда, конечно. Ну, и Натали тоже...

В тот самый момент, когда Ната совсем уже загрустила и почти разозлилась на Ройла, дверь наконец открылась. Роланд шагнул за порог и коротко бросил ей:

— Идем.

И это все? Ната хотела было возмутиться, но возмущаться, глядя на удаляющуюся спину, было бесполезно, поэтому она решила оставить запал до того, как они сядут в машину. А может так и было задумано — рассказать обо всем позже, когда они будут в безопасности.

Но даже когда автомобиль взлетел и влился в поток, Ройл продолжал молчать, глядя перед собой.

— Ну и? — робко спросила Ната, злясь на себя за эту робость, злясь на Роланда за его молчание. Злясь даже на Морду за то, что она спокойно уснула, свернувшись клубком, в то время как сердце Наты готово выпрыгнуть из груди.

— Я не знаю, что тебе сказать... — ответил Ройл. — Я не хочу говорить тебе правду. И обманывать не хочу.

— Ого... Зато честно...

Он не ответил.

— Все так плохо?..

Молчит. Руки сжимают руль.

— Я умру?

Как же страшно было произнести эти слова. Теперь, когда это больше не кажется шуткой.

Ройл быстро взглянул на нее, словно понял наконец, что она чувствует.

— Инъекция не опасна для тебя. Это, наверное, все, что я могу сказать. Через неделю след от укола исчезнет. Не волнуйся об этом.

Почему-то Нате совсем не стало легче от этих слов, хотя они, вроде, должны были ее обнадежить. Может, потому что Роланд явно недоговаривал что-то?

«Куда мы теперь?» — едва не сорвалось с языка, но Натали сжала губы и промолчала. Сколько можно спрашивать одно и то же. И не все ли равно, куда они теперь? Главное, подальше от тех, кто ее ищет.

Когда Кайя опустилась на нижний уровень, Ната уже даже решила не удивляться. Инфериор, так Инфериор. К этому моменту она так устала, что хотела только одного — спать. Не важно где — в автомобиле или даже растянувшись на земле. Но Роланд был ни на столько суров — оказывается он привез ее в крошечную автоматическую гостиницу, предоставляющую место всем, кто имел при себе карточку и мог оплатить символическую сумму. Ната никогда прежде не ночевала в таких местах — все было ей в новинку. Она с удивлением наблюдала за устройством гостиницы, которая напомнила ей скорее систему лифтов, чем место для ночлега. Но устроено все было практично, этого не отнять. Ройл сунул карточку в прорезь устройства, похожего аппарат для оплаты парковки. Ната увидела, что он оплатил четыре часа и мысленно вздохнула — «потом опять в бега». Открылись створки, представляя взору длинную узкую комнатку без окон. Едва они ступили за порог, двери захлопнулись и пол под ногами дрогнул — Ната поняла, что комнатка уехала вниз, освобождая место наверху для свободной. Даже этого слабого толчка было достаточно для

того, чтобы Натали едва не рухнула на пол. Ройл удержал ее за руку и усадил на кровать.

Кровать была одна, правда широкая. Остальную убогую обстановку Ната даже разглядывать не стала — глаза закрывались.

— Просто ложись спать, я тебя разбужу, — сказал Ройл, откидывая тонкое покрывало.

Ната, не споря, уползла к стене, свернулась в комочек, почти мгновенно проваливаясь в сон, уже не чувствуя, что Роланд укрыл ее. Сам он какое-то время сидел с краю кровати, погрузившись в размышления. Если бы Натали могла видеть, как между его бровей залегла глубокая складка, как серьезны его глаза, выдающие невеселые мысли, она ни на шутку испугалась бы и вновь начала приставать с расспросами. Но Ната спала и на время была избавлена от сомнений и страхов.

Ройл провел рукой по лбу, словно прогоняя прочь мучавшие его мысли, и нагнулся к переноске, чтобы выпустить Морду. Кошка позволила вытащить себя, но вид у нее был крайне недовольный, как у королевы в изгнании. Она обижено и непреклонно, хотя с достоинством, выбралась из рук Роланда и устроилась в ногах Натали. Ройл усмехнулся: подумать только, одни особы королевских кровей. И что только он, недостойный, делает в этой компании.

Улегся на свой половине, закинув руки за голову: отдохнуть не помешает, тем более, что скоро ему снова за руль. Но расслабиться не удалось — Натали спала беспокойно, металась, крутилась, сбрасывала с себя покрывало. То звала отца, то кричала: «Не трогайте меня!» Роланд положил ей ладонь на лоб, и она ненадолго затихла, успокоившись. А потом, подкатилась ему под бок, обняла за руку, не осознавая, что делает, прошептала «Джек» и задышала ровно, погружившись в глубокий сон.

Ночь была долгой. Из-за того, что каждые четыре часа приходилось садиться в машину и искать новое место для ночлега, Нате показалось, что ночь длится вечность. В какой-то момент она перестала различать сон и явь, и сколько раз они переезжали. Наверное, три. Но почему-то ей казалось, что стоило ей только закрыть глаза, как она почти сразу ощущала на плече руку Роланда и слышала его голос: «Пора, принцессочка. Просыпайся».

А потом все-таки наступило утро. Натали совершенно измотанная сидела в автомобиле, сжимая в руках стакан суррогатного горького кофе, но даже эта жуткая дрянь не могла помочь прийти в себя. Где ее вкусный утренний коктейль? Где солнце, бьющее в окна? Душ, в конце концов.

И чем занят сегодня отец, зная, что она не придет сегодня с утра? Сожалеет ли? Или только рад был избавиться? Но почему, почему?..

— Роланд, — прошептала она. — Он не сказал тебе — почему?..

Роланд, который тоже устал, хотя старался не подавать вида, потер ладонями лицо.

— Нет... Принцессочка, не думай об этом сейчас. Давай решать проблемы по мере их поступления.

— И мы так будем бегать две недели? Я ужасно устала... Я боюсь...

Она отвернулась, закусив губу. Прижалась лбом к холодному стеклу. Стыд какой. Распустила сопли перед водителем... Это все — словно дурной сон. Это все не может быть по-настоящему. Надо хотя бы попытаться увидеться с отцом... В Альтитуду не проникнуть просто так, это она знала. Сильные миры себя старательно огородили себя от посягательств простых смертных. Даже не спускались без нужды на другие уровни. До вчерашнего дня и Ната была небожителем, а сейчас...

Она выпрямилась, вспомнив кое-что. Встретиться с отцом не получится, но можно попытаться увидеться с Джеком. Несколько раз в неделю он бывал в Медиуме — посещал спортивный комплекс. Ната съездила с ним пару раз, скакала на краю площадки, размахивая цветными помпонами, чувствуя себя одновременно глупой и счастливой. Она, Натали Флин, и вдруг в группе поддержки. Но это ведь Джек ее попросил, а ради него можно поступиться какими-то принципами, пожалуй. Да что там, она бы каждый день скакала вокруг него с помпонами в руках, но он попросил лишь дважды, а самой навязываться не хотелось.

Он должен быть там сегодня. Джек такой смелый, он обязательно придумает что-нибудь. Хотя бы поговорит со своим отцом...

— Роланд! — дернула она за руку своего телохранителя. — Есть идея!

— Нет, — твердо сказал Роланд, выслушав план, который до этой секунды казался Нате таким стройным и правильным. — Ты просто хочешь увидеть Джека. Но избалованный мальчишка ничем не сможет нам помочь, а мы себя обнаружим. Какими бы ни были причины твоего отца, я бы не хотел, чтобы он узнал о том, где ты сейчас. Пусть это будет наш козырь в рукаве.

— Ты... Ты! Да ты просто невоспитанный дикарь!

На самом деле на языке вертелось слово покрепче. Ната сжала кулаки, услышав про «избалованного мальчишку». Да еще каким тоном он посмел с ней разговаривать! На секунду Ната забыла о том, что она еще жива возможно потому, что «невоспитанный дикарь» вернулся за ней.

Он наблюдал за ней, как показалось Нате, с наглой улыбкой — знает, что она теперь полностью в его власти, вот и насмехается.

— Отвези меня к Джеку! — крикнула она. — Я не твоя игрушка. Не твоя пленница. Я не буду делать то, что ты мне скажешь!

Ната так распалилась, что стала колотить ногами по полу. А потом просто завизжала, словно ее резали на куски. Стаканчик с кофе вырвался из ее руки и облил сидение, обжег Нату сквозь ткань рубашки. Она сама уже не понимала, что с ней творится, чувствуя только ненависть в этот момент.

Роланд в первые секунды смотрел на нее с ужасом. Потом дернул к себе, прижал. Ната уткнулась в плечо, судорожно вдыхая. Горло сжал спазм, так что кричать она уже не могла. От Роланда пахло едва уловимо чем-то древесным и теплым. И еще немного машинным маслом и почему-то картошкой фри...

Дышать постепенно стало легче. Руки, сведенные судорогой, повисли. Ната, сама испуганная этим взрывом эмоций, не решалась поднять глаза или хотя бы отстраниться. Так и сидела, неудобно наклонившись вбок, удерживая с обеих сторон сильными большими руками.

— Эй, принцессочка... Ты там живая?

Как же неловко шутит... Но в голосе ощущалось волнение.

— Да. Да... Я прощения просить не буду! Это ты меня вывел! И немедленно отвези меня к Джеку.

— Я не...

— Немедленно!!! — она крикнула так, что сама едва себя не оглушила и чувствовала приближение новой истерики.

Роланд тоже это понял.

— Хорошо, — смирился он. — Ладно. Как скажешь.

Натали могла лишь надеяться на то, что Джек сегодня будет в Медиуме, в знакомом ей спортивном центре. Но надежда переросла в уверенность, когда она увидела на парковке его новенький ксцентрик.

— Джек!

Она едва не выпрыгнула из автомобиля на лету, Роланд буквально за руку удержал, когда Ната уже открывала дверь.

— Подожди, ненормальная. У тебя есть деньги, чтобы за вход заплатить? — Ната ощутила явную иронию в его голосе и оскорбилась.

Деньги, деньги, деньги... Она не умела о них думать, ей всегда казалось, что она сама неразменная монетка. Один лишь ее взгляд открывал прежде любые двери... Но, конечно, не ее прекрасные глаза это делали, а статус отца и фамилия Флин. А кто Ната сейчас? Она не знала...

Роланд оплатил дневной абонемент и Натали, не дожидаясь его, побежала вперед по знакомым коридорам. Но у входа в спортзал замерла, пригладила волосы. Как она выглядит? Узнает ли ее Джек? И тут же одернула себя — узнает, конечно. Они с детства знакомы друг с другом.

Нет, не так... Захочет ли узнать?

Она зашла осторожно, еще не зная, что скажет Джеку, но надеясь, что нужные слова найдутся сами. Зал был почти пуст сейчас. Только на противоположной стороне на скамейках сидела группа молодых людей. Ната старалась не встречаться с ними взглядами:

она впервые в жизни мечтала о том, чтобы быть неузнанной, и не хотела общаться с кем-то, кроме Джека.

Его пока что-то не видно. Но и зал сейчас был трансформирован под каток, а насколько знала Ната Джек плохо стоял на коньках. Правда табло над входом извещало о том, что через десять минут здесь начнется тренировка на тренажерах, тогда и Джек появится. Должен появиться.

Она высматривала его, приподнявшись на цыпочки, почему-то уверенная, что он появится из другого входа, и вдруг услышала голос за плечом:

— Привет, Натали.

Ната обернулась так резко, что едва не упала. Он не протянул руки, чтобы удержать. Не улыбался. Вернее, как не улыбался, один уголок его рта чуть дрогнул вверх. Но Ната, зная Джека почти всю жизнь, истолковала это слабое проявление чувств, как «я сожалею, что все так получилось с тобой, Натали».

— Я... вот...

Напрасно она надеялась, что нужные слова придут сами: дело с этим обстояло хуже некуда.

— У тебя забавный наряд, — сказал он, словно больше поговорить не о чем.

— Да... — она вспомнила про пятно от кофе и едва не сгорела от стыда. — Джек, я пришла поговорить...

Он стоял так близко. Такой сильный и прекрасный. Ее Адонис, ее бог. Ната видела каждую черточку на его лице. И так неудержимо хотелось сплести свои пальцы с его, коснуться легонько губ, провести ладонью по волосам. Ната даже сама не осознавала до этого момента, как сильно скучала...

— Ну, говори...

Джек смотрел куда-то поверх ее головы, ей никак не удавалось поймать его взгляд.

— Джек... Я не понимаю, что случилось. Ты знаешь хоть что-нибудь? Столько всего произошло, я совершенно растеряна. Джек?!

Он смотрел в сторону и словно совсем ее не слушал. Ната все же не выдержала, схватила обеими руками его ладонь. Та была вялой и безвольной, Натали словно держала рыбу, вытащенную из воды.

— Джек...

Он все же посмотрел на нее, их взгляды встретились. Ната почувствовала, как тяжело, муторно стало на душе. Так смотрят, когда рвут последнюю нить, связывающую прежде. Когда прощаются, но уходят вперед, почти не сожалея о том, что оставляют позади. Маленькая нотка грусти. Перевернутая страница в длинной книге жизни.

— Мне, правда, жаль, — сказал Джек, и она впервые за разговор услышала в его голосе теплые интонации. — Сегодня вечером будет объявлено о гибели Натали Флин. Я и сам знаю мало... Но тебе определенно лучше оставаться там, где ты сейчас.

— Но... Как же... Джек, помоги мне. Помоги мне, пожалуйста. Что же со мной будет теперь?

Она не отпускала его руку, но Джек осторожно освободился сам, а Ната продолжала искать его ладонь наощупь, словно слепая, и все не могла отвести взгляд от его лица. Но он уже потерял интерес. Ната всегда понимала, когда Джек заскучал и тяготится общением.

— Вот, возьми, — он вложил в ее протянутую руку пластиковую карточку. — Здесь немного, но... Ты уже взрослая девочка, Ната... К тому же смотри, как тебе повезло. Я уже

начал волноваться за тебя, а ты тут как тут — живая, здоровая. Вполне неплохо справляешься. Да, крошка?

Ната покачала головой, то ли соглашаясь, то ли отрицая. На самом деле она просто не верила тому, что слышит. И это что — все? Он сунул ей подачку и сказал: «убирайся»?

— Джек! Пожалуйста, не надо так со мной! — крикнула она, надеясь до последнего, что его слова просто затянувшаяся шутка. Но она добилась лишь того, что Джек отпрянул и нервно обернулся — не услышал ли кто.

— Прощай, Натали.

Она хотела удержать его, но рука схватила лишь воздух.

— Джек!!!

Ната никогда не думала, что потеряет голову настолько, что готова будет бежать вслед за ним... А сейчас она почти побежала. И догнала бы, обняла бы так крепко, как только могла, никуда бы не отпустила. Почему-то в эту секунду Джек был так ей дорог, словно олицетворял собой все то, что она потеряла. Вот уйдет он, и что у нее останется? Что останется от нее самой?

Но ей не дали сделать и шага: сильные руки обхватили сзади. Он развернул ее и прижал к груди. Роланд. Будь он проклят.

Но сил сопротивляться уже не было, и Натали просто позволила себя увести.

Везучая Натали. Всеми забытая Натали. Мертвая Натали.

Она замолчала с тех пор, как Роланд усадил ее в автомобиль и застегнул ремень. Ей было все равно, куда они летят и зачем. Ночи, дни... Маленькие хостелы и гостиницы — автоматы, иногда спать приходилось в Кайе. Суррогатная еда, перекусы шоколадками и горький кофе в стаканчиках... Еще одна смена одежды в рюкзаке. Ройл выбрал сам, Ната даже примерять не стала, безучастно стоя у выхода. На любые его вопросы лишь качала головой — она и не слышала ничего из того, что он спрашивал.

Ройл молчал, не трогал ее. Ната лишь иногда ловила на себе его обеспокоенный взгляд. Лишь однажды сказал, обращаясь больше к себе, чем к ней:

— Что же мне с тобой делать, принцессочка...

А она вдруг ответила, не поворачивая головы:

— Можешь выкинуть. Прямо сейчас. Ну?

Кайя летела в потоке автомобилей трассы Тандема, и Ната увидела, как Ройл тут же потянулся проверять заперты ли двери. Он пытался еще что-то говорить, но разговора не получилось — Натали вновь замолчала.

Он укутывал ее после того, как она засыпала и часто просто сидел рядом, положив поверх одеяла руку на ее спину. Ната не знала об этом, а узнала — устроила бы истерику. Она не догадывалась, что плачет и мечется во сне, а засыпает спокойно только если ощущает присутствие Ройла.

Морда, словно чувствуя, что хозяину нужна поддержка, иногда сменяла его на этом посту — прижималась к Натали пушистым боком, или растягивалась вдоль ее ног, и тогда девушка тоже спала спокойно.

Так прошла неделя и неизвестно сколько еще длилось бы молчание, но утром восьмого дня, случилось то, что вывело Нату из хрупкого равновесия.

Умываясь в крошечном душе, в котором она едва помещалась, хотя грех было жаловаться — в этой автоматической гостинице он хотя бы был, Ната посмотрела на запястье правой руки и невольно вскрикнула: сиреневое пятно — след от инъекции —

исчезло бесследно. Ната за эти дни привыкла к нему, перестала бояться. А сейчас ее скорее испугало то, что пятна больше нет.

Ройл, услышавший ее испуганный возглас, ожидал ее у двери.

— Что случилось?

По его тону Ната поняла, что отмолчаться не получится. Да она и сама была взбудоражена, показала запястье.

— Вот... Он сказал неделя. Как раз прошла неделя... И что это было? Теперь вообще ничего не понимаю...

И замолчала, глядя на Ройла — она не могла понять выражения его лица. Хмурится, выглядит растеряно, но в тоже время словно о чем-то знает...

— Ройл?

Вместо ответа он принялся копаться в рюкзаке, который всегда собранный стоял у двери, на случай если придется быстро убегать. Он искал что-то, и никак не мог найти. В это время браслет на его руке, отмеряющий время, подал сигнал — пора было уезжать.

Ройл чертыхнулся, но с неумолимым временем было не поспорить.

— Ладно. Позже. Думаю, время терпит.

И привычно закинул рюкзак на плечо. А Ната, как уже было заведено, надела свой рюкзачок и взяла в руки переноску с Мордой. Она недоумевала, была немного испугана, но придется подождать с объяснениями, деваться некуда.

— Ненавижу твой браслет, — тихо сказала она.

Хотя браслет был меньшей из бед, преследовавших ее.

И снова Инфериор, унылое маленькое кафе, где вместо столов — стойки с окошками, в которые комкухи выгружали готовую еду. Полностью автоматизированное место, для самых непритязательных клиентов и достаточно голодных для того, чтобы проглотить это подобие пищи. Зато лишних ушей в этот ранний час не было — Ройл и Ната были единственными посетителями.

Он предложил отнести бутерброды и кофе в машину, чтобы позавтракать с относительным комфортом, но Натали впервые за несколько дней, когда она соглашалась со всем, что говорил Ройл, отрицательно покачала головой.

— Я там словно в ловушке, — смущаясь, призналась она. — Словно воздуха не хватает... Понимаешь?

Он кивнул, но не произнес ни слова. Смотрел, не отводя взгляд.

— Что? — не поняла Натали. Пригладила волосы, подумав, что прическа растрепалась. — У меня нос зеленый, или типа того?

Роланд рассмеялся на это подобие шутки так, словно не слышал ничего смешнее. И Ната только сейчас поняла, что он не смеялся и даже не улыбался всю эту неделю.

— Ты ненормальный, да? — обиженно спросила она.

— Не обижайся, принцессочка, — примирительно ответил Ройл. — Я просто рад, что ты разговариваешь.

Ната нахмурилась, глядя в тарелку. Ну да, разговаривает. Причем опять с этим неотесанным типом... Но что поделать — теперь поздно давать обратный ход. Ее испуг, когда она проснувшись не увидела на руке пятна от инъекции, позволил сломать стену, которую она неосознанно, но старательно возводила вокруг себя. Кстати, о пятне...

— Роланд...

Он догадался, о чем она хотела спросить, потому что Натали начала приподнимать манжет рубашки, чтобы еще раз посмотреть на запястье.

— Позже, — сказал он, перехватив вдруг ее руку. — Поговорим в машине.

— Профессор тебе сказал что-то? — только и смогла прошептать Ната, сбитая с толку его таинственностью.

— Да... Кое-что...

И вдруг без всяких предисловий кинул в Нату пластиковый нож, который до этой секунды никому не нужный лежал на подносе. Едва ли нож смог причинить девушке серьезный вред, но Ройл уверенно целился прямо ей в грудь. Ната едва смогла осознать, что происходит, потому что дальше она только наблюдала, словно со стороны, как ее рука перехватила нож в полете, подбросила — рукоять удобно легла в ладонь, и секундой спустя полоснула Ройла по щеке. Нет, совсем сторонним наблюдателем она все же не была, за доли секунды до удара мозг принял решение, выбирая наиболее уязвимое место. Ната сама, взвесив все за и против, а не ее взбесившееся, вышедшее из-под контроля тело, решила, что руку, защищенную курткой порезать будет сложнее, да и Ройл, специально подготовленный телохранитель, успеет отбить нож. А вот до лица дотянуться успеет.

И только уже увидев, как кровь Роланда капает на воротник куртки, вскрикнула и уронила оружие.

Вскрикнула, потому что не ожидала от себя такого, а вовсе не от того, что ей стало жаль

телохранителя. Он сам виноват. Но она, девочка из высшего общества, воспитанная и милая — и пусть с этим кто-нибудь поспорит! — она-то как могла такое совершить? Кровь... Фу... Отвратительно.

Ната коснулась лица замершего на месте Роланда, он не сводил с нее взгляда, готовый к отпору. Кровь на ее руке. Алая, она так атласно блестела на кончиках ее пальцев. Так притягивала и манила... Ната совершенно не осознавая, что делает, облизнула ладонь.

Соленая кровь на ее губах...

Ната содрогнулась от спазма, который скрутил желудок — ее вырвало.

Пришла в себя она уже в Кайе, что-то мокрое, прохладное стекало по щекам. Ната стянула со лба салфетку, которую Роланд смочил в холодной воде. Голова гудела и болела. Ройл сидел на водительском месте, на его щеке блестела белая полоса — это стянул рану, превратившись в пленку, Регенерин.

— Я потеряла сознание? — Ната попыталась сесть и тут же едва чуть снова не согнулась пополам, вспомнив в детях все, что случилось несколько минут назад.

— Что это было Ройл, — слабо простонала она. — Ты хотел меня убить? Я хотела тебя убить? Но я не хотела... Это было... Словно наваждение...

— Я знаю, знаю, — Ройл положил руку ей на предплечье, пытаясь успокоить. Похоже, он не злился, но находился в явном замешательстве. — Я сам виноват.

И тут же улыбнулся на эти слова.

— Да, в этот раз соглашусь с тобой — виноват сам. Я должен был проверить... Но кто мог предположить, что реакция будет такая бурная?

— Может ты перестанешь говорить загадками? — вспыхнула Натали.

Она чувствовала, что внутри нее поднимается и крепнет некая сила, неподвластная ей. Ей не хотелось злиться. Ей очень не хотелось злиться... Иначе... Кто знает, что может произойти.

Роланд увидел что-то в ее глазах, и поднял руки. Медленно и спокойно, не отводя от нее взгляда.

— Так, принцессочка... Сейчас я наклонюсь к рюкзаку, и кое-что достану из него. Не волнуйся. Доверься мне. Хорошо?

Натали сжала кулаки, чувствуя, что ногти впиваются в кожу. Бесючий Ройл. Мерзкий Ройл.

Ната закивала вместо ответа. Ей было жутко, но одновременно откуда-то из глубины души волнами приходило незнакомое ощущение — дивное и волнительное чувство: предвкушение победы и наслаждение ей. Как он дернулся, когда нож порезал ему кожу. На мгновение в его глазах мелькнул испуг и боль. Это мгновение хотелось вернуть...

Пока Натали боролась с собой и странными, непонятными ей, эмоциями, Роланд достал из кармана рюкзака тонкий цилиндр. Ната тут же узнала его — такой же был у профессора. И в этом тоже содержалась сиреневая жидкость, а вот и тонкая игла.

— Где ты его взял? — едва слышно прошептала она — в груди не хватало воздуха.

— Ашхисс дал мне его. Сказал, что он понадобится через неделю. Описал симптомы. Я не знал, стоит ли доверять, поэтому сначала решил проверить... И проверил...

Он немного нервно усмехнулся. Но Натали было не до шуток.

— Это из-за него я стала такой!!

Роланд наощупь нашел ее сжатую в кулак руку, погладил осторожно, словно испуганного зверька.

— Натали, мы этого не знаем... Знаем только то, что теперь это тебе нужно... Чтобы не стать...

— Чудовищем? — едко закончила она за него, злые слезы покатались из глаз. — Скажи точно, что тебе сказал профессор!

Роланд вздохнул.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Думаешь, у нас была содержательная беседа? Я едва мог понять, что он мне говорит. Я уже рассказал тебе все, что знаю. Если кратко: через неделю действия укола закончится и тогда понадобится еще один. У него с собой был еще один шприц, и он мне отдал. Описал симптомы, при которых надо действовать немедленно. Это все, что мне известно!

— А потом? — Натали сжала руки еще сильнее, уже чувствуя боль от того, что ногти впиваются в кожу. — Когда пройдет еще неделя? Что тогда?

— Я не знаю... — покачал головой Роланд. — Я ведь не поверил ему, сказать откровенно. Не хотел даже брать с собой лекарство... Надо было остаться, расспросить... А сейчас уже поздно.

Роланд кажется и сам только что осознал, как недалёковидно и глупо поступил. Прошло несколько дней, профессор уже вернулся на Рамисс...

— Разреши мне тебе помочь. Пустыми разговорами уже ничего не изменить.

Он тихонько потянул на себя ее руку, расстегнул и закатал манжет. Ната не сопротивлялась, хотя в душе происходило настоящее сражение — ей так хотелось вырваться и убежать... Но бежать было некуда, это она понимала. Да и от себя убежишь разве?

Укола она почти не почувствовала, но зато почти моментально ощутила, как ее отпускает иррациональная жгучая злость, бередившая душу, словно незажившая ноющая рана. Словно жажда, которую надо немедленно утолить. Стало легко и спокойно.

— Спасибо, — сказала она, прежде чем поняла, что говорит. И тут же прикусила язык: проживет и без ее благодарности.

Роланд уже заводил двигатель. Кайя взлетела, и через пару секунд влилась в плотный поток Инфериора, затерялась в нем, стала лишь еще одной пестрой точкой. Натали смотрела в окно и думала о том, что их не найдут и не поймают — они уже очень хорошо научились прятаться и убегать. Через неделю остатки ДНК-чипа вымоются из ее организма. Но через неделю закончится и действие загадочного лекарства, созданного профессором Ашхиссом. А что потом?

И ничего не приходило в голову, все вертелось вокруг этого вопроса. Дальше была темнота...

— Хочу показать тебе кое-что, — сказал Роланд после долгого молчания.

Он опять нацепил свою смешную оранжевую кепку, да еще с этим пластырем на щеке — смотрелся забавно словно подросток — переросток.

— А сколько тебе лет, Ройл? — вдруг спросила Ната. Сначала ей казалось, что водитель уже совершенно взрослый мужчина, намного ее старше, слишком серьезным он был. Но в те минуты, когда он начинал заразительно хохотать, или вот сейчас, в этой нелепой кепке с глазами, выглядел совсем юным, едва ли старше самой Наты.

— Двадцать семь, — ответил он, и на секунду повернувшись, посмотрел на девушку, хитро прищурившись. — Видишь, насколько старше. Ты должна меня слушаться!

Он, конечно, не рассчитывал на понимание, и был прав — Ната фыркнула:

— Ага, счас! А... Что ты хочешь мне показать?

Все же не удержалась, любопытство взяло вверх.

— Увидишь, принцессочка! Держись крепче!

И автомобиль, заложив крутой вираж, вырвался из трассы Инфериора, стремясь по воздушному коридору вверх — к Тандему, и дальше, к Медиуму. Где-то там, на недостижимой высоте, едва различимые глазом, скользили в небе серебристые искры — роскошные автомобили Альтитуды. Парили, купаясь в лучах солнца и воздушных потоках, свободные как птицы... Отец где-то там... Но им туда не подняться...

Ната вздохнула, опустив голову.

— Отставить вздыхать, — скомандовал Роланд, но если он надеялся вызвать ее улыбку — это ему не удалось.

Он припарковался на узкой боковой улочке, на выступе, одним боком буквально свешиваясь над пропастью. Ната выразительно посмотрела на своего водителя: «Получше местечка не нашлось?» Ройл развел руками.

И только когда девушка осторожно выбралась из автомобиля, догадалась — к чему эта эквилибристика. В этот час дня все парковки, все мало-мальски пригодные участки были забиты автомобилями — жители Примариуса съезжались в малый Центральный парк. Натали в детстве всегда смешило это название — так Центральный парк может быть малым? Но он по сравнению с Главным Центральным парком, расположенном на другом краю света, многочисленные малые значительно уступали ему в размерах.

Последние островки живой природы, вознесенной на специальных платформах ближе ко свету и чистому воздуху. Ната любила бывать здесь и удивлялась теперь, почему не поняла сразу, где находится. Быть может потому, что у жителей Альтитуды была своя отдельная парковка? Но это единственное, что отличало элиту от других жителей планеты — парк был открыт для всех.

— И что я здесь не видела? — спросила Ната. Хотя, стоит признать, идея Ройла погулять на свежем воздухе под тенью деревьев была ей по душе.

— Для начала — вот, — Роланд указал на высившиеся на противоположной стороне пропасти серые стены, основание которых терялось где-то в желтом тумане. Такие унылые, что он, казалось, поглощали солнечный свет. Ни одного окна, по периметру кружат дроны. Ната никогда прежде не обращала внимания на это колоссальное сооружение, просто упускала из вида.

— Тюрьма что ли? — удивилась она.

— Почти, — усмехнулся Роланд. — Военная академия, где я учился.

— Ого, — уважительно отозвалась Ната. — Так вот где она находится... Не знала.

Краем уха она слышала когда-то, что военная космическая академия древнее и уважаемое учебное заведение, со своими традициями и законами. Закрытый, отдельный мир. За его стены попасть можно было двумя способами. Будущие командиры космических кораблей и весь командный состав набирались из одаренных юношей обеспеченных семей. Мало того, что надо было пройти суровый отбор, так еще и заплатить за обучение кругленькую сумму. Но желающие заплатить выстраивались в очередь — обучение на элитных подразделениях академии сулило юношам блестящее будущее.

Но кроме командного состава в любой армии существует рядовой состав. Расходный материал. Те самые бедолаги, чьи жизни ценятся порой ниже, чем оружие, из которого они стреляют. Правда, с развитием технического прогресса, рядовые тоже стали нужны квалифицированные, специально обученные. А если они проявят упорство и отличаться в

учебе и службе, то получают шанс продвигнуться дальше и получить достойное образование.

В рядовой состав набирали мальчиков из обычных и даже бедных семей. Мало того, что за их обучение не надо было платить и дети с четырнадцати лет находились на полном обеспечении, так еще и академия выплачивала семьям небольшую сумму за то, что подростки поступали в полное их распоряжение. Хотя с того момента, как мальчик переступал порог Военной академии, им запрещено было видится с родными, многие родители, желая детям лучшего будущего, шли на этот шаг.

Никто толком не знал, как именно строилось обучение в стенах академии, но понятно, что их там не пряниками кормили. Ната покосилась на Ройла, только сейчас осознав, что он то как раз явно учился не в элитном подразделении. И все же сумел получить профессию инженера... А потом ранение, протез, и вот он выкинут за борт, как использованная и ненужная деталь...

Натали передернула плечами: «Я что, жалею его? Очень надо! Мне нисколько не лучше сейчас, а меня никто не жалеет!»

Но Роланд не искал сочувствия, и, кажется, даже не догадывался, о чем думает сейчас девушка.

— Пойдем, — он потянул ее за собой в сторону Центрального парка.

Малый Центральный парк располагался на нескольких платформах. Если смотреть на него сверху, то платформы, соединяясь, словно образовывали цветок, каким его рисуют дети: сердцевина и семь круглых лепестков. На каждой платформе — лепестке воссоздана была флора и фауна континента, который он представлял. Континентов давно уже не было: Примариус превратился в один-единственный многоуровневый перенаселенный город. Но Натали, конечно, посещала уроки естествознания и знала, какой планета была прежде, в первые годы колонизации. Правда, родившаяся и выросшая на Примариусе, она нисколько не сожалела об утраченном и не понимала экологов, бьющих тревогу. Все же хорошо: климат-машины справляются, воздуха всем хватает. Даже суррогатную еду научились создавать — никто не голодает... Правда, суррогатную еду она ела только последнюю неделю, а до этого всегда питалась обычными продуктами: овощи, фрукты, животных выращивали на маленьких фермах специально для жителей Верхнего уровня. И, если честно, суррогатная еда, хоть по вкусу и мало отличалась от настоящей, но уже успела набить ей оскомину. Да и климат-машины, оказывается, не так хорошо справлялись со своими задачами на нижних уровнях... Но жить можно. По крайней мере, это сейчас занимало ее мысли меньше всего. И Роланд, наверняка, привел ее в парк не для того, чтобы об экологии говорить...

Натали, занятая мыслями, поняла, что они пришли на место только тогда, когда Роланд тронул ее за плечо. Ната огляделась — здесь она уже бывала, и не раз — Роцца Слез. Она не представляла, почему роцца так называется, хотя поэтичное название всегда ей нравилось. Два года назад они с Джеком заблудились здесь. Ну, как заблудились — настоящая опасность им не грозила: у каждого на руке браслет, нашли бы за считанные секунды, если бы подростки пожелали найтись... Натали казалось тогда, что Джек специально завел ее вглубь роцци, чтобы поцеловать, и покорно следовала за ним, волнуясь и смущаясь. А Джек, как выяснилось, просто баловался и играл в космический спецназ, высадившийся на незнакомой планете... Джек...

— И что? — спросила она, невольно разозлившись. — Зачем ты меня сюда привел? Я эту роццу видела сто раз!

— Я уверен, ты не знаешь, что это за место на самом деле, — ответил Ройл, загадочно улыбаясь при этом. — Я здесь похоронен.

— Что?! — Ната даже отступила на шаг, мурашки побежали по коже. Нет, она просто ослышалась, ведь так?

Роланд, пользуясь ее растерянностью, бесцеремонно взял ее за руку и повел за собой. И привел к маленькому деревцу, совсем еще юному.

— Моя могилка, — сказал Ройл, он уже откровенно потешался над смятением Натали.

— Ты сумасшедший, да? — Ната так искренне недоумевала, что Ройл, не удержавшись, расхохотался своим заразительным смехом.

— Ну, ладно, не пугайся, — сдался он. — Это всего лишь старая, немного зловещая традиция Академии. Когда мальчики поступают на обучение — считается, что они умирают для всего остального мира. В первый день первого учебного года все новички идут в парк и сажают дерево. Не саженцы, а именно семена — такие символические похороны. Прорастают не у всех, а мое выросло. Как думаешь, хороший знак?

Ната пожалала плечами, она до сих пор была немного ошарашена. Веселость Роланда казалась ей неуместной.

— Ничего смешного я в этом не вижу... Своими руками копать себе могилу — бррр...

Ройл тоже стал серьезен.

— В тот день мне тоже было не до смеха. Все, что я знал и любил осталось позади, в прошлой жизни, и возврата назад не было. Я ничего не мог изменить, даже если бы хотел. И, пожалуй, чувствовал только отчаяние. Мне казалось, что я угодил в ловушку. Если учесть, что за первые дни пребывания в Академии, я умудрился схлопотать два внеочередных дежурства и одно наказание розгами, не трудно понять, что мне не только хотелось выкопать самому себе могилу, но и улечься туда, избавившись от многих неприятностей. Наш наставник отлично понимал, что чувствуют новобранцы, когда-то сам был таким... Он был суровый, даже жестокий... Но в тот день сказал то, что я запомнил на всю жизнь...

Роланд помолчал.

— Мудрость не велика. Но мне, четырнадцатилетнему пацану, эти слова показались тогда откровением. Он сказал: «Для того, чтобы началось что-то новое, старое должно закончиться. Оставляйте прошлое в прошлом и никогда не сожалейте о нем». Мы не себя должны были похоронить, а свое прошлое...

Ройл вдруг вложил в ладонь Натали маленький продолговатый предмет. Она разжала пальцы и увидела коричневое семечко.

— Что это? — спросила она.

— Твое прошлое, — ответил Роланд. — Давай, похорони его. И больше не сожалей.

Натали опустила на колени в мягкую траву, ее будто разом покинули все силы. Какое-то время она просто сидела, глядя на семечко на своей ладони. Роланд не торопил, не уговаривал, просто стоял за ее спиной, и Ната даже была благодарна за его молчаливое присутствие. И она вдруг торопливо, словно опаздывала куда-то, а на самом деле опасаясь, что решимость ее иссякнет, вдруг стала голыми руками разрывать землю, выдергивая пучки травы, не думая о том, какими безобразными станут ее ногти, и том, что одежда будет испачкана травяным соком. Она трудилась словно в каком-то иступлении, а потом, когда дело было сделано, упала ничком на маленький холмик земли и зарыдала.

Ройл присел рядом, он не трогал ее, грыз травинку и смотрел на небо. Морда, выпущенная из переноски, подошла к Натали, понюхала ее макушку, муркнула и, не

дождавшись ответа, отправилась исследовать парк. Она, не привыкшая к ощущению почвы под ногами, вышагивала на них, словно на ходулях. Хвост, однако, был гордо поднят — Морда готовилась покорять неизведанное.

— Молодец, смелая девочка, — сказал вдруг Роланд.

И когда Натали подняла голову и посмотрела на него, подбирая язвительные слова, добавил, обезоруживающе улыбаясь:

— Это я не тебе.

И ведь не поспоришь. Натали перевернулась на спину и тоже стала смотреть вверх.

— Спасибо, — сказала он тихо-тихо, надеясь, что Роланд не услышит.

Натали лежала-лежала и сама не заметила, как глаза ее закрылись. Накопилась усталость, а спать удавалось редко, урывками. Она никогда раньше не подумала бы, что сможет уснуть, лежа на голой земле, не опасаясь испачкаться или выглядеть глупо. В чувство ее привел звук сигнала браслета Роланда. И Натали тут же, как солдатик, услышавший команду «подъем», села и принялась отряхиваться, собираясь в путь.

Роланд, однако, не двинулся с места. Не протянул ей руку, чтобы помочь встать. Лицо было серьезным, губы сжаты. Ната даже испугалась.

— Что? — спросила внезапно осипшим голосом.

— Сядь. У нас еще пять минут есть в запасе. Надо поговорить.

И от этих рубленых фраз, похожих на приказы, Ната испугалась еще больше, даже спорить не стала. Уселась, поджав колени, а одной рукой сгребла в охапку Морду, опрометчиво проходившую мимо, прижала к себе. Морда изумленно фыркнула, но вырываться не стала.

Роланд не стал оттягивать начало разговора, начал с главного. Натали словно холодной водой обдало, она сидела, заледенев.

— Я должен тебя вернуть, принцессочка. Я вижу, что столкнулся с чем-то, чего не понимаю и не знаю, как с этим бороться.

— Ты бросаешь меня? — прошептала Ната, в ту же секунду решившая, что если так, то она тоже бороться не станет. Подойдет к краю платформы и...

Роланд что-то такое увидел в ее глазах, моргнул, лицо его стало на мгновение совершенно детским, растерянным. И он вдруг дотянулся до нее, а потом прижал к себе, обнял, словно укутал со всех сторон. Ната почувствовала его подбородок на своей макушке. И сразу стало тепло и спокойно. Морду она так и не выпустила из своих рук, и та вяло перебирала лапами, устраиваясь поудобнее. Ната даже улыбнулась, представив со стороны их троицу: кошка на руках у Наты, Ната на руках у Роланда.

— Ты не так меня поняла, — продолжил он между тем. — Я тебя не брошу, останусь с тобой. Ты им зачем-то нужна, а значит они согласятся на это условие. В конце концов, лишний боец в команде еще никому не мешал...

Она чувствовала его теплое дыхание на своем затылке и верила. Против воли верила каждому его слову.

— Не знаю, что с тобой происходит, но без лекарства тебе станет хуже. А я ничем не смогу помочь. Обещаю, мы останемся там только до тех пор, пока не поймем, что происходит...

— А потом?

— Снова сбежим!

— Я боюсь, Ройл... Боюсь их. Но и саму себя тоже...

Браслет вдруг начал так настойчиво и пронзительно верещать, что Ната растеряла остатки мыслей.

— Времени очень мало, — поторопил ее Роланд. — Решай сейчас.

— Ой, нет... Нет. Не сегодня.

И они побежали по парку к выходу так быстро, как только могли. Рюкзачок подпрыгивал на плечах Наты, а Морда, которую не успели посадить в переноску,

уцепившись когтями за ее рубашку изо всех сил старалась не упасть. Роланд бежал чуть позади, прикрывая их. Лишь когда кайя взлетела, они переглянулись и вдруг рассмеялись одновременно.

— Чувствую себя героем боевика. Это ужасно — сказала Натали, пытаясь согнать улыбку со своего лица. — Мне вообще-то не весело!

Но как ни сдерживалась, вновь начала хохотать, вспоминая их поспешное бегство и совершенно ошалевшую физиономию Морды.

— Это адреналин. Сейчас пройдет, — Роланд тоже улыбался. Он уже смотрел вперед на плотный поток машин, маневрируя между ними и стараясь как можно быстрее покинуть зону парка, а Ната смотрела на него. За последние четыре часа Роланд стал ей ближе и уже не раздражал, как раньше. Теперь, когда она узнала немного о его прошлом, побывала в Роще Слез и посадила семечко в землю, Роланд стал казаться ей чем-то вроде брата, которого у нее никогда не было. «Древесного брата», — мысленно усмехнулась она. Не такой уж он бесючий, если подумать.

Они опять весь день переезжали с места на место, Роланд больше не заводил разговор о том, что надо сдать. Хотя Натали не сомневалась, что причина этому ее слова. «Не сегодня», — сказала она, и Роланд согласился, но завтра вновь придется решать. У нее есть еще несколько дней в запасе, и когда-нибудь она наберется мужества. Но не сейчас, не в этот день.

А день был удивительно хорош, словно жизнь решила подарить Натали напоследок воспоминание о том, каким должно быть счастье. Во-первых, солнце пробивалось сквозь плотную завесу тумана, его лучи достигали даже Инфериора, было тепло и ясно. Во-вторых, Ната совершенно перестала ощущать беспокойство и злость. Быть может виной тому было лекарство, но ей хотелось думать, что она похоронила грустные мысли в Роще Слез вместе со своим прошлым. В-третьих, Роланд все время ее смешил. Он, увидев Академию, вдруг вспомнил множество забавных и веселых историй из своей курсантской юности. И рассказывал их Натали пока они бродили по торговому центру, перекусывали в кафе, и просто сидели в автомобиле, ожидая, пока наступит вечер и можно будет искать место для ночлега.

— Роланд, не могу поверить в то, что все это правда, — сказала Ната, отсмеявшись в очередной раз. — По-моему, ты просто выдумщик.

Роланд зачерпнул из бумажного пакета, стоящего между сидениями, горсть орехов — сегодня это был их ужин, просто пожал плечами.

— Для того, чтобы выдумать все эти истории, нужно обладать хоть каким-то воображением. А у меня, старого вояки, его попросту нет. Творчество — не моя сильная сторона, принцессочка.

Ната на принцессочку уже и не думала обижаться, пожалуй, даже расстроилась немного, вздумай он ее называть как-то иначе.

— Старый, скажешь тоже. Вовсе ты не старый!

Роланд, кажется, немного удивился, потому что Натали услышала в его словах вовсе не то, что он пытался сказать. Она это тоже поняла и смутилась.

— Зато ты не скучный, — попыталась исправиться Ната, но вместо этого запутывалась все сильнее. — Я про то, что ты веселый. В отличие от моих бывших друзей. Они-то всегда любили смеяться над кем-то... И добрый...

Она сконфуженно замолчала, чувствуя, что разговор завернул куда-то не туда. Роланд

тоже замолчал, отчего-то став серьезным. И смотрел перед собой, словно там, за ветровым стеклом на пыльной маленькой парковке могло быть что-то интересное. И руки его крепко сжимали руль, словно он пытался удержать себя от какого-то опрометчивого шага.

Натали положила свою ладонь поверх его сжатой руки. На секунду в памяти промелькнуло и растворилось воспоминание о том, что ее ногти впились и ранили кожу. Нет, сейчас прикосновение было мягким.

— Ройл... — только и успела сказать она, потому что в следующую секунду Роланд вышел из машины, хлопнув дверью.

Ната, ожидая его возвращения, нервно сжевала все орешки, оставшиеся в пакете. Она не вполне понимала, за что он разозлился, но чувствовала, что перешла какую-то границу. Натали и сама не знала, зачем прикоснулась к нему и чего хотела. Но он ведь и сам до этого момента запросто мог взять ее за руку или обнять, утешая. Да она видела в Роланде сначала лишь защитника. Потом друга. «Древесного брата», — она усмехнулась... Но сейчас, касаясь его теплой руки, стремилась вовсе не к дружеским объятиям. Стоит это признать.

Просто наваждение, секундное помешательство, навеянное очарованием вечера и всеми этими историями, окончательно растопившими лед отчуждения.

«Да он вовсе не нравится мне!» — даже разозлилась Ната.

Роланд вернулся через несколько минут. Ната искренне надеялась, что он просто сделает вид, что ничего не было, она тоже промолчит, и все вернется на круги своя. Но Роланд был сделан не из того теста: «старый вояка», прямой и откровенный.

— Натали, — начал он, повернувшись и глядя прямо в глаза.

Она видела, как нелегко ему начать разговор и с большим удовольствием избежала бы его сама.

— Оу! Ну серьезно? — пробормотала Ната. — Роланд, давай без всяких там скучных лекций...

— Ната, ты, не помнишь этого, но я возил тебя в школу уже тогда, когда ты твои волосы еще были заплетены в косички. А на переднем сидении ездил Фафель. Помнишь его?

Натали чувствовала, что краснеет. Конечно, она помнила Фафеля, своего робота — питомца, который сопровождал ее повсюду до тех пор, пока Нате не исполнилось тринадцать. Фафель был забавный — лохматый, розовый, всегда готовый к обнимашкам. А потом в материнской плате, скрывающейся где-то внутри его пушистого, теплого тела произошел сбой, и Фафель заявил Нате, что она не его хозяйка. И начинал верещать каждый раз, когда она пыталась приблизиться к нему. Как она рыдала тогда, чувствуя себя преданной! И кажется кто-то, быть может водитель, чье лицо не отложилось в памяти — просто размытая темная фигура, вытирал ей слезы и говорил о том, что привязываться к вещам нельзя, что верность надо хранить только живым созданиям. Ната пнула его и сказала, что Фафель не вещь, и вообще, нечего лезть с непрошенными советами... А на следующий день, обозленная, сама кинула питомца в мусоросжигатель... Едва ли Роланд хотел именно этот эпизод ей напомнить, просто давал понять, что видит в ней только ребенка. А Ната была ошеломлена этим открытием. Тот самый взрослый дядька, вытирающий ей нос салфеткой, и вот этот черноглазый смеющийся парень, с волосами, собранными в хвост — один и тот же человек?

— Мне почти восемнадцать, — сказала она, хмурясь. — Не надо считать меня ребенком... И если что — ты все понял неправильно! Вот!

Роланд вместо ответа вздохнул.

— Хорошо, — покорно согласился он. — Я понял неправильно.

На их счастье, браслет просигналил о том, что пора ехать, потому что Ната и так уже готова была провалиться сквозь землю.

И в эту ночь, когда Ната уснула, свернувшись под одеялом, Роланд хотел было как прежде положить ладонь ей на плечо, но удержал руку. Вместо этого долго сидел, глядя на спящую девушку.

Часть десятая

Ната проснулась от шума дождя. Капли упруго били в пластиковую крышу дешевого мотеля. Натали и не знала раньше, что придумали даже такие места для ночлега: негде провести ночь и припарковать автомобиль — пожалуйста, все для вас. Кубы, без окон, скорее похожие на гаражи, но с минимальными удобствами для людей — кровать, душ, и завтрак, которого, однако, они не получают, потому что комкух оказался сломанным. Кайя стояла здесь же, словно следила за своими хозяевами тусклыми фарами. «Ну что, уже практически член семьи, даже ночуем под одной крышей», — мысленно улыбнулась Ната, кутаясь в плед, пахнувший отчего-то машинным маслом. Она удивленно осмотрела его и поняла, что это куртка Роланда, которой он укрыл ее поверх пледа. В воздухе ощущалась сырость, вставать категорически не хотелось.

Ната никогда не любила дождь. Но раньше хотя бы заранее было известно, когда климат-служба наметила «генеральную уборку планеты», как эти дни иногда называли в прессе. Надо было вставать и собираться, но Ната из последних сил тянула время. Роланд, пользуясь свободными минутами, возился в двигателе кайи, она слышала, как он осторожно, стараясь не шуметь, осматривает автомобиль.

Дождливый сумрачный день, холодный и промозглый. Лучшего дня для того, чтобы отправить свою жизнь на свалку, и придумать нельзя...

Ната умылась, расчесалась, собрала волосы в хвост и одела чистую одежду, достав ее из рюкзака. Роланд наблюдал за ней из-под свесившихся на глаза длинных прядей, руки у него было чуть ли не по локоть в масле, поэтому он убрать волосы он не мог.

— У нас еще есть время, рано собралась, — сказал он, когда Ната, покружившись по комнате, собрав все вещи и потыкав в мертвые кнопки сломанного комкуха, встала рядом.

Роланд попытался сдуть волосы вверх, чтобы увидеть выражение ее лица: она была как-то особенно молчалива и задумчива, но тяжелые вихры не слушались. Натали подошла еще ближе и отвела пряди с его вспотевшего лба. Он замер под ее ладонями, но Ната не почувствовала, как напряглось его тело, потому что мысли ее были далеко.

— Сегодня, — сказала она.

Когда браслет подал сигнал, они оба стояли у двери, полностью собранные, с рюкзаками за плечами. Морда тоже, казалось, прониклась серьезностью момента и беспокойно ходила в переноске, словно хищник в клетке.

Когда спустя пять минут, сигнал сработал снова, стал громким и тревожным, Ройл просто выключил браслет. Обнял одной рукой Нату за плечи, подбадривая.

— Я с тобой, не бойся, — сказал он.

Натали была уверена, что за ней явятся уже на следующую минуту после того, как браслет подаст последний отчаянный сигнал, но время тянулось и тянулось, так что она в конце концов сняла рюкзак, внезапно начавший давить на плечи. Да, шансов поймать их с Роландом у них не было никаких, если бы они сами этого не захотели. И где-то в глубине души возникла малодушная мысль: «А не сбежать ли, пока не поздно?» Может, зря...

В этот момент дверь, которую Роланд заранее открыл, съехала вбок. По ту сторону стояли трое. Ната видела своих похитителей лишь однажды и почти не помнила лиц. Они это или другие люди? В тот раз было двое, сейчас трое... Но едва один из них заговорил, Натали тут же узнала этот хриплый голос, этот резкий тон.

— Ну, привет, цыпленьш, — сказала тот, кого она мысленно называла «Наблюдающим». — Долго же ты бегала от нас.

— Вы бы меня не поймали! Я сама решила сдаться! — ответила она, смело глядя в глаза этому человеку, впервые, кажется, разглядев его лицо.

Лицо, как лицо. Ничем не примечательное, какое-то помятое, словно выцветшее. Нельзя сказать, что какая-то черта его выдавала бы характер, наоборот, она было настолько обычное, что увидь его Ната случайно в толпе, в следующую минуту ни за что бы не смогла описать. И эти двое, стоящие чуть позади, такие же серые личности. «Серые личности», — мысленно повторила она, удивившись тому, как это описание точно подходит им.

«Наблюдающий» вдруг поднял руки и обезоруживающе, криво как-то улыбнулся. Он смотрел не на Нату, а мимо ее плеча.

— Ну-ну, — сказал он. — Наш бравый вояка. Ты ведь не хочешь меня убить. Я пришел договориться. Вы сами хотели этой встречи, так ведь?

Натали обернулась и увидела, что Роланд направил на гостя продолговатый предмет, напоминающий трубку. Предмет выглядел неопасно, но Ната видела, что «Наблюдающий» явно нервничает.

— Я не убью тебя, — спокойно ответил Ройл. — Мощность минимальная. Но обезвредить тебя и этих двоих смогу за пару секунд, если мне не понравится то, что ты скажешь. Мы снова уйдем, и больше вы нас не найдете. Зачем вам девочка?

«Наблюдающий» облизнул губы, снова улыбнулся, но улыбка эта больше напоминала судорогу.

— Да ничего ей не грозит, если ты об этом.

Ройл качнул головой, ответ его не устраивал.

— Ну, солдатик, не нервничай. Мы пришли без оружия, а ты нас так встречаешь. Не хорошо, не красиво...

Ройл приподнял бровь и по всей длине трубки, которую он держал в руке, пробежали алые всполохи, которые, впрочем, погасли почти в ту же секунду.

— Последнее предупреждение.

«Наблюдающий» явно был поставлен перед трудным выбором, он даже как-то осунулся и побледнел на глазах.

— Не могу сказать, солдатик. Не могу. Хоть режь меня на куски, — ответил он, кривляясь, но даже Ната видела, что действительно не может. Видно, разглашение этой тайны сулило ему гораздо большие неприятности, чем угрозы Роланда.

— Но! — он приподнял палец, словно призывая его в свидетели. — Мы может стать друзьями, да, солдатик? Вам тоже бегать надоело, я ведь вижу. И... Кое-что знаю... Мы нужны цыпленьшу, цыпленьш нужен нам. Почему не заключить сделку?

Ната вздрогнула. Конечно, они с Ройлом давно догадывались, что похитителям известно о ней что-то очень важное, но теперь она услышала подтверждение этому и испугалась.

— Сделка на наших условиях, — сказал Роланд. — Я остаюсь с Натали, и мы не ограничены в передвижениях. И... вы поможете ей разобраться с проблемой.

— Я буду рад видеть тебя в команде, солдатик. Сам хотел предложить. Козывка будет выполнять для нас кое-какие несложные задания. Выполняет задание и гуляет-отдыхает. И с маленькой ее проблемой мы разберемся, не бойсь. Ну как? Отличная ведь сделка. Всех устраивает?

«Слишком все просто», — подумала Ната, ее терзали смутные сомнения, но

подкопаться вроде было не к чему. Да и положение у нее почти безвыходное, надо соглашаться. Они переглянулись с Ройлом и тот кивнул, опуская оружие.

«Наблюдающий» потер ладони, он явно был рад такому повороту событий.

— Чудненько — славненько. Летите за нами.

Похоже, они действительно понимали, что Ната оказалась в безвыходном положении. Настолько, что нисколько не опасались больше ее бегства. Неприятно было чувствовать себя зверушкой на коротком поводке, но немного радовал тот факт, что возвращалась она на своих условиях. Не пленницей.

«Наблюдающий» и двое других сели в свою машину, тот самый серый невзрачный автомобиль. «Серый автомобиль для серых личностей», — мелькнула невольная мысль. А они с Ройлом сели в кайю и через секунду поднялись в воздух, устремляясь следом. Оба молчали, не о чем было говорить. Ната только чувствовала, как бешено колотится ее сердце. Косые струи дождя били по ветровому стеклу, стекло запотело и почти не пропускало свет. И, хотя в салоне было не холодно, Ната чувствовала, что дрожит. Ройл все так же, не говоря ни слова, на мгновение выпустил руль и сжал ее ладонь, словно пытался сказать: «Прорвемся!»

Оставили машины на площадке на крыше дома. Ната только сейчас заметила, что здание заброшенное — пыль, грязь, темнота. В прошлый раз она этого не поняла, не увидела, слишком взволнована и растеряна была. Обычно заброшенные, вышедшие из эксплуатации строения довольно скоро демонтировали, но пока этого не произошло, комнаты занимали преступники, наркоманы, бездомные — все те, кому надо было затеряться и обрести временное пристанище. Так вот, где Натали теперь предстояло жить... Хотя, после всех метаний по уровням города, после ночевки в самых неожиданных местах, после недели суррогатной еды, она даже рада была обрести дом. Эта мысль так поразила Натали, что она на секунду застыла неподвижно — пришлось Ройлу взять ее за руку и вести за собой. Он истолковал ее нерешительность как страх и снова сжал руку: «Я рядом».

Они долго спускались в темноте по полуразрушенным лестницам — лифты уже давно не работали, и Нате уже стало казаться, что это сон, наваждение, и они будут теперь идти вечно, спускаясь все ниже и ниже. Но Наблюдающий, показывающий дорогу, вдруг остановился. В стене открылся проем, заполненный тусклым светом. Ната почувствовала легкий запах плесени и старых стен, и тут же узнала его — она вернулась туда, куда надеялась никогда больше уже не возвращаться.

Они миновали длинный коридор, уже знакомый Натали и оказались в столовой, в той самой, где неделю назад началась у Наты новая жизнь. Наблюдающий один теперь вел их за собой, двое других свернули в комнату, поняв, что удерживать силой никого не придется.

В столовой проходил завтрак. Ната встала у входа, щурясь от света, который после темноты лестниц и коридоров, показался ей стишком ярким. Кроме того, она испытывала сильнейшее дежавю: все эти парни и девушки, сидящие на лавках вокруг стола, запах еды... Она словно не уходила... А вот и Умница спешит навстречу на трясущихся ногах, силиконовая физиономия расплывается в улыбке. И все глаза обращены на нее. Взгляд скользнул по лицам, она увидела Жаклин, приподнявшей кончики губ в иронической усмешке. А вот Айвон, смотрит зло и угрюмо... Как хорошо, что Ройл рядом с ней.

— А вот и наша девочка, — приветливо воскликнул Умница. Кажется, он единственный был искренне рад возвращению Натали, но она не обманывала себя — радость Умницы заложена программой. А вот взгляды людей за столом говорили яснее слов.

— Покорми их, — коротко бросил Наблюдающий, потом повернулся к Нате и Роланду. — На объяснялки времени сейчас нет. У нас и так весь график из-за вас сбился.

— График? — в недоумении прошептала Ната, подумав про себя, что тут у них, похоже, все серьезно организовано.

— График, — Наблюдающий передразнил ее удивленный тон. — Работа не ждет, цыпленьш. Заставила за собой побегать, время потеряно, а ты пока совсем не готова к выполнению заданий!

Он явно злился, но присутствие Роланда заставляло сдерживать эмоции.

— Как насчет... проблемы Натали? — напомнил Ройл.

Но мужчина только отмахнулся.

— Всеу свое время.

Он ушел было за дверь, но потом, словно вспомнив о чем-то, вернулся. Протянул Ройлу руку.

— Зови меня Понтий, партнер. И не смотри ты волком. У нас всех впереди долгий путь, лучше будет, если мы пойдем по нему бок о бок, не опасаясь ножа в спину. Так ведь, вояка?

Ройл пожал протянутую ладонь, на лице застыло выражение брезгливости.

— Зови меня Роланд. Хотя, уверен, ты и так знал мое имя.

Сидящие за столом потеснились, давая место Натали и ее спутнику, перед ними поставили тарелки с дымящейся кашей, бумажные стаканчики с горячим напитком. Ната уставилась в тарелку, стараясь избегать направленных на нее взглядов, хотя теперь, когда Понтий покинул столовую, ничто уже не сдерживало молодых людей. Пока они говорили шепотом, но до девушки долетали обрывки фраз.

— Добегалась... Я знал, что она вернется... Да, недолго музыка играла... А этот черненький, такой симпатичный, кто он?

Ната косо взглянула на Ройла, который не мог не слышать всего этого. Тот улыбался кончиками губ, но в беседу вступать не торопился.

— Эй, Натали, — окликнул ее знакомый голос. И Ната, еще не видя говорившего, узнала его — Айвон. Она чувствовала злость в его голосе. Ну что, не бегать же теперь от него. Натали подняла голову и смело посмотрела ему в глаза.

— Чего тебе?

— Посмотри, как я могу!

Он соединил ладони и медленно-медленно развел их в стороны. Между ладонями его словно протянулось серое марево, словно обрывок тумана, невесть каким образом сгустившийся в воздухе. Айвон, все тот же худой подросток, бледный и невзрачный, вдруг на секунду преобразился, сквозь его кожу проступили темные пятна, глаза тоже потемнели и словно светились тусклым огнем. Ната неосознанно отпрянула, прижалась к Ройлу. Но судя по лицам других молодых людей они не были ни шокированы, ни удивлены. Айвон меж тем продолжал: одной рукой, с пальцев которой свисали клочки тумана, похожие на паутину, коснулся тарелки с остатками каши. И каша почернела, высохла, мгновением спустя рассыпалась пылью. Парень резко хлопнул ладонями и наваждение развеялось: его руки вновь были обычными руками, кожа бледной, глаза светло-голубыми.

— Страшно, а? — спросил он, наблюдая замешательство и страх Натали. Он торжествовал.

Похоже, напугать ему удалось только Нату. Роланд не был испуган, но был сосредоточен. А вот все остальные, кажется, наблюдали нечто похожее уже не в первый раз.

Кто-то смеялся, глядя на девушку, а кто-то даже не прекратил завтракать.

— Хиляк, я бы на твоём месте поостереглась, — это Жаклин вступила в беседу. — Ты ведь не знаешь, чем нас удивит Натали. Почему-то мне кажется, что она переплюнет нас всех. Да, Ната?

Ната пожала плечами и одновременно покачала головой. Это все, на что она была способна сейчас. Она чувствовала, что Роланд обнял её одной рукой, и рука эта напряжена. А другую он держит на столе, едва касаясь столовых приборов. И на этот раз вилка не пластиковая: вполне может превратиться в грозное оружие.

Обстановку разрядил Умница.

— Так, так, ребята, хватит баловаться. Доедайте и принимайтесь за дела.

И вдруг мгновенно изменившимся голосом, хриплым, раздраженным, голосом, который принадлежал Понтию, добавил:

— Ешь, цыплёныш. Тебе понадобятся силы. Я вернусь через минуту, и мы поговорим.

Часть одиннадцатая

Столовая опустела, а Ната все продолжала сидеть словно в забытии, прижавшись к Ройлу. Признаться откровенно, ей не хотелось ничего слышать и ни о чем говорить, особенно с этим инфернальным типом. Но, похоже, выхода у нее все равно не было.

Он не заставил себя ждать, вошел стремительно, с грохотом отодвинул лавку, сел напротив, скрестив руки на груди. Нате показалось, что он переигрывает, изображая бурную деятельность, но с такими неадекватными типами лучше быть настороже, и Ната решила подыграть, изобразив заинтересованность.

Но Понтий не начинал разговор. Он молчал и разглядывал Нату так откровенно и пристально, что Ройл не выдержал первым.

— Ты хотел поговорить? — напомнил он.

— Вот, решаю, с чего начать. Ладно. Сделаем проще, не станем травмировать нежную психику этого цветочка. Маленькими шажками, да, цыпленьш?

— Да... — прошептала Ната, охваченная иррациональным ужасом. Если это был хитрый план, чтобы окончательно ее напугать и запутать — он удался.

— Надо начинать сейчас, пока все не вышло из-под контроля. Сыворотка Ашхисса действует отлично, жаль — недолго. Сколько дней прошло с последней?

— Два дня... Полтора...

— Отлично. Значит, время еще есть. Твоя главная задача на сегодня — научиться контролировать. Ну-ка, держи...

Он небрежно вытащил из кармана пиджака ампулу с прозрачной жидкостью, отломил стеклянный кончик, и вылив содержимое на ложку, протянул Нате.

— Выпей.

— Что это?

— Твое первое задание, — он усмехнулся. Ната не могла понять выражения его лица — любопытство, смешанное с какой-то веселой злостью и торжеством. Он явно знал, что последует дальше. Роланд почти перехватил его руку, но Понтий успел убрать ее.

— Э, солдатик. Мы так не договаривались, помнишь? Это нейтрализатор сыворотки. Временный — действует пару часов. Маленькую проблему Натали, а я вижу, ты понимаешь, о чем речь — сможет решить только сама Натали. Так что не мешай мне помочь ей.

Ната как замороженная смотрела на капли жидкости. Нейтрализатор сыворотки профессора Ашхисса. Значит ли это?..

— Я выпью и слечу с катушек? — грустно спросила она, догадавшись.

— Ага, цыпленьш. Весело будет. Но Роланд не даст тебе покалечиться. И никого не даст покалечить. Да, вояка?

Умница, собирал со стола посуду и складывал ее в посудомоечную машину, он, казалось, не обращал ни малейшего внимания на происходящий разговор. Но вдруг встрепенулся и повернулся к Понтию на своих трясущихся ногах.

— Хозяин, еще не все птенцы покинули инкубатор. Я не хочу, чтобы кого-то покалечили. Давайте подождем.

Натали не знала, плакать ей или смеяться. Это они серьезно? Она кого-то покалечит? Своими тоненькими ручками?

— А может ей полезно будет? наших ребят не так легко одолеть... Еще неизвестно, кто

кого... Хм...

Он замолчал под двумя взглядами — тяжелым Роланда и грустным Умницы. Умеют ведь делать программы, подумалось Нате, он словно действительно переживает.

— Ладно. Сообщи, когда мы останемся вдвоем здесь.

За несколько минут молчаливого ожидания, Ната успела накрутить себя чуть ли не до икоты, так ей было страшно. Ройл сжимал ее побелевшие пальцы. Потом Умница сказал:

— Все чисто.

Ната еще подумала, что звучит это из его уст смешно и глупо, будто он пародирует какого-то супергероя, а в следующую секунду уже почувствовала горький вкус капель у себя на языке и услышала голос Понтия.

— Братишка, отойди от нее пока.

— Нет, — ответил Ройл.

А потом...

Сначала почти ничего не происходило, но словно стало легче дышать. Натали почувствовала, как легкие ее наполняются кислородом, и секунду спустя поняла в чем дело: она сидела зажавшись, сгорбившись, но вот распрямила плечи, точно сбросив с них невидимый груз. Страха как не бывало. Мир вокруг вдруг наполнился звенящей ясностью, приобрел яркие краски и четкие контуры. Она замечала каждую трещинку на столе, каждую пылинку, играющую в лучах света. Слышала и различала множество звуков, прежде сливающихся в единый шум — теперь каждый из них звучал отдельно от других: свист ветра за окнами, скрип шарниров Умницы, хриплое дыхание Понтия... Она подняла на него глаза и теперь, глядя без страха, прямо и открыто, могла разглядеть каждую черточку его лица — каждую морщину, каждую пору. Серые волосы, пробивающиеся в русых волосах, так вот еще из-за чего он казался ей серым. Кожа на лице словно припорошена пылью. Стальные глаза следили за ней пристально с интересом... И с испугом?

И кажется именно страх, проступивший на его лице, невидимый никому, кроме Наты, явился тем спусковым механизмом, что привел в действие нечто, что скрывалось внутри нее.

Ей казалось, что она медленно и плавно поднялась из-за стола, удивившись мимолетно, что так безвольно упала рука Роланда, до этой секунды обнимающая ее. Лишь потом, спустя несколько часов она узнала, что на самом деле оказалась на ногах мгновенно, так быстро, что стол отлетел в сторону, отброшенный с невероятной силой. Стол — единственное, что отделяло ее от Понтия, и Нате стало смешно от того, какая незначительная и слабая преграда встала у нее на пути. Она взяла Наблюдающего за руку чуть выше локтя, почти ласково, двумя пальцами и заглянула в глаза — словно нырнула. Ната даже не поняла, почему он разинул рот в крике, скорчился, съехал на один бок, пытаясь выскользнуть из ее пальцев. Она даже не была еще слишком зла, так, огоньки ненависти плескались где-то в глубине, но настоящего пожара еще не было. Хотя иногда они становились ярче и обжигали сильнее, в тот момент, например, как Ната вспомнила мерзкую вонючую руку Понтия на своем лице. И в эту секунду пальцы ее сжались сильнее, что-то хрустнуло под рукой, словно карамельная палочка... Сладкая карамельная палочка... Лицо Понтия исказилось ужасом, он уже даже не кричал — сипел. Кожа стала серая, рыхлая. Он сгибался, почти падал на пол. Мешал Нате: ей надо было смотреть ему в глаза. Она еще не поняла зачем, но чувствовала, что это важно. Чтобы ей было удобнее, она взяла его за другую руку, заставила стоять прямо. Рот Понтия был открыт, по подбородку протянулись ниточки слюны, он больше не кричал. Ната увидела, как слева к ней приближается фигура, медленная, неповоротливая, слабая...

Умница. Имя пришло в ее память, словно из дальнего далека. Забытое, стертое, точно прошла тысяча лет с их последней встречи. Она, не отвлекаясь от главного дела, толкнула в сторону Умницы скамью, и та, с большой силой, ударившись об него, свалила андроида на пол. Слабые ноги Умницы сыграли Натали на руку. И тут сквозь параллельные ряды звуков (Ната не знала, как еще лучше описать то, что она слышала сейчас, ведь звуки шли не пересекаясь, словно отдельные дорожки трека) она услышала голос.

— Натали, девочка, отпусти его... Ты имеешь право, но он уже получил сполна...

Роланд... Почему она так хорошо помнит его имя? Ната, настоящая Ната, та, что пряталась сейчас в звенящей пропасти, полной искр, огня и ярости, на секунду открыла глаза. И пальцы, сжимающие руки Понтия, сдавливающие плоть до кости, на мгновение разжались. Но только на мгновение...

Буря снова поглотила ее.

Заглянуть в глаза — это было единственное важное и значимое сейчас. И Понтий, устав бороться, тоже, наконец, взглянул на нее. Ната видела радужку, светло-серую, сейчас помутневшую и выцветшую от боли. Потом погрузилась глубже — в черноту и тишину зрачка — колодца. И вот она уже летит одна в темноте, то ли падает, то ли парит. Постепенно вокруг нее начинают пролетать крошечные звезды, похожие на пушистые клубки лучей. Она взяла одну из них в ладони и увидела внутри себя маленького мальчика с русыми волосами, стоящего на краю обрыва и смотрящего вверх. Странное место — словно гигантский бесконечный парк, но он находится не на платформе, парящей в небе. Этот парк на самой поверхности. Обрыв над рекой, темные воды ее отражают звезды... Что это за планета? Мальчик обернулся и посмотрел на Натали.

Она выбросила клубок — звезду, словно обожглась, но звезда уже почернела, погасла и развеялась пеплом, едва Ната выпустила ее из рук. Натали догадалась, что причиняет сейчас мальчику почти невыносимую боль. А он так мал и беззащитен...

И все же — нет, он не достоин ее сожалений.

Ната летела дальше, и звезд, окружающих ее, становилось все больше. От ее прикосновений они гасли и осыпались, как прогоревшие дотла угольки. Мальчик, юноша, взрослый мужчина. Дома, планеты, корабли. Люди, люди, люди, люди... И вдруг, что это? Ната увидела молодое, но такое знакомое лицо. Она бы ни за что не перепутала эти густые брови, эти жесткую линию губ, а глаза были еще более насыщенного синего цвета, чем она запомнила. Отец...

— Я даже на это согласен. За одну только возможность увидеть ее — я готов на все, — сказал он.

О чем он? Ната вся обратилась в слух, пытаясь запомнить каждое слово. Понтий, который выглядел гораздо моложе себя нынешнего, произнес несколько слов. Но Ната почти не различила их, потому что в эту секунду ее будто на скоростном лифте подбросило вверх.

— Не забывайте... Придет время... Отдать долг... — все, что она успела расслышать.

Ната увидела над собой потолок. Реальный потолок реального мира. Покрытый разводами, пятнами плесени. Ее словно вырвали из глубокого сна, когда какое-то время не можешь понять, где ты и что происходит. Но Натали пребывала в растерянности не больше секунды, сориентировавшись в пространстве. Вон Умница барахтается на полу — неужели так до сих пор и не поднялся? Краем глаза увидела Понтия — этот без движения и, судя по всему, без сознания. Чьи же руки сжимают ее так сильно? Ната знала, однако, что без труда разорвет эту хватку, но при этом сломает, искалечит их. А она... Вот так сюрприз! Вовсе не

хотела сделать ему больно!

Роланду...

Он лежал на полу, прижимая к себе замершую Натали. Видимо, не удержался на ногах, отрывая ее от Понтия. Шептал ей в ухо какие-то слова, смысл которых Натали пока не могла осознать. Но эти слова оставляли от себя ощущение чего-то мягкого, пушистого и теплого, словно пух, укрывали и согревали ее. «...ше... фа... шо...»

А потом проступили, наполнялись ясностью.

— Тише, тише, моя девочка. Все хорошо, все хорошо...

Понтий зашевелился, привстал. Лицо его было измазано кровью, которая текла из носа. Он пополз вперед, в сторону Ройла и Наты, волоча за собой левую руку. Правой неловко вынул из кармана еще одну ампулу, с зеленоватой жидкостью. Морщась, откусил прозрачный стеклянный кончик, порезав при этом губу. Видно было, что он торопится и боится не успеть. Но Ната лежала послушно, изо всех сил сдерживая волны ярости, струящиеся в ней. Понтий влил противоядие в ее приоткрытые губы.

— Сурово... — пробормотал он. — А что же будет через неделю...

Натали проглотила горькую жидкость, отдающую металлом, в ушах зазвенело, словно голова ее была колокол. Звон этот становился все сильнее, и в конце концов оглушил ее: девушка провалилась в темноту, перестав мыслить и чувствовать.

Когда очнулась, то обнаружила, что голова ее лежит на коленях Ройла. Они все еще в столовой, Роланд переложил ее на скамью, и ждал, пока она придет в себя.

Умница неторопливо собирал с пола смятые пластиковые тарелки и бумажные стаканчики, которые рассыпались в тот момент, когда Ната толкнула стол. Натали порадовалась тому, что со стареньким андроидом все хорошо, и сама удивилась себе: оказывается, она тоже способна на сочувствие и жалость.

Ройл заметил, что она открыла глаза, положил руку ей на лоб, что рассмешило Нату, не смотря на всю растерянность.

— Температуру проверяешь, доктор? И как? Остываю или, наоборот, нагреваюсь?

— Шутим? Это хорошо! — раздался знакомый резкий голос, сейчас, правда, он звучал немного ошарашенно.

Ната скосила глаза вправо, и увидела Понтия. И опять на секунду обрадовалась тому, что он крепко стоит на ногах. Правда, он сразу опустился на скамейку, сел напротив Наты. Он до сих пор был бледен до синевы, а левая рука залита синим пластиком, зафиксировавшем ее в одном положении. Все же сломала... Надо же... Значит, этот хруст, который она слышала... Нату замутило.

— Не думала, что все пойдет так далеко... Не хотела ломать тебе руку... Но ты сам виноват!

На этих словах Ройл улыбнулся и даже не пытался скрыть своей улыбки, но промолчал.

— Самонадеянность — главный враг бойца. Да, Роланд? — Понтий увидел его улыбку, но истолковал неправильно. — Ну, что же, Ната. Твои способности превзошли все мои ожидания. Можешь рассказать подробнее, что ты запомнила? Что ты чувствовала, видела, слышала в те минуты?

— Минуты? — Нате казалось, что прошли часы.

Она села, поддерживая Ройлом и, поразмыслив секунду о том, стоит ли быть полностью откровенной и решив, что — да, начала рассказывать.

— Я видела своего отца, — сказала Ната, когда рассказ добрался до этого места.

Собственно, ради этого она и начала рассказывать. — Моего отца в твоих воспоминаниях. Ведь эти пушистые звездочки — воспоминания? Откуда ты его знаешь? О чем вы договорились?

Понтий, кажется, был неприятно удивлен тем, что Нате удалось влезть ему в голову. Когда она рассказала о русоволосом мальчике, стоящем на берегу неизвестной реки — он нахмурился. Потом, когда кратко описала картинку, возникшие перед ее глазами, когда она касалась «звезд», сжал губы и словно погрузился в себя. Теперь же, когда Ната упомянула встречу с отцом, скорее выглядел растерянным и ошеломленным.

— Жуткая ты, девчонка, цыпленьш... Ты видела то, что было на самом деле. Моя родная планета, я ее сразу узнал. И остальное — тоже правда... Ерунда в том, что я теперь ничего этого не помню. Все, чего ты коснулась, стерлось. Вот засада... И разговор с твоим отцом тоже, само собой.

— Ты врешь!! — крикнула она.

Какое разочарование... Но все же Ната понимала — это правда.

— Но... но... Ты ведь все равно знаешь, о чем вы говорили. Да? Не тот разговор, так другой. Это была не первая встреча.

Понтий посмотрел на нее изучающе. «Поняла?» — читалось в его взгляде. К счастью, он не обладал способностью Наты проникать в мысли.

— Ничего не помню, — сказал он. И Нате немедленно захотелось его задушить, встряхнуть признание... Но, увы, сейчас ее сила была ей неподвластна.

— На сегодня хватит, — сказал он. — Отдыхай. Ройл, следи только, чтобы она никого не убила. Зверский цыпленьш. Завтра продолжим.

— Завтра... — у Наты упало сердце. — А если... Не получится меня удержать?

— Получится, — он усмехнулся. — Теперь я знаю твое слабое место.

И не объясняя больше ничего, он поднялся, давай понять, что разговор окончен.

Ната посмотрела на Роланда.

— Ройл, я чудовище? Да? Что со мной такое?

— Не знаю, — честно ответил он, и, помолчав, добавил, — но, если бы в бою мою спину прикрывал такой боец, как ты, возможно, мои ноги все еще были при мне.

— Вдохновляет... — вздохнула Ната, не зная, как отнестись к этому странному комплименту.

Слухи о ее невероятных способностях разошлись в тот же вечер. Ната не понимала, как они все узнали — неужели Умница проболтался? — но ловила на себе восхищенные взгляды парней и девушек. Восхищенные и немного испуганные: наверное, каждый из них подсчитывал свои шансы выстоять против Натали, если возникнет такая необходимость. Даже Айвон как-то сник, тем более, выяснилось, что его сила превращать в прах органические вещества пока не зашла дальше экспериментов на еде. Об этом рассказала Жаклин, которая за вечерней трапезой подседа ближе к Нате, желая навести мосты. И Натали вновь ощутила почти забытое чувство — она в центре внимания, кто-то смотрит издалека, не решаясь подойти, кто-то набирается смелости и ищет повод для знакомства. Ведь связь с Натали Флин сулит определенные выгоды. Ната мысленно усмехнулась: «Вот как все повернулось...» Если раньше знакомство с ней могло обеспечить покровительство отца, то теперь, вероятно, дружеская связь гарантирует нечто большее — жизнь.

В тот же день, Натали узнала, что каждый из присутствующих здесь обладает особой способностью. И это было очень-очень странно. Самое странное, что с ней происходило в

жизни. Все молодые люди до определенного дня жили в родных семьях, достаточно обеспеченных, но это все, что их объединяло. Ната не могла уловить никакой связи между ними. Но, видно, связь все же была, иначе бы они не оказались здесь. А потом их похищали, привозили сюда и заставляли выполнять непонятные задания, совершенно бестолковые, не связанные между собой. Никто не понимал в чем дело, но после первых попыток сбежать, связаться с родными, понимали, что семьи от них отказались. В новостных лентах рано или поздно появлялись некрологи о безвременно погибших юных, подающих надежды молодых людях. И они смирялись со своей участью, ведь теперь это был единственный дом, где их ждали. Почти все прошли через то, через что прошла Натали: страх, побег, надежда, разочарование, отчаяние... Они принимали свою судьбу, как в конце концов приняла ее она. И в тот день, когда Ната появилась здесь впервые, они, смотревшие на нее, видели в ней себя и знали, точно знали, что будет дальше. Натали была последней, кто появился в логове. Понтий называл это место «инкубатором», но девушка мысленно звала логовом — более подходящее слово для мрачной квартирки.

Теперь их было семь девушек и семь парней. Вечером, после ужина, Понтий лично представил Натали каждому, сопровождая знакомство шутливой характеристикой.

— Это Хиляк, вы с ним уже знакомы. Хиляк совсем недавно открыл в себе способность превращать кашу в кашу... Хм... Ну, извини, Айвон. Тебе надо больше тренироваться. Как прошли занятия в парке? Удалось умертвить хоть один цветочек? Нет? Плохо... Так, Жаклин, радость моя, ты уже тоже знакома с Натой. Ты ей уже рассказала?.. Удивительно, а о чем же вы трещали все время, пока ели? Ната, наша Жаклин нагревает температуру окружающей среды. Вот такая горячая штучка! Ну, не хмурься, лапочка, это ведь правда. Нагревает пока не слишком успешно, градусов на десять, но усердно работает над тем, чтобы разжечь пожар. Разожги пламя, детка!

Последние слова он пропел, видно, это были строчки из какой-то песни. Древней и непопулярной, потому что Ната ее не знала. Он пошел дальше, оставив позади хмурого Айвона и Жаклин, которая стояла, закусив губу.

Понтий продолжал называть имена, но Ната скоро запуталась, кого как зовут, и кто каким даром обладает. Но не переставала удивляться многообразию способностей тех, кто оказался с ней в одной команде. Пухлый мальчик, выглядевший очень юно, — Петер, кажется, — в противовес Жаклин, наоборот, умел температуру снижать. Вот ни за что не сказать, по его внешнему виду.

Двойняшки Кит и Атлана, взявшись за руки, вызывали вибрации, заставляя дрожать поверхность на которой стояли, что они и продемонстрировали немедленно, очевидно, гордясь своей способностью. Но землетрясение вышло такое слабое, что на ногах не смог удержаться только Умница, его слабые колени подогнулись и он рухнул на пол. Все тут же бросились его поднимать, а на Кита с Атланой наорали, чтобы они оттачивали свое мастерство где-нибудь в другом месте.

Кто-то из девушек, Ната не запомнила ее имя, хлопком в ладони, погружала мир в темноту. Электричество само собой отключалось, и словно из ничего сгущалась тень, точно темное облако заполняло пространство. Работала ее способность, к сожалению, только в закрытом помещении и желательно без окон. Солнечный свет, даже слабый, она одолеть не могла.

А один из парней, альбинос с соответствующим именем — Альберт, умел гасить звуки, погружая мир в тишину. Он тоже показал свою способность, и Нате на секунду показалось,

что ей на голову одели толстую шапку, а в уши напихали ваты — неприятное ощущение.

Еще один темнокожий парень, с темным цветом кожи, Ната не запомнила точно, но вроде бы его звали Гладис, обладал даром противоположным дару Айвона, то есть, по идее, умел возвращать жизнь и энергию, но пока его способность проявлялась в том, что он заставлял наполниться свежестью уже увядшие бутоны. Гладис и Айвон сегодня работали в парке на пару — Айвон должен был цветы морить, а Гладис — оживлять. Кажется, у обоих дело шло пока туго. Понтий мягко пожурил Гладиса за то, что тот, работай он усерднее, смог бы срастить ему руку, а так пришлось обращаться за помощью к проходимцам в синих халатах — то есть к медикам. Видно, Понтий медиков не жаловал...

У других были не столь впечатляющие способности. Двое парнишек и одна девушка обладали телекинезом. Еще две светленьких, худеньких девушек, которые были похожи, как сестры, умели пением отключать волю. Застигнутые песней люди становились вялыми, сонными, выполняли то, что от них требовали. В команде их обеих называли Сиренами, и даже, кажется, не помнили настоящих имен. По мнению Натали, неплохо было бы им поработать над своими вокальными данными. А то бедные жертвы не только волю теряют, но и слух. Понтий, когда они на два голоса, исполняли что-то пронзительно-проникновенное, тоже скривился, словно выпил уксуса и махнул рукой, давая понять, что концерт окончен.

— Молодцы, девочки, но не надо так стараться брать верхние ноты.

И наконец пришла очередь Натали быть представленной, хотя все и так уже знали о событиях сегодняшнего дня.

— Наша новенькая — Натали. Прошу любить и жаловать. Но не жаловаться. У нас есть пять дней, а потом она нас всех убьет. Ха-ха. Ладно, не пугайтесь. Вот — это Роланд, он будет защищать нас от Наты и погибнет в неравном бою, если надо. Да, вояка?

Ройл, который все это время стоял рядом с Натой и так же как она немного ошалел от обрушившейся на него информации, только кивнул в ответ. Потом, кажется, понял, что ему сейчас сказал Понтий и уже отрицательно покачал головой:

— Буду защищать Нату от вас.

— О, как! Верен до конца. Но сегодня ты меня все же спас, за что тебе спасибо большое и пирожок — выбирай комнату, в которой будешь жить — у нас их много свободных. А теперь... (он взглянул на браслет, надетый на руку) немного свободного времени перед сном. Отдыхайте и набирайтесь сил, цыплята мои.

Часть двенадцатая

Комнат действительно было много, хотя все находились в таком запущенном состоянии, что какую ни выберешь — не ошибешься: запах плесени, пыль и мутные разводы на стенах будут бесплатным приложением.

Ройл выбрал комнату, которая дверь в дверь смотрела на комнату Натали. Кинул рюкзак у стены — можно считать заселился. Морда, которая с самого утра, осваивала новую территорию, была поставлена в известность о том, куда ей нужно приходиться спать. Ройл посадил ее на кровать и почесал щечки, отчего та зажмурилась и уселась было подремать, поджав лапки, но потом, видно, вспомнила, что у нее есть еще незаконченные дела в виде остатков ужина в специально отведенной ей тарелочке на кухне — Умница постарался — и решительно удалилась, гордо подняв хвост. Кажется, она отлично чувствовала себя здесь. В отличие от Наты, которой было очень не по себе.

— Даже спать не хочу ложиться, — пожаловалась она Ройлу, присаживаясь на нагретое Мордой место. — Завтра опять это все... не хочу...

— Мы справимся... — сказал Роланд, но продолжить ему помешал стук в дверь.

Айвон заглянул и застыл на пороге.

— Ну, чего тебе? — нахмурилась Ната. — Пугать меня пришел? Да я тебя сама напугаю. Хочешь?

Парень бочком втиснулся в небольшую комнату. Выглядел он виновато.

— Ната, давай уже мириться. Мы одна команда... Наверное... Хотя понятия не имею, зачем нас здесь всех собрали...

Кажется, говорил он искренне, да и наживать врага в ближайшем окружении Натали не хотелось.

— Ладно уж, — смилостивилась она. — Заходи, присаживайся что ли...

Ройл, в чьей комнате она распоряжалась, только бровь приподнял, но возражать не стал. Айвон присел на краешек стула. Но оказалось, что он не единственный гость за этот вечер. Через пару секунд в дверь постучали близняшки, получили приглашение зайти и втиснулись на кровать рядом с Натой. Альберт и Гладис заявили и вовсе без стука, объяснив этот тем, что раз остальных впустили, то их тоже должны. Сели прямо на пол, прислонясь к стене.

Ройл молча встал и открыл дверь. Как он и предполагал — остальные ребята стояли в коридоре, но были не настолько смелыми, чтобы зайти. В конце концов крошечная комнатка Ройла была набита под завязку. Самому ему места не досталось, поэтому он стоял, подпирая косяк.

— Понтия ждать? — иронично осведомился он.

— Не, — покачала головой светленькая девочка, одна из Сирен. — Он уже ушел. Он в другом месте ночует.

В переполненную комнату хотел было сунуться Умница, но дверь закрыли у него перед носом.

— Ничего личного, — крикнул Петер, прислоняясь губами к дверной щели. — Мы не от тебя запираемся, а сам знаешь от кого.

— Не шалите там, — ответил Умница и удалился, шаркая, по коридору.

На секунду повисла тишина, пока первым не заговорил Роланд:

— Ладно, раз вы все здесь. Кто-нибудь знает, что происходит?

Молодые люди переглянулись, ответил за всех Гладис:

— Фигня какая-то происходит. Я здесь дольше всех — месяц. Днями напролет пытаюсь оживлять цветочки. Никому ничего не объясняют, дают какие-то нелепые задания.

— Да вот... Согласна. Я сегодня должна была весь день стоять в парке и смотреть на солнце. Вся прожарилась насквозь. Вот зачем?

— А ты?..

— Мирта, — подсказала девушка. — Та самая, что гасит свет. Но едва ли день прожарки на солнце поможет мне его погасить. Иногда я думаю, что мы угодили к безумцам. И... сами уже безумны.

— А мы с Гладисом как два ботаника с цветочками обнимаемся, — вставил возмущенную реплику Айвон. Так разволновался, что едва не слетел со стула, краешек которого занял. Его подхватили, усадили назад.

— А мы с Майком в магазине должны были стащить две шоколадки, — сообщил парнишка со светлыми кудрявыми волосами. Насколько помнила Натали, он был один из тех, кто обладал телекинезом. — Бред ведь...

— У вас ведь обоих этот... телекинез? — уточнила Ната.

— Ну да...

И все заговорили почти одновременно, вспоминая нелепые и глупые задания, которые они успели выполнить за это время.

— Но все же, — сказал молчавший до этого момента Ройл, — если я правильно понял, задания не так нелепы, какими кажутся на первый взгляд. Иногда очевидно, иногда не так явно, но все они тренируют ваши способности.

— Но зачем? — подала голос Ната, свои способности она тренировать совсем не хотела.

— Вот... Это главный вопрос, — согласился с ней Ройл.

Все молчали, задумавшись.

— Цель у них определенно есть. И, думаю, рано или поздно все станет ясно. А пока будем держаться вместе. Вы вовсе не обязаны слушаться, если «задания» будут угрожать вашей жизни, или жизни других людей.

— А если накажут? — робко напомнила Мирта.

— Разберемся, — сказал Ройл. И так это сказал, что всем присутствующим в комнате стало понятно — наказаний больше не будет.

— Ты защитишь нас? — доверчиво спросила одна из Серен, такая хрупкая и бледная, что, казалось, просвечивала насквозь.

Нату это покорило. Роланд — ее телохранитель, он будет защищать ее, а этих... Ну, по мере возможности.

— Давайте уже спать, — хмуро сказала она. — Надоели.

— А ты тут не командуй! — разозлилась Жаклин. И все готовы были согласиться с ней, но беда в том, что девушка, рассердившись, так накалила воздух в тесной маленькой комнатухе, что волей — неволей пришлось расходиться.

Ната тоже пошла. Долго сидела на кровати не в силах заставить себя откинуть грубое покрывало и лечь спать. Застоявшийся воздух комнаты застревал в горле, стены давили. Еще ни разу со времени похищения она не чувствовала себя так одиноко и потерянно. Мысль о том, что завтра все повторится и быть, может, кто-то пострадает сильнее, тоже не давала успокоиться. Натали довела себя до того, что почти начала задыхаться от страха и волнения. Нет, так она едва ли сможет уснуть.

Она вышла в коридор, чтобы поискать Морду и утащить ее к себе, обнять мягкое пушистое тельце. Но сколько Ната ни звала, хитрая кошка не появлялась.

Дверь в комнату Ройла была приоткрыта. «Ничего страшного, если я зайду на минуту, просто пожелать спокойной ночи», — решила она.

Роланд, вот наглец, уже безмятежно спал, по обыкновению вытянувшись по струнке, словно солдат на посту.

«В конце концов, все это время мы ночевали в одной комнате, не будет ничего плохого, если...»

Ната осторожно перебралась через спящего Роланда, втиснулась между ним и стеной. Стена была прохладной и шершавой. Ройл теплым и мягким. Лежать было уютно, хоть и тесновато, она хотела обнять его одной рукой, но не решилась. Закрутилась в одеяло, которое он все равно каждый раз скидывал на пол, уткнулась носом в плечо Ройла и задремала.

Роланд вдруг повернулся на бок, взял ее за подбородок, заставляя посмотреть на себя.

— Чего тебе? — хмуро спросила Ната, недовольная тем, что ее разбудили. — Дай поспать!

— Что ты здесь делаешь?

— Сплю! Не видно? Мне там страшно одной...

Он опустил руку, прерывисто вздохнул.

— Ладно... Спи... Натали?

— Что?

— Нет... Ничего... Спи.

Натали выпутала из одеяла одну руку, нашла его ладонь, сжала. Кожа на ней была загрубевшей, а сама ладонь была горяча.

— Ты хороший, Ройл, — прошептала Ната. — Я тебе днем не скажу, не дождешься. Но сейчас скажу... Спасибо.

Он молчал, кажется, будто и не дышал. Ната не видела глаз, а ей так надо было сейчас увидеть их, понять, о чем он думает. Ната провела рукой по его щеке, убирая спутанные пряди, но темно, и глаз она все равно не видит. Тем более, они черны, как сама ночь. Пальцы коснулись губ, которые он тут же сжал — она ощутила это. Теперь, пока Ната держит ладонь у его рта, он даже не сможет ничего сказать.

Натали, не до конца осознавая, что делает, наклонилась, потянулась к его губам, но по пути растеряла уверенность и поцеловала в щеку. Правда, промазала немного и поцелуй пришелся на краешек века: Ната почувствовала, как дрогнули ресницы. Щекотно...

— Только молчи! Молчи, пожалуйста! — взмолилась она, боясь повторения того разговора в автомобиле. — Я знаю все, что ты скажешь. И... Тебе снова почудилось. Это просто сон. Да. Просто сон.

И Натали отвернулась к стене, затаилась, чувствуя себя ужасно глупо. Сердце колотилось отчаянно. Хорошо, что стена была так прохладна, и девушка прижалась к ней разгоряченным лбом.

Ройл тихо сел за ее спиной. Он ни слова не сказал, чему Ната была бесконечно рада, но буквально кончиками нервов чувствовала его замешательство и смятение. То же самое, что сейчас ощущала она сама.

Хорошо, что усталость оказалась сильнее, и сон одолел ее прежде, чем Ната измучила себя угрызениями совести.

На следующий день оба сделали вид, что ничего особенного ночью не произошло. А разве произошло? Ну, сказала Натали: «Спасибо». Поцеловала в щеку в качестве благодарности. Ерунда!

Впереди ждало еще одно испытание, и думать сейчас она могла только об этом. Ната вовсе не хотела покалечить Умницу, или даже Понтия. Не то, чтобы ей было его жалко, но как-то неприятно потом, наверное, будет вспоминать о хрусте костей. А тем более не хотелось причинить вред Ройлу...

Понтий тоже дураком не был. Дождавшись, пока они останутся в квартире одни, он выпроводил из кухни Умницу, сказав, что даже за этого дряхлого робота он платил деньги и испортить его раньше времени совсем не хочет. Потом достал из кармана очередную ампулу и вручил ее Роланду.

— Играй сегодня один, вояка. Я пасс. Буду наблюдать с безопасного расстояния. Не против, цыпленыш? А то рук запасных у меня нет. А Роланду ноги, если что, приделаем назад.

Он хохотнул, думая, вероятно, что это остроумно.

— Я против, — не согласилась Натали, хотя вопрос был риторическим и ответ Понтию был не интересен. — Я вовсе не хочу покалечить Ройла.

— Ну, раз не хочешь — не калечь! — резонно ответил на это их самоназначенный предводитель.

В итоге Ната и Ройл остались один на один. Роланд, не теряя времени, видя, как решительность девушки тает, сломал ампулу.

— Ну, давай, принцессочка...

И в этот раз отчего-то ироническое «принцессочка» прозвучало нежно и мягко. Он откашлялся: сам не ожидал...

— А если я убью тебя? — Ната подняла на него глаза.

Роланд улыбнулся:

— Ну, меня не так легко убить, как тебе кажется!

И Ната проглотила поскорее эту горькую дрянь, зажмурилась, прислушиваясь к ощущениям. Открывать глаза было страшно — вдруг Ройл невольно чем-то ее спровоцирует? А она уже чувствовала приближение жара, и где-то в районе сердца вспыхивали и обжигали искры, звуки распались на отдельные дорожки, а в горле возникла странная жажда. И жутко было от того, что она знала, чем ее утолить...

Натали открыла глаза — Роланд стоял напротив. Бежать он точно не станет, не понимает, глупый, что она его одолеет в два счета. Ната сглотнула — горло словно наждачная бумага.

— Ройл, — тихо и очень осторожно сказала она, изо всех стараясь сдерживать себя и не делать лишний движений. — Ты только не двигайся. Стой и слушай.

Он едва заметно кивнул.

— Роланд, ты мне кажешься сейчас... Извини... Я очень хочу тебя съесть. Сладкий, сладкий Ройл... Такой сладкий и вкусный...

Мозг затуманился... Ната протянула навстречу к нему руки, но тут же, с заметным усилием, опустила их, моргнула.

— Извини... Роланд. Я не знаю, как с этим бороться. Помоги мне, помоги...

В голосе прорывались умоляющие, отчаянные нотки. Сил бороться почти не было.

Она сделала шаг к нему навстречу, взяла за плечи. Хотела обмануть себя, что это жест

заботы. Но нет, это были тиски, чтобы жертва не вырывалась, когда она вцепится в горло...

Огни и искры. Жажда и горечь. На его шее выступает и бьется жилка... Ну же, Роланд, беги, спасайся, пока еще можешь! И тут же осознание — не победит... И если она не справится — никто не поможет.

Ната приподнялась на цыпочки и прижалась губами к его пульсирующей вене. Пока еще губами...

— Беги, беги, Роланд...

Она чувствовала, как по щекам льются слезы. Но жар почти иссушил их. И слезами не загасить разрастающийся огонь...

— А если иначе? — спросил он тихо.

Хорошо, что Натали еще не потеряла способность осознавать речь.

— Что?

— Вчера... Понтий... Вспомни... — он произносил слова аккуратно, давая ей возможность понять.

И Ната вспомнила, о том, как вчера она так же страстно желала заглянуть Понтию в глаза. Ей мало было его тела, ей хотелось сожрать его душу. Роланд думает, что это лучший выход?

— Это тоже больно, — прошептала она. — Это тоже смертельно. Я выпью тебя до дна. Ройл. Кто остановит меня на этот раз?

— Только ты сама, — сказал он.

И ласково взял ее лицо в ладони, заставляя посмотреть в глаза, черные, словно ночное небо. Ната даже вздохнуть не успела, как провалилась в их бездонный колодец.

И как в прошлый раз какое-то время плыла-падала-летела в крошечной тьме. А потом мимо проплыла первая робкая звездочка, пушистый клубок лучей. Ната протянула руку, но тут же одернула ее. «Не трогай!» — приказала она себе, помня, к чему в прошлый раз привели прикосновения.

Звездочек становилось больше, они заполнили собой пространство, и становилось все сложнее не притронуться к ним, хотя бы случайно. К тому же Ната не понимала, как ей вернуться. Роланд вчера с силой оторвал ее от Понтия, а ему сейчас никто не поможет.

А еще Ната с ужасом ощущала, как растет ее жажда. Это была даже не физическая жажда — нечто более мощное. Бороться не было сил.

— Одно маленькое воспоминание, — прошептала она. — Вреда не будет...

Пушинка — звезда словно сама просилась в ладонь, удобно устроилась в ней, от лучей на секунду стало щекотно...

... Она провела рукой по голове, проверяя, тщательно ли сбриты волосы. Любой, даже маленький волосок, может нарушить проводимость, помешать слиянию, и в конечном итоге послужить причиной поражения. Это был не учебный бой.

Впервые после выпуска из Академии.

Она... Роланд... Да, так удобнее было думать. Стать им, отдаться воспоминанию целиком...

Роланд протер ладонью зеркало в душевой кабине, где приводил себя в порядок. Мельком взглянул на отражение. Вид его белой, гладкой, словно шар, головы несколько его не смущал. За годы обучения он и забыл, кажется, какого цвета его волосы. Должно быть черные, как глаза. Да... Сестра ведь не зря называла его Угольком. Роланд улыбнулся, вспомнив Лессу.

Потом натянул на голову тонкий резиновый шлем, тщательно разгладил, стараясь, чтоб он как можно плотнее прилегал к коже. Покрытие вспыхнуло зелеными точками — проводниками. Чуть позже, когда он сядет в челнок, наденет циребрум, его нейросигналы будут поступать в мозг именно через эти точки. К паре глаз добавятся внешние окуляры, сознание расширится, и к пяти человеческим органам чувств присоединятся такие, например, как чувство скорости, возможность ощущать тепловые объекты на расстоянии многих километров, и другие, о которых Роланд помнил смутно, едва только снимал циребрум.

Сигнал тревоги прозвучал внезапно. Хотя Ройл, конечно, знал, был предупрежден заранее о боевом вылете, но все равно был застигнут врасплох. Едва не поскользнулся на мокром полу, торопливо стал натягивать прорезиненный комбинезон на еще влажное тело. По технике безопасности он должен был как следует высохнуть под струей горячего воздуха, но времени на это нет.

Вылетел из ячейки, едва не свалив с ног новобранца, ожидающего своей очереди. Пол под ногами ходил ходуном, Ройл сначала было подумал, что корабли противника пробили оборону, атаковав «Силу и Мощь», что его первый боевой вылет так и не состоится, и он бесславно и бестолково погибнет на борту крейсера, так и не применив на практике ничего из того, что изучил в теории. Но секунду спустя понял: волнение подвело — голова закружилась, и поэтому он едва удержался на ногах. Стыдно. Хорошо еще, что никто не заметил.

Надкостный чип противно затрещал, выдавая прямо в мозг Ройла серию помех, сквозь которые прорывался далекий, смазанный голос. Роланд ненавидел этот чип — отключить его невозможно, заглушить тоже. Сигнал чип ловил даже сквозь метровые слои обшивки из силениума.

— Пестрый батальон, код 2-4-2. Минутная готовность. Повторяю, минутная готовность.

2-4-2 Боевой вылет. Задание загружено в матричную память челнока, и едва Роланд наденет циребрум, он будет знать, что его ждет. Если не опоздает... Пятиминутное опоздание приравнивается к дезертирству.

Он выругался: пока сержант не слышит — можно, и устремился к ангару по запрещенному, но куда более короткому пути. Через технические отсеки, где протиснутся могли только специальный роботы, мыши и худые новобранцы. По тросу в заброшенной лифтовой шахте, закрытой сразу после того, как крейсер сошел с доков верфи: она использовалась при строительстве, но теперь была не нужна. А потом по узким тоннелям — если бы знать, для чего они нужны — напрямик в ангар.

Не опоздал. Встал в строй именно в тот момент, когда сержант начал обход. В отряде Пестрых тридцать человек, как и положено. И отрядов таких, если Роланд ничего не путал, десять. К Пестрым обычно определяли новичков. Отправляли на опасные и зачастую совершенно ненужные задания, новобранцы гибли, исполняя чьи-то некомпетентные приказы. Их было жаль, но не так жаль, как тех, кто стал уже квалифицированным пилотом, налетавшим не один час. Если новичок продержался в отряде Пестрых больше трех месяцев, его отправляли к Желтым, Синим, Красным. В конце концов, появлялась возможность дослужиться до Серебряных и Золотых.

Пока Ройл обдумывал вероятность того, насколько велики его шансы однажды оказаться в отряде Золотых, сержант дал последние указания, и пилоты, — здесь на профессионально сленге их называли «симбы», от «симбиота», — устремились к челнокам.

Каждый к своему, к тому, в котором хранился ментальный отпечаток его разума. Через минуту они наденут шлем — церебрум и станут едины со своим кораблем, срастутся с ним.

Роланд совершил уже больше трех десятков учебных вылетов, но каждый раз будто заново переживал сращение. Сначала точно холодные щупальца заползают в голову. Мозг немеет, глаза готовы вылезти из орбит. Горло перехватывает спазм. Каждый раз Ройлу казалось, что он умирает. Немного легче переносить превращение помогал детский стишок. Тот самый, что часто любила повторять Лесса, прыгая через скакалку. Роланд немного переделал его, отчего веселое стихотворение звучало теперь довольно жутко, но ведь он никому его читать и не собирался. Зато простой ритм помогал расслабиться, и Ройл знал, что, когда он дойдет до десяти, все болезненные ощущения уйдут.

Раз, два

Королева жива

Хоть отдельно от тела

Ее голова.

Руки стали травой,

Посмотри.

Три — четыре, четыре — три.

Ноги отправились потанцевать.

Их уже не догнать.

Пять и шесть

Шесть и пять.

Стала ветром и светом,

Водой и травой,

Но осталась собой

И осталась живой.

Семь, восемь

У нее мы спросим

Девять, десять

Все ответы взвесим

Снегом станем, огнем станем

Быть собой не перестанем.

А потом обнаруживаешь, что отрастил себе парочку новых конечностей, приобрел несколько пар новых глаз вдобавок ко своим, так что можешь смотреть теперь не только вперед, но и вверх, вниз и назад. Дыхание твое расправляет полупрозрачный парус, радужно переливающийся в неоновом свете ангара, сердце твое стучит в унисон с двигателем, ток твоей крови един с током антифризной жидкости, наполняющей мельчайшую сеть трубочек, пронизывающих тело корабля, слово капилляры.

— Пестрый 1–4, готов? — жесткий голос в надкостном чипе.

— Готов.

— Следуй за ведущим. Как понял? Следуй за Пестрым 0–1.

— Вас понял.

Челноки выстраиваются клином, один за другим вылетают из ангара. Роланд чувствует, как вакуум и ледяной холод обволакивает его тело со всех сторон, но это не отвлекает его и не смущает. Его тело сделано из силениума, его руки — крылья. Он охотник, который вышел на поиск добычи. Он полон сил и осознает свою мощь.

Ната выпустила из рук пушинку — звезду, но поздно, та уже почернела и рассыпалась в пыль. Натали почувствовала мимолетное сожаление о разрушенном воспоминании Ройла, но буквально на секунду. И она все еще испытывала жажду. А еще ее все сильнее поглощал страх того, что она не сможет вернуться, пока не выпьет Роланда до дна. До тех пор, пока не погаснут все звездочки, которые так беспечно и доверчиво порхают вокруг. Пока темнота не станет безжизненной, бездушной и холодной...

Надо как-то бороться...

Она вовсе не хотела прикасаться к следующему клубочку света, он сам присел на ее плечо. Ната замерла, надеясь, что он еще может улететь. Подумалось некстати о том, как у нее могут быть здесь плечи, руки, ведь она лишь сознание, проникнувшее в душу Ройла.

... Раз, два

Королева жива

Хоть отдельно от тела

Ее голова...

Невольно вспомнилась считалочка. Оказывается, она хорошо ее запомнила...

Не додумала, потому что звездочка — воспоминание утянула ее за собой.

Роланд смотрел на экран монитора, где темноволосая девочка — подросток усердно морщила лоб, вглядываясь в экран планшета — делала уроки. Она не знала, что за ней наблюдают. Не знала даже о том, что в ее комнате установлена камера.

— Вот она, моя дочь, — сказал стоящий за пределами зрения мужчина.

Роланд повернулся.

Ната, наблюдающая его глазами, мысленно вскрикнула. Отец... Это был ее отец. Хотя, чему удивляться — разве она не знала, что Роланд был ее телохранителем. И та девочка в комнате — это она?

Сознание странным образом раздваивалось и дробилось. Хотелось выбраться отсюда, но ничего не получалось.

— Так ее мать погибла?

— Да...

Он смотрел на темноволосую девочку. Девочку, которая думала, что счастлива, но разве бывают так печально опущены кончики губ у счастливых людей? И этот смешной игрушечный зверь, что сидит рядом с ней, разве может заменить объятия матери? Хотя отец ее любит, судя по всему. Но почему во взгляде, обращенном на нее, к нежности примешивается грусть и даже некоторая, тщательно скрываемая, безнадежность?

— Я буду защищать ее. Можете полностью мне доверять.

Ната дернулась и вырвалась из воспоминания. Звездочка было взлетела, наполовину сгоревшая, мутная, но почти сразу погасла совсем, рассыпалась.

«Ох, Ройл... Прости...»

Что он чувствует сейчас? Ему страшно? Больно? Наверняка... И сколько он еще выдержит? Понтий едва в себя пришел после пары минут проникновения в сознание. Надо срочно найти выход. Но как?

«Раз, два, королева жива...» — настойчиво стучало в висках. Вот ведь прилипчивая считалочка, не отвязаться от нее.

А что если? Мысль была бредовая, странная, но других все равно не было: если Роланду считалочка помогала, вдруг поможет и ей? Да она ведь словно для нее придумана. Это Ната сейчас — ни рук, ни ног, ни головы, лишь огонь, раздирающий ее на части. Собраться,

остаться собой, если это еще возможно.

— Раз, два, — начала она, не особо надеясь на чудо, и все же надеясь...

Часть тринадцатая

А когда досчитала до десяти, оказалось, что она стоит в столовой, держит Роланда за плечи и смотрит ему в глаза. Но уже не проваливается в них, и не провалится, если не захочет. Невероятное ощущение свободы и легкости захлестнуло ее. Она справилась! Вернулась! И даже, кажется, вполне способна подчинить своей воле эту неведомую силу.

Роланд моргнул несколько раз, приходя в себя.

— Живой? — спросила Ната. — Как ты?

— Все хорошо. Видишь, я говорил, что убить меня будет не так просто.

— Хвастун!

И, не контролируя себя, вдруг обняла крепко. Он, помедлив, тоже прижал ее тихонько к груди.

— Твоя считалочка... — невнятно произнесла Ната, уткнувшись Ройлу куда-то подмышку. — Это она мне помогла...

— Я надеялся на нее, — ответил Ройл, несколько не удивившись. — Мне показалось то, что происходит с «симбами» в момент слияния, и то, что чувствуешь ты — отчасти похоже. Так я был прав?

— Да, — Ната все не поднимала головы, вдыхая запах Роланда, который для нее все еще пах сладко и желанно. Желанно в прямом смысле слова — от него хотелось откусить кусочек. Ой! И чтобы отвлечься, заговорила быстро о другом, незначительном и глупом:

— А я кажется знаю, почему ты себе такую гриву отрастил...

— Все-то ты обо мне знаешь, — произнес он тихо, но Ната ощущала улыбку в его словах, хоть и не видела ее. — И почему?

— Ну... Надоело быть лысым, наверное. Столько лет голова как шар. Ты был забавный... Уголек...

Натали почувствовала, что он вздохнул и замер, а потом спросил осторожно:

— Какое было воспоминание?

— Твой первый боевой вылет. Прости, надеюсь, ты не слишком дорожил им... И как, удалось дослужиться до Золотых?

— До Серебряных... Не важно... Теперь все это так далеко.

Они все еще стояли, обнявшись, и молчали, и Нате совсем не хотелось освобождаться из этих объятий. Какое-то время она была Роландом, смотрела на мир его глазами, думала, как он. Трудно теперь разорвать эту связь.

Объятия прервал вернувшийся Понтий, он встал у порога и потребовал, чтобы Ната приняла антидот.

— Я справляюсь, — ответила она нерешительно: появление этого человека пошатнуло ее уверенность в себе. Искры злости вновь начали прожигать грудь. Он бесил ее одним только своим голосом, своим видом, всем своим существованием. Пришлось согласиться, что антидот нужен. Но теперь Ната была уверена, что за три оставшихся дня научится полностью контролировать себя — первый шаг на пути к этому был сделан.

Вернее, Натали думала, что у нее есть три медленных неторопливых дня, когда можно спокойно позавтракать, пообщаться с ребятами. Потом потратить около часа на неприятную, но неизбежную тренировку, а потом, быть может, прокатится с Ройлом в город. В кино... Да, сто лет она не бывала в кино. Или просто в кафе пожевать суррогатной еды. Съездить в

торговый центр, чтобы померить недоступные ей теперь дизайнерские наряды. Или в «Вирт» — огромный парк виртуальных развлечений, где можно было почувствовать себя кем угодно — капитаном космического корабля, например. Ната невольно хихикнула. Что же, пожалуй, теперь ее парк развлечений всегда при ней.

Так или иначе, планам ее не суждено было сбыться. Понтий, как с цепи сорвался. По-прежнему ничего не объяснял, но заставлял всех тренироваться без отдыха, все усложняя задания. Бедный Айвон ходил как привидение, Ната начала беспокоиться, как бы он не разложил в труху сам себя. Гладис ходил за ним следом и время от времени клал руку на плечо, поддерживая. Правда, большая часть тренировок проходила вне стен дома. Например, Сирен всегда отправляли пробовать свою силу на стадионе, во время шумного матча. Заставить бушующую толпу, охваченную азартом, замереть и потерять волю — непростая задача.

Сирены ходили сами не свои от стресса, ничего не ели, и кажется даже уже стали просвечивать насквозь. Правда, как ни странно, управлять толпой все же оказалось проще, чем отдельными людьми. Ежедневные тренировки привели к тому, что люди на стадионе замирали, как волна, перед тем, как обрушится на берег, и ждали приказа. На следующий день, после того, как Ната почти следила со своей силой, Понтий отправился на стадион вместе с девушками, увидеть своими глазами и проверить, правда ли люди становились послушны.

Девушки рассказали вечером о том, что произошло дальше. И в голосе их был страх, волнение и отчасти гордость. Когда толпа замерла и затихла, и во всем огромном, полном людей стадионе слышно было лишь хриплое дыхание, да тихое пение Сирен, Понтий спокойно и четко произнес: «Голос». И вся толпа взревела, нечленораздельно и невнятно мыча и крича. «Словно стадо», — сказал Понтий. И Сирены, переглянувшись, побледнели. Они и теперь, рассказывая, побледнели и обнялись.

Роланд только хмурился и слушал, не перебивая.

На следующий день и другие ребята рассказали о невероятных прорывах своих способностей. Кит и Атлана так разошлись на тренировке, что едва не обрушили платформу среднего уровня, на которой стояли жилые дома. В новостях сети позже сообщили, что вышла из строя система, стабилизирующая платформу. Понтий потирал руки и выглядел очень довольным.

В квартире все чаще появлялись незнакомые люди, разные, но объединенные все странной похожестью, которую Ната никак не могла понять. Увидев в первый раз, она назвала их Серыми, и сейчас все больше убеждалась, что определение им подходит. Хотя странно, ведь среди них попадались и темноволосые, и блондины, носили они и коричневые куртки, и черные плащи, даже рубашки каких-то кислотных оттенков, и все равно были Серыми.

За последние два дня все стремительно закрутилось, сонный мир квартирки был взбудоражен и встревожен. Вечерами больше не разрешали собираться, последний раз был тот, когда Сирены рассказали о своих успехах. Понтий больше не уходил на ночь, наоборот, многие из Серых оставались с ним. Запирались в комнате, обсуждая что-то. А Умница, бывший глазами и ушами Понтия, всегда был начеку.

Все что удавалось — перекинутся парой фраз за ужином. Приспособились передавать информацию по кругу, словно случайно наклонившись к соседу, то передавая соль, то поднимая с пола упавшую вилку. Здесь главное было не попасться бдительному Умнице. К

счастью, он был слишком медлительным и старым, зря Понтий так на него рассчитывал.

Вечером четвертого дня Жаклин наклонилась к уху Ройла, дотягиваясь до хлебцев, стоящих в центре стола, и сказала тихо, но Ната, сидевшая по правую руку Роланда, расслышала тоже.

— Я умею зажигать огонь. Сегодня в кафе загорелись занавески. Ройл, я боюсь.

Нату покорило это фамильярное «Ройл». Только она могла так к нему обращаться! Но видно было, что Жаклин действительно напугана, поэтому Натали промолчала, лишь нарочито безразлично отвернулась. И все же старательно прислушивалась. Что Роланд ответит ей?

— Ты ни в чем не виновата. Я попытаюсь что-нибудь придумать... Но пока слишком мало знаю.

Ох, уж этот Роланд. Сахарный Роланд. Ты вообще умеешь не утешать? Ната злилась, не замечая, что комкает салфетку. Придумает он! Надо же! Что ты можешь придумать, солдафон.

Обернулась на него, злясь, колкие слова так и просились на язык. И замерла, залюбовавшись невольно его чернящими глазами, которые сейчас смотрели не на нее. Что же ты такой хорошенький, зараза! И как она раньше могла этого не замечать. Все эти годы видела лишь синюю униформу водителя и руки в перчатках на руле.

«Ну и зови его Ройл. А я буду звать Уголек. Только мне известно это имя!»

Роланд, который даже не подозревал о терзаниях и переживаниях Наты, наклонился в ее сторону, делая вид, что поднимает что-то с пола.

— Жаклин научилась воспламенять предметы. Передай дальше.

Вот, значит, как. Сухая информация. Передай дальше! Ни тебе «принцессочки», ни даже Натали. Она ему не служанка. Надулась, нахохлилась, глядя в тарелку. Роланд, однако, ничего не понял, отвернулся, продолжая болтать с Жаклин. До Наты долетали обрывки фраз.

— ... постарайся досчитать до десяти, когда придет время... не вини себя... ничего страшного, ведь никто не погиб...

Натали слушала-слушала и изо всех сил пнула Роланда под столом ногой. Даже не поняла, как это получилось. А потом ущипнула его за руку, с вывертом, как превосходно умела делать. У Ройла теперь на предплечье будет отменный синяк. Нет, огненный омут вовсе не затянул ее в свою бездну, это была обычная человеческая злость. Обычная человеческая ревность.

Роланд не ожидал, не был готов. Она увидела растерянные глаза, когда он обернулся к ней, и волна раскаяния и стыда накрыла с головой. Ната sluкавила, не найдя в себе мужества признаться.

— Раз, два, королева жива... — зашептала она. Глаза сделала невинными: видишь, просто побочный эффект, но я справляюсь.

Ройл, растяпа, поверил. Поцеловал ее в макушку. Даже тошно от его наивности...

Но все еще ощущала его прикосновение. Тепло. Доверие.

Натали обернулась к Петеру, сидевшему рядом и тихо сказала:

— Жаклин научилась воспламенять предметы. Передай дальше.

— А я сегодня заморозил скамейку, на которой сидел. Задумался. А потом понял, что прилип. Представляешь? Тоже передай.

Шепот тихо полз по рядам. Взгляды встречались и тут же прятались, как только Умница поворачивался в их сторону. Он чувствовал что-то, но был настолько медлительным и

неповоротливым, что обмануть его удавалось без труда.

Перед сном Роланд пришел к ней в комнату. После той последней ночи, проведенной вместе, Нате пришлось все-таки привыкать спать в одиночестве. Правда, Ройл всегда приходил проводить ее перед сном и приносил Морду, которая, смирившись со своей судьбой, сразу же устраивалась у Наты в ногах, а иногда приходила к ней под бочок. Вот и сейчас, едва Роланд опустил ее на пол, кошка тут же мягко, словно лениво, прыгнула на кровать и заняла свое законное место. Ната улыбнулась, глядя на нее. перевела взгляд на Ройла и улыбка погасла — тот был серьезен и сумрачен.

— Ты чего?

— Что бы они не замыслили, это случится очень и очень скоро...

— Почему ты так думаешь?

Ната, признаться, и сама чувствовала, что что-то назревает. Очень уж быстро закрутились события в последние дни. Все эти люди, которые приходят, уходят и так странно смотрят на нее... И способности у всех вдруг заработали на полную мощность.

— Я думаю, ты послужила катализатором, — продолжил Роланд, не ответив на вопрос. — С твоим приходом дар каждого увеличился в несколько раз. Может, не надо было нам возвращаться...

— А может, они не хотят плохого...

— Они явно и хорошего не хотят. Эти люди не внушают мне доверия.

— И мне, — согласилась Ната. — Ты говорил, что мы всегда сможем снова сбежать, если что. А теперь, когда я научилась справляться с собой, и без их помощи, кстати, ничто нас больше здесь не держит. Да, Ройл? Улетим завтра?

— Я не могу, — тихо сказал он.

Ната подумала, что ослышалась:

— Что? Почему?!

Морда подняла голову и удивленно посмотрела на Нату — отчего та вдруг вздумала кричать?

— Разве я могу бросить их здесь?

— Что?! Ройл — ты ненормальный? Ты с ума сошел, да? Как ты их можешь защитить? Ты ведь понимаешь — здесь целая организация, мы видим только верхушку айсберга. А ты им по большому счету не нужен. Ухлопают тебя и дело с концом! Ройл? Роланд?

Роланд молчал, и она видела по его глазам — да, понимает. И знает, что ему не победить. Но все равно не уйдет, не бросит их здесь. Эту няшную Жаклин, которая чуть что распускает нюни, этих бедненьких — бледненьких Сирен, Айвона, с ввалившимися глазами, пухлого Петера. Какое гадство!

Натали захлестнули отчаяние и злость. Роланда переубеждать бесполезно, за то время, что они провели вместе, она хорошо изучила его характер. Будь на то его воля, он бы всех их увез, усадив в Кайю, и потом таскал весь выводок по дешевым мотелям, пытаясь спрятать. Может быть, уже продумывает план побега. Нате стало грустно, неужели и она для него лишь «девица в опасности», не больше, чем та же Жаклин, или Мирта.

— Ты не можешь спасти всех, — прошипела она. Во рту было горько от подступающих слез, но нет, плакать она не станет. — Тебе придется выбирать — спасти меня или погубить всех.

Ройл покачал головой.

— Возможно, есть и другой путь.

— Так ты... — она задыхалась от гнева. — Значит, вот так... Знаешь, я сама теперь с тобой никуда не пойду. И сделаю все, что ОНИ мне скажут. Так и знай! А теперь убирайся!!

— Ната...

— Убирайся!!

Он поднял руки ладонями вверх, будто сдался, и просто ушел, тихо притворив дверь. И от того, что он отступил так быстро, от его молчания и того, как бесшумно он удалился, словно издеваясь на ней, Нату бросило в жар. Хотелось догнать и расцарапать всего, стереть с лица это бесстрастное выражение уверенности в своей правоте. Вместо этого она прижала к лицу подушку и закричала в нее, что было сил.

На следующий день утром Ната обнаружила, что сиреневое пятно от второй инъекции исчезло. Время истекло.

Она долго не решалась подняться с постели, прислушиваясь к ощущениям. Не было такого быстрого погружения в бездну, как если бы она выпила средство, на время нейтрализующее прививку. И все же она ощущала и странную жажду, и уколы огненных искр, и мир стал выпуклым, ярким, проявлялся до мельчайшей черточки. Отступать было некуда.

Все еще злясь на Ройла, но стараясь держать себя в руках — считалочка исправно помогала в этом — Ната тщательно оделась, словно собираясь на бой. Выбор одежды был невелик, но рубашку она застегнула на все пуговицы, чего не делала уже давно, аккуратно зашнуровала кроссовки, волосы расчесала до блеска и стянула в хвост, так что ни одна прядь не выбивалась из прически. Она была сдержана и решительна. Была готова ко всему.

Судя по всему, Понтий тоже знал, что сегодня тот самый день. Столовая была полна людьми. Мало того, что все ее сверстники были здесь, сидели на местах, но не смели даже поднять глаза, так еще и около десятка посторонних людей окружали Понтия. Некоторые лица показались Нате смутно знакомыми, и, конечно, все были «серыми».

И Роланд был здесь, стоял у входа, подпирая косяк. Дернулся навстречу, но Ната сделала вид, что они не знакомы, старательно обогнула его по длинной дуге. Вышла на середину комнаты, по пути заворачивая манжет рубашки. Ей показалось, что лучше показать запястье — все станет понятно без слов.

— Как ты? — спросил Понтий.

Естественно, он не о здоровье ее спрашивался: хотел узнать, как она держится.

— Все отлично.

— Отлично, — эхом повторил он.

Улыбнулся кривенько, но видно было — доволен.

— Завтракай и на выход. У меня есть для тебя дело.

— Нет, — ответил за нее Роланд. Подошел сзади, взял за плечи, но Ната тут же выкрутилась из-под его рук, скользнула в сторону. Внутри разрастался гнев, черный, как сажа. Как беззвездное небо. Заполнял ее тьмой.

— Я у тебя не спрашивала разрешения, — протолкнула она сквозь сомкнутые губы.

Посмотрела на Понтия в упор:

— Идем прямо сейчас, я не хочу здесь оставаться.

— Как скажешь, цыпленыш, — развел тот руками. — Айвон, Гладис — едете с нами.

Оба парня поднялись, переглянулись. Ната видела, что им страшно. А себе запретила бояться. Пусть будет лучше злость, ненависть, что угодно, но не страх.

Роланд встал у дверей, не пропуская Нату, которая хотела первой выскользнуть в

коридор.

— Нет, — сказал он.

— Отойди!

— Ну, солдатик, что за дела? — это уже Понтий встал рядом. Он еще старался держать дружелюбный тон. — Договор есть договор. Ничего твоему бесценному зверенышу — цыпленышу не грозит.

Роланд не обратил внимания на его слова, и с места не сдвинулся. Тогда Понтий едва заметно кивнул в сторону своих помощников и четверо из них одновременно кинулись на Роланда, пытаясь скрутить и оттащить от двери.

Ройл вначале будто даже поддался, дал схватить себя за руки с обеих сторон, только вот секунду спустя резким движением рванул на себя двоих и отбросил прочь, сбивая с ног тех, кто чуть запоздал. Он не мог не понимать, что на помощь первым четверым придут, если нужно, все остальные. Времени у него несколько секунд. Ната видела, что он пытается дотянуться до нее. И догадывалась, чего он хочет — дать ей возможность передумать, пока будет держать ее в объятиях столько, сколько сможет. Но девушка отступила, дождавшись, пока те четверо встанут на ноги, и рядом с ними встанут еще четверо. И один из них будет сжимать шокер, разряд которого ударит Ройла ниже колена, закоротив импульсы протеза-импланта. Сам Ройл, конечно, явился без оружия. Конечно же... Ведь здесь дети, можно ранить кого-нибудь случайно. Самонадеянный, глупый Ройл...

Натали было больно видеть Роланда, упавшего на пол, парня, оседлавшего его, выкручивающего ему руки за спину. Она отвернулась, сжав губы. И бочком, не глядя выскользнула в коридор.

Немного пришла в себя уже в автомобиле, хотя до сих пор потряхивало от злости и адреналина. Рядом на заднем сидении вплотную к ней сидел Айвон, за ним, у другого окна Гладис. Айвон все пытался отодвинуться, не слишком прижиматься, кажется он ее явно опасался, но места было маловато для троих.

— Не съем я тебя, — тихо сказала Ната.

Считалочка Роланда помогала, хотя временами девушка словно выпадала в иную реальность. Вот как она оказалась на заднем сидении? Сама пришла? Принесли? Она не помнила...

— Ну, птахи мои, полетели, — жизнерадостно сказал Понтий, сидевший за рулем. Рядом расположился кто-то из его головорезов. Он наоборот был серьезен и даже хмур. У Наты невольно екнуло сердце — напускная веселость Понтия не сулила ничего хорошего.

Автомобиль взлетел, следом за ним еще один. Они нырнули в плотный поток трассы Инфериора, но летели недолго, уже спустя несколько минут, заложив крутой вираж, скользнули вниз, к самой земле, через разлом в стене влетели на территорию заброшенной фабрики. Ната увидела выцветшее объявление о том, что здание продается или сдается в аренду. Видно оно уже давно здесь болтается, а желающих пока не нашлось. Двор был усыпан щебенкой, осколками и мусором. Здание паялилось на прибывших пустыми глазами — окнами. Правда, по едва заметному дрожанию воздуха вокруг стен, чуть искажающему очертания, Ната догадалась, что полуразрушенная фабрика защищена силовым полем. Оно и понятно, едва ли хозяевам хочется, чтобы бездомные устроили здесь притон.

Понтий дождался пока Ната выберется из автомобиля, и повел ее за собой, взяв за локоть. Нет, не грубо, скорее наоборот, предупредительно придерживая, не давай оступиться

и упасть. Оберегал, как великое сокровище. Гладис и Айвон, сопровождаемые пятеркой мужчин, сопя, топали следом.

Каково же было удивление Натали, когда, переступив порог хлипкой, невзрачной двери, она оказалась в прекрасно оборудованной лаборатории. Даже выбитые окна были видимость, камуфляжем. По эту сторону их просто не было — только стены, обшитые светлыми панелями, излучающими свет. Мониторы, и куча другого оборудования, назначения, которого Натали не знала.

Теперь все встало на свои места. Ната поразилась хитрости и изворотливости этих людей. Оказывается, она знала о них еще меньше, чем думала.

Но была во всем этом какая-то неправильность, какая-то выбивающаяся деталь. Ната, сбитая с толку, взбудораженная, не сразу поняла, что так тревожит ее и притягивает взгляд. Поняла спустя несколько долгих секунд. В центре помещения словно специально расчистили место, сдвинув столы и стулья, оставив стоять только один. На стуле сидел человек. Ната поняла, что это человек, потому что увидела ноги. Обычные человеческие ноги в высоких коричневых ботинках. Одна нога подергивалась, словно отбивала неслышимый человеческому уху ритм. А потом увидела глаза. Испуганные глаза в прорези ткани, которая накрывала человека с головой, оставив торчать наружу лишь ботинки. И лишь позже пришло осознание — какого-то человека усадили на стул, накрыли плотной темной тканью, а для глаз проделали отверстие. Зачем?

Ната попятилась. Что бы здесь не замыслилось, участвовать в этом не хотелось. Айвон и Гладис так же застыли в нерешительности.

Но Понтий не дал ей далеко уйти, обнял за плечи и повел вперед, подталкивая к этому странному человеку.

— Ну же, цыпленыш, — сказал он почти с нежностью. — Нам нужна твоя помощь сегодня. Просто загляни ему в глаза и найди ответ на один маленький вопросец. Он отказывается говорить. А нам ведь и не надо его согласие, когда у нас есть ты? Так ведь?

Она лишь качала головой, хотя ей казалось, что она повторяет «нет, нет, нет».

— Будь хорошей девочкой. Отпусти себя. Разреши себе полакомится. Столько вкусных воспоминаний. Они напоят тебя, утолят твою жажду.

Жажда. Тело мгновенно откликнулось на произнесенное вслух слово — потребовало немедленно загасить огонь, сжигающий ее изнутри. И Понтий почувствовал это, ослабил хватку — Ната уже сама шла вперед. Он был связан? Парализован? Так или иначе, но он не двигался, только смотрел с ужасом, как приближается к нему девушка.

— Ни в чем себе не отказывай, — сказал Понтий. — Только найди пароль от Черной Звезды.

И Натали наклонилась, положила свои ладони на укрытые темной тканью плечи, и заглянула-нырнула в широко распахнутые, полные страха глаза.

Проще было бы отыскать летящий в ночном небе космический крейсер, ничем не отличимый от сияющих звезд, чем ответ на заданный вопрос. Хотя Натали в этот раз ни в чем не ограничивала себя: воспоминания — пушинки брала обеими ладонями, стараясь зацепить как можно больше. Но почти не прислушивалась, не вживалась, бросая тут же, когда понимала, что ответа здесь не будет. В сознании мелькали события, лица, но очень смазано, и тут же развеивались, словно сны. Однако воспоминания, чуть тронутые ее прикосновением, уже не оправлялись, оседали пылью.

Ната поняла, зачем понадобилось брать с собой Гладиса: после нескольких минут

проникновения в сознание незнакомец лишился чувств, и Гладис привел его в себя, ненадолго сменив Натали. Повторялось это не единожды, и каждый раз Ната нетерпеливо топталась рядом, недовольная тем, что ее оторвали.

В какой-то момент, еще не успев нырнуть, услышала за спиной шепот.

— Чудовище, — тихо произнес Гладис, обращаясь к Айвону. Едва ли кто-то расслышал его слова, кроме Наты. Чудовище? Это он о ком?

И вот спустя долгие минуты, или, возможно, часы, Ната все же случайно нащупала что-то. Это словно был отголосок далекого эха, в котором пробивались слова «Черная» и «звезда», и именно в такой последовательности. Она сосредоточилась, впустив в себя воспоминание.

Это было именно то, что она искала. Она увидела свои (его) пальцы на виртуальной клавиатуре и столбцы символов, которые возникали в воздухе на уровне глаз, скатывались вниз, и истончались, таяли, не долетев до поверхности стола, за которым он работал. Натали в первую же секунду знала, что он пишет сложный код-ключ. Запомнить его не под силу и самому создателю, но зато, если подождать немного, станет известно, где он его хранит.

Программист закончил работу не скоро, Натали даже забыла на время, что она — это она, так увлеклась работой. Но вот поставлен последний символ, и девушка вместе с автором кода испытала эйфорию — работа проделана отлично, то, что нужно! Осталось только сохранить ключ на носитель информации, которым мог выступить любой металлический предмет. Этот способ был изобретен недавно, вернее, это он сам его и изобрел. Группа посчитала целесообразным пока не обнародовать открытие официально.

Когда он подумал «Группа» Ната поняла, что под этим словом он имел ввиду определенных людей. Сосредоточилась, пытаясь увидеть больше, но эта мысль уже спряталась глубоко от нее.

Он снял с груди небольшой медальон из желтого металла — отличное место для хранения информации, и никто никогда не догадается, где искать. Чуть позже, когда запись была закончена, он удалил все данные и тщательно подтер все следы, которые могли бы привести к находке.

Это слишком опасно и ни в коем случае не должно попасть в посторонние руки.

Натали уже хотела возвращаться, в душе все ликовало, как у охотника, который воротился с добычей, но замешкалась на секунду, услышав голос, показавшийся знакомым.

— Папа, — позвал девичий голос. — Ты здесь?

Он поднял голову, и Ната увидела вначале смутное отражение его самого в стене напротив. Стена была покрыта модным в прошлом сезоне зеркальным напылением. Седящие кудрявые волосы, тонкий нос с горбинкой. И глаза...

Те самые глаза, которые позже будут смотреть на Натали со страхом...

А потом он обернулся и Ната дернулась, словно получила разряд электрического тока. В дверях стояла Жаклин. Да, сомнений не было. Волосы, правда, были чуть короче, чем у той Жаклин, что она видела сегодня утром, но это вне всякого сомнения была она. Она — месяца два или три назад.

— Папа, мы ждем тебя на ужин, — настойчиво повторила она. — Куда ты пропал?

Ната отбросила от себя воспоминание, слово обожглась. Как такое вообще возможно? Причем здесь Жаклин? Потеряв самообладание, растерянная она закружилась в окружающей ее тьме, не осознавая, где верх, где низ... Надо срочно выбираться...

«Раз, два, королева жива...» Работает, все еще работает.

И вот она стоит, пошатываясь на ногах, а Понтий придерживает ее за руку, не давая упасть.

— Узнала? — глаза смотрят колоче, изучающе, словно в этот вопрос он вкладывает еще что-то, и Ната решила, что не станет говорить ему про Жаклин.

— Узнала, — тихо говорит она. — Медальон на его шее. Ключ — код записан на нем...

— Отлично! — Понтий даже руки потер. — Передохни пока. Ты славно потрудилась, девочка.

Нату отвели и усадили на стул. Со своего места она, уставшая, безразлично наблюдала за тем, как с человека сдергивают покрывало и узнала его — то же лицо она разглядела в отражении. Только кудрявые волосы повисли сальными сосульками, нос еще более заострился. Голова его безвольно болталась из стороны в сторону, но он все еще был едва жив... Понтий, скрестив руки на груди, наблюдал, как один из помощников обыскивает его, шарит руками за вырезом рубашки, а потом издал радостный возглас — помощник извлек на свет цепочку, на которой болтался знакомый медальон. Тот, что Ната видела в воспоминании.

Понтий посмотрел на Натали, та кивнула: «да, он самый».

— Айвон, — позвал он.

Надо же, не Хиляк... Так официально. Айвон тоже почувствовал, что все серьезно. Он — длинный, нескладный, выше всех здесь присутствующих почти на голову — сжался так, словно хотел сложится вдвое, спрятаться.

— Иди сюда, мальчик.

Тот шагнул пару раз и снова застыл.

— Иди, иди... Помнишь, как мы с тобой тренировались вчера на бойне? Та туша коровы, кстати, стояла целое состояние. Знаешь, сколько вкусных, поджаристых стейков, не суррогатных, заметь, можно было бы из нее нарезать? Нет, нет, не думай, я тебя наоборот хвалю. Ты отлично справился. Сможешь повторить?

Айвону явно было не по себе от того, что говорил сейчас Понтий. И Ната тоже сморщила нос, догадавшись, что сотворил парень с его способностями с бедной коровьей тушей.

— Он... еще жив... — прошептал Айвон едва слышно.

Понтий хохотнул, так, словно Хиляк сказал сейчас что-то невероятно смешное.

— Так это ведь ненадолго, — пояснил он, явно забавляясь ужасом, что проступил на лице Айвона.

Отец Жаклин, если это действительно был ее отец, поднял голову и смотрел потухшими, но все еще разумными, живыми глазами на Айвона, который, не выдержав этого взгляда, принялся рыдать, как ребенок.

— Нет, нет... Не заставляйте меня...

Слезы катились по его белым щекам, а Понтий, кривясь от злости подталкивал его вперед. И Айвон бы все равно сделал это, никуда бы не делся...

— Быть может не стоит торопиться? — услышала Ната голос и даже не сразу сообразила, что это ее собственный. — Вы точно уверены, что сумеете извлечь информацию? Этот человек изобрел новый способ хранения данных, а запись только одна. Вдруг что-то пойдет не так?

Понтий нахмурился, но задумался над сказанным.

— Ладно... Никогда не поздно, если что...

Он выпустил плечо Айвона.

— Хлюпик и нытик. Посмотри, как девчонка справилась, бери с нее пример! Не хочешь и его на сладкое, моя девочка?

Он расхохотался, глядя, как отшатнулся Айвон. А Натали совсем не понравился ужас в глазах парня.

— Я... уже не голодна...

Да он ведь и не собирался отдавать Хиляка на растерзание Наты, так, попугал немного. Она это понимала. Но вот понимал ли сам Айвон?

Часть четырнадцатая

— Отвези их домой, Дредд, — обратился Понтий к одному из верзил, здоровенному парню в обтягивающей бицепсы майке. Даже Ната не была уверена в том, что справится с ним в случае чего. Но она не собиралась — просто не было сил. Да и зачем. Куда бежать? Бессмысленность попыток и отчаянность положения накрыли ее с головой. Она, Айвон, Гладис просто позволили себя увести. Ната не обернулась у порога, чтобы посмотреть жив ли еще отец Жаклин. Она и так была уверена, что никогда уже не сможет забыть глаза человека, замученного ей почти до смерти.

Села на переднее сидение, специально, чтобы держаться подальше от Айвона и Гладиса. По их лицам она видела, что находится рядом с ней они не хотят. Она и сама не хотела находится рядом с собой, но у нее выбора не было... Сидела, спрятав руки за спину — у нее было странное ощущение: словно руки испачканы кровью. Такое явное и острое чувство, что она почти ощущала ее металлический запах. И не отмыться уже...

Тот, кого Понтий назвал Дреддом довел их до двери и оставил. Конечно, куда они денутся. Зверёныши, загнанные в угол. Во всем мире теперь нет им места...

Ната долго шла по длинному-длинному-длинному коридору, ноги ее едва держали. Навстречу вышел Умница, и Ната усмехнулась над комичностью ситуации: его старые ноги с расшатанными шарнирами так же шаркали и не сгибались, как сейчас ее.

— Ты была хорошей девочкой? — спросил он у Натали, мягко улыбаясь силиконовыми губами.

— Я была ужасной, страшной, отвратительной... — сказала Ната. Думала, что сказала: губы шевелились беззвучно. Умница понял все по-своему.

— Вот и молодец, — ответил он.

Ната не стала поправлять, продолжила свой путь. Очень хотелось пить. Просто пить. Настоящей реальной воды. А потом умыться хорошенько, а руки намылить и потереть щеткой... Но Натали боялась, что и это не поможет.

В опустевшей столовой сидел Роланд, руки сжал в замок и положил перед собой, взгляд неотрывно следил за входом. Конечно, она мгновенно встретила с ним глазами, как только переступила порог. Интересно, давно он так сидит?

Ната молча пошла дальше. Взяла картонный стаканчик, налила воды из фильтра и долго жадно пила, словно пыталась загасить бушующее в груди пламя. Погасишь его, как же...

Она стояла спиной к Ройлу, но обострившиеся чувства подсказали ей, что он встал и тихо, медленно подходит сзади. Ната зажмурилась. Так крадется... Он все понял. Он идет, чтобы убить... И пусть, пусть...

Роланд положил ладони на ее плечи. Ну, давай уже! Не тяни!

«Я знаю, ты сильный и быстрый... Я не стану сопротивляться...»

Он развернул ее осторожно и прижал к себе. Ната всхлипнула, отчаянно вцепившись в его обнимающие руки онемевшими от напряжения пальцами.

— Отпусти, отпусти меня! Ты не знаешь, не знаешь, — скороговоркой, бестолково и быстро заговорила она. — Я тьма! Меня уже не спасти! И лучше всего, прямо сейчас меня...

Она хотела сказать «убить», но смелости не хватило. Потому что жить сейчас в его объятиях, чувствовать его тепло, было не так уж плохо. Пусть убивает, но позже. Еще минуту, еще несколько секунд...

— Что ты натворила, принцессочка? — спросил он.

Натали не стала скрывать. К чему тянуть, пусть сразу узнает правду. Рассказала все, как было, ничего не пытаясь утаить и оправдать себя хоть как-то.

Чудовище... Это про нее Гладис сказал, как она сразу не поняла.

Роланд слушал и не перебивал, только все плотнее сжимал губы.

— Пойдем, — произнес он, когда Ната закончила рассказ. — Жаклин здесь.

— Ты ей хочешь рассказать? — у Натали сердце оборвалось. — Сейчас? Нет, пожалуйста, я не смогу...

— Только уточнить кое-что, — сказал он мягче. — Не станем ее расстраивать.

Жаклин удивленно посмотрела на непрошенных гостей. Она сидела на кровати в своей комнате и читала на ридере. Ната удивилась тому, что девушке удалось создать в комнате видимость уюта: приятное бежевое покрывало, какие-то безделушки на полке. Где только она умудрилась это раздобыть? Жаклин заметила ее интерес и сочла нужным объяснить.

— Ребята стащили это для меня в магазине. Им все равно надо было тренироваться. Вы ведь не за этим сюда пришли?

Роланд и Ната переглянулись, не зная с чего начать разговор так, чтобы не вызвать подозрений.

Натали села рядом, устраиваясь на мягком пледе.

— А для меня они стащат, как думаешь? Я тоже люблю красивые вещишки! Когда-то у меня была комната на самом верхнем этаже, под самым небом. Каждое утро я просыпалась от солнечного света. А ты? У тебя была своя комната.

Жаклин с подозрением посмотрела на Нату — чего это той вздумалось навязываться в подруги, отвлекать ее пустой болтовней. Но промолчать, видно, посчитала невежливым.

— Да, конечно, — ответила она. — Но не такая шикарная, как у тебя. Мы живем... Жили... В Медиуме.

— А твои родители чем занимаются? Ты говорила — а я забыла...

— У них сеть ресторанов.

Ната заметила боковым зрением, как брови Роланда удивленно приподнялись. Сеть ресторанов и программирование — как-то это не вяжется.

— Твой отец... Он, наверное, отлично готовит?

«Кошмар, что за глупости я несусь?»

Но Жаклин не почувствовала подвоха, наоборот, ее пробило на откровенность. Вспомнить дом было приятно.

— Если честно — ненавидит. Это мама больше занимается семейным бизнесом. А отец... В юности, говорят, был классным хакером. Так и накопил денег, чтобы заняться легальным бизнесом. Он не говорил, но я видела, что он продолжает подрабатывать потихоньку. Я несколько раз застукала его за написанием программ. Просил, чтобы маме я ничего не рассказывала...

Жаклин вдруг замолчала, глаза ее потухли...

— К чему все это? Он не отец мне больше...

Нату против воли порадовали эти слова, словно это снимало часть груза с ее души.

— Так ты не сильно расстроишься, если он умрет? — вырвалось у нее.

Роланд стоящий за спиной Жаклин выразительно на нее посмотрел и приложил палец к губам.

— Что ты хочешь сказать? — прошептала Жаклин.

— Ничего, ничего... Просто я так зла на своего, что, если встречу — убью на месте.

И Ната наигранно хихикнула, показывая, что это всего лишь шутка. Жаклин, однако, дурочкой не была, почувствовала подвох.

— Куда вы ездили с Айвоном и Гладисом? — спросила она, хмурясь. — На какую-то тренировку?

— Да, на тренировку... Ну, отлично поболтали. Мне уже надо идти!

Жаклин с подозрением смотрела им вслед, и Нате казалось, что даже в коридоре она продолжает ощущать ее взгляд.

— Ой, Ройл... Чуть сердце не остановилось... Это он. Это, правда, он... Как ужасно. И ничего не понятно...

И Натали вновь ясно вспомнила обо всем, что произошло, немедленно ощутив себя грязной и гадкой.

— Ты, наверное, и видеть меня больше не захочешь, — сказала она. Слова приходилось выдавливать из себя по капле. — Я... сама... виновата...

— Ого! — выдохнул Ройл. — Что я слышу?

— Это не смешно. Он умрет из-за меня...

Роланд поднял ее лицо за подбородок, заставляя посмотреть на себя.

— Послушай меня. Он пострадал не из-за тебя. Не ты его похитила. Эти люди просто воспользовались слабостью растерянной девчонки, которая еще сама не знает, как ей обращаться со своим даром.

— Проклятием... — хмуро пробормотала она.

— А вот жив он сейчас благодаря тебе. Слышишь? Ты остановила их в последний момент. И его еще можно спасти.

— Думаешь? — впервые за этот ужасный день впереди забрезжила какая-то надежда.

Ройл потянул ее за собой в комнату, которую занимал. Он выглянул в коридор, потом закрыл дверь и тихо сказал:

— Я думал все утро...

Роланд вдруг взял ее руки в свои и Ната испугалась. Что он хочет ей сказать?

— Едва ли я смогу помочь, оставаясь здесь.

У Натали сжалось сердце, такое вступление обозначало только одно — Ройл хочет уйти. Он прав, конечно, прав... После сегодняшней стычки у Понтия не должно остаться сомнений, что Роланд не друг им, не союзник, и никогда им не станет. Возможно, у него осталась последняя возможность, чтобы уйти незамеченным. Ната и сама ему хотела сказать тоже самое. Но отчего же тогда так больно и грустно?

— Да, тебе надо уходить, — прошептала она, сдерживая слезы. — Спасибо за все, Ройл.

Роланд качнул головой.

— Ты меня неправильно поняла. Я вернусь, как только смогу. Очень быстро. Ты мне веришь, принцессочка? Я хотел бы взять тебя с собой, но это может быть слишком опасно. Не хочу тобой рисковать.

— И уговаривать бесполезно?

Он поцеловал ее в лоб.

— Бесполезно. Они не станут искать меня, но на поиски тебя бросят все силы. В прошлый раз знали, что мы сами вернемся в ловушку, теперь ждать не станут.

Ната кивала, а на душе было тошно.

— Я вернусь, — повторил он. — Слышишь? Я должен понять, что здесь происходит,

чтобы вытащить всех вас... А ты пока позаботься о Морде. Договорились?

Рюкзак неразобраным так и стоял у стены с того самого дня, как они вернулись. Или Ройл уже заранее сложил его, зная, что сегодня уйдет. Он вытащил из бокового кармана браслет, похожий на тот, что Ната носила раньше. Браслет — маячок. Только первый был сделан из драгоценного металла, а этот — совсем простенький. Одел ей на руку.

— Если разорвешь — прилечу мигом. А пока просто буду знать, где ты.

Натали застыла, не веря все еще, что это правда, смотрела, как Ройл надевает на спину рюкзак. Он уйдет. Прямо сейчас шагнет за порог...

Он притянул ее к себе, быстро обнял и тут же отпустил, взялся за ручку.

— Стой, стой, подожди...

Как торопится, и лишней секунды не побудет...

Он обернулся, ожидая, а Ната приподнялась на цыпочки и прикоснулась губами к его губам, мечтая, чтобы он ответил на поцелуй.

Роланд отшатнулся было, а Натали закусила губу: как же глупо и неразумно она себя ведет. Да и... Кто же захочется целовать чудовище? И уже стыд обжег ее, она опустила руки, отступая. Но Ройл вдруг притянул ее к себе за плечи, их взгляды встретились. И Натали, даже не проникая в его мысли, увидела в его глазах бурю чувств: смятение, нежность, тревогу и что-то еще, нераспознанное ей. Но это чувство было словно отражение ее собственного огня. Словно неутоленная жажда.

Нату прежде никто не целовал в реальности. Первый поцелуй случился в виртуальном мире, когда она была героиней фильма, а Джек героем, спасшим ее. Она едва помнила, что же произошло тогда. Голова кружилась от восторга, но еще было ощущение чего-то неправильного. Это и не удивительно, ведь движения губ передавали силиконовые наклейки и датчики, закрепленные на лице. Тогда она не задумывалась об этом. Ведь это все же был Джек, и он целовал ее почти по-настоящему...

Как же она ошибалась. Настоящий поцелуй не шел ни в какое сравнение.

Роланд был сладким. А губы его мягкими и настойчивыми одновременно. Ната вновь ощутила, как рождаются и гаснут в груди огненные искры: Роланда хотелось выпить до дна. Вдыхать его запах бесконечно. Сгорать вместе с ним и вновь рождаться.

Она открыла глаза и их взгляды снова встретились. И на секунду Ната провалилась в его сознание, успев увидеть в это мгновение себя — раскрасневшуюся, немного испуганную.

Ройл неохотно, медленно выпустил ее из своих объятий. И Натали тоже долго не разжимала рук, обившихся вокруг его шеи.

«Сейчас он скажет: «Я не должен был этого делать...», — горько подумала она: «Сейчас он начнет сгорать от стыда и чувства вины...»

Роланд ничего не сказал, только на секунду прижал ладонь к ее щеке, словно оставляя частичку своего тепла. Уже все было сказано, все обещания даны. Он уходил, как солдат уходит на бой, дав слово вернуться.

Натали будет ждать. Ждать изо всех сил. Ждать так, как никого никогда раньше не ждала. И тогда с ним не случится ничего плохого. И тогда все-все будет хорошо.

Раздел второй. Роланд. Часть пятнадцатая

Кайя завелась не с первого раза, хотя Ройл всегда отлично ладил со своим стареньким автомобилем. Руки дрожали, и он просто не мог вдавить кнопку включения с достаточной силой.

Руки дрожали, хотя он был уверен, что ничто уже в этом мире не заставит его потерять самообладание. Мог ли он подумать несколько лет назад, поступая на службу Скандору Флину, что однажды будет целовать его дочь?

Ту самую девочку с колючим взглядом.

Нет, она уже не ребенок. И взгляд не насмешливый, не язвительный. Беззащитный и растерянный.

Маленькое чудовище. Роланд сделает все, чтобы вернуться к ней.

Кайя взлетела, вливаясь в поток автомобилей. Роланд знал, где находится то место, о котором говорила Ната: заброшенная маленькая фабрика по производству полимерных материалов. В Инфериоре много всего заброшенного — заброшенные дома, древние как мир фабрики, словно культурные слои, словно памятники истории Примариуса. Раньше их укрыли бы пласты земли, но на этой планете недостаточно почвы. Здесь всего недостаточно: воздуха, воды, еды. Город растет вверх, пряча в глубине себя разрушенные скелеты прежних времен.

Роланд знал, куда лететь, но не торопился, закладывая курс в автопилот, отправляя Кайю в полет по кольцу Инфериора. Ему надо было подумать, разработать стратегию. Пока он с трудом представлял, с чего начать распутывать этот клубок. Попытаться спасти отца Жаклин — это на первом месте гипотетического плана. На втором — понять, кто эти люди и чего они хотят. И что, черт возьми, вообще происходит?!

Отлично, два пункта уже есть, начало положено. Ройл усмехнулся: правда, пока план больше напоминает вопль отчаяния.

Нога дико ныла, хотя Роланд изо всех сил старался не обращать на нее внимания. Уходил, пытаясь не хромать, чтобы Ната не увидела его слабости. Этот проклятый удар шокера нарушил проводимость, мышцы то и дело скручивали болезненные судороги. Как не вовремя все это. Что же, придется терпеть, в конце концов, хуже, чем в том бою при Ритте все равно не будет...

Из оружия с собой только игтус, практически разряженный — так, поугатать. И нож... Им скорее смешить. Едва ли противники умрут от смеха, так что этот вариант пока отложим.

Нога болела невыносимо, так что от боли уже ломило виски. Ройл впервые, кажется, пожалел, что отказался вживить в мозг болеутоляющую капсулу — одно нажатие кнопки на браслете и боль как рукой снимет. Врачи, поставившие протез, предупреждали, что возможно множество побочных эффектов и незачем мучиться от боли, когда современная медицина предоставляет столько возможностей. Ройл отказался, предпочитая справляться сам. Но почему именно сейчас, когда нужно быть собранным и сохранять ясную голову, тело так его подводит.

Придется передохнуть, иначе к вечеру (а идти на дело раньше, чем наступят сумерки, смысла не имело) силы оставят его окончательно. Ройл послал запрос в навигатор автомобиля — разыскать ближайший пункт быстрой медицинской помощи, желательно

автоматический: он терпеть не мог расспросов по поводу увечья, а после его сухого ответа, где и когда он его получил, восторженных охов и ахов. Пункт отыскался неподалеку, как раз полностью автоматизированный — как удобно. Роланд перевел Кайю на ручное управление и спустился.

Бронированная кабинка была подсвечена зеленым — работает. В Инфериоре только такие, укрепленные, это в Медиуме и Альтитуде даже автоматизированные пункты медицинской помощи были больше похожи на беседки для отдыха, чуть не кружевами украшенные, а здесь, на Нижнем уровне, разнесут по щепочкам ради наркотиков и сильнодействующих лекарств. Роланд знал, что дверь откроется только в том случае, если автоматика решит, что его организму действительно требуется помощь. Поместил ладонь в узкое отверстие, через секунду почувствовал легкий укол — кровь взяли на анализ. Спустя еще пару мгновений дверь щелкнула и приотворилась.

Внутри узкий диван, диагностический монитор и капсула для погружения в «холодный сон», для тех пациентов, кто серьезно ранен. «Холодный сон» приостанавливает все процессы в организме, позволяя даже тяжелораненым дожидаться помощи. Когда-то Роланд и сам провел в «холодном сне» несколько долгих дней. Его передернуло от воспоминаний. К счастью, все, что ему требуется сейчас — это пара таблеток, чтобы унять боль.

Он приложил ладонь к панели диагностического монитора, тот заурчал, сканируя состояние организма. И урчание его невольно напомнило Ройлу о довольном мурлыканье Морды, пристроившейся ночью на его грудь. Он скучал по кошке, и надеялся, что та не слишком обиделась на него за то, что он уехал. Нате она сейчас нужнее...

Автомат выдал пару болеутоляющих таблеток, а потом, скрипя всеми внутренностями, выдал из щели отпечатанный список рекомендаций. Ройл бегло пробежал глазами напечатанные строчки: «Показан отдых... что-то там... Соляной компресс... Массаж... Категорически противопоказаны физические нагрузки...» Да-да, постараемся не напрягаться! Роланд невольно улыбнулся. Справимся с ними без лишних телодвижений.

Он отправил в рот одну из капсул и отправился к автомобилю. Сев за руль почувствовал, что лекарство начинает действовать. Неприятным открытием стало то, что выдали ему, похоже, что-то из сильнодействующего: разум затуманился, неудержимо клонило в сон. Ройл беззвучно выругался — это совершенно не входило в его планы, вот так, выпасть на несколько часов, оставив Натали без защиты. Как неудачно все получилось.

Роланд последним усилием воли сфокусировал взгляд на браслете.

— Координаты, — хрипло сказал он, даже губы уже плохо слушались. Над ладонью развернулась карта — голограмма. Вот это сиреневая, мерцающая точка — Ната. Две линии пересеклись на ней, выдав координаты. Стало чуть менее тревожно — она там, где он ее оставил час назад. Возможно, сегодня девочку оставят в покое. Хотелось в это верить...

И опять царапнула мысль — не надо было уходить. Но разумом он понимал — только так он сумеет что-то сделать. Или не сумеет... Но хотя бы попытается.

Ройл заблокировал двери и отрубился, крайне недовольный собой. Ну, по крайней мере, нога перестанет отваливаться при каждом шаге.

Пришел в себя уже в начинающихся сумерках, сразу же проверил координаты Натали — она была на месте, и отправился разыскивать аппарат по приготовлению суррогатного кофе. Нашел неподалеку и заказал двойной крепкий: химическая дрянь, но бодрит как настоящий. Нужна ясная голова перед тем, как что-то решить. А решать пора, если он твердо намерен спасти этого человека. Что за код он написал и зачем этот код так необходим Понтию?

Ройл дотянулся до рюкзака и вытащил из бокового кармана старенький клевверфон, открыл записную книжку и забил несколько коротких фраз, пока помнил. «Код «Черная звезда» Отец Жаклин. Связаны ли родители?»

Улыбнулся, чувствуя себя практически ловчим Службы Охраны Порядка. Подумал и добавил: «Узнать о других»

Ройл не обманывал себя, считая, что его знаний и навыков достаточно для того, чтобы распутать это странное, почти мистическое дело. Знал только, что выбора у него нет: он обещал Нате, а он привык выполнять обещания.

Со стороны заброшенная фабрика выглядела как заброшенная фабрика: фасад с темными выбитыми окнами, двор, усыпанный мусором. Ройл рассмотрел сколько смог, когда припарковал машину за углом и прошелся по смежной улочке, делая вид, что он житель Инфериора, идущий по своим делам. Хотя стены действительно излучали слабое серебристое свечение, которое вырабатывало энергетическое поле. Но если бы Роланд не был предупрежден о нем заранее, то сам ни за что бы не догадался. Следят ли они за внешним периметром? Ната говорила, что все мониторы выключены, но возможно пост наблюдения в другом зале? А если наблюдение все же ведется, то по всему периметру, или только со стороны входа?

Роланд задрал голову: фабрика выглядела древней, такой древней, что над ней не стали надстраивать дополнительные этажи, пусть даже укрепленные стабилизирующей системой — опасались, что в один момент все рухнет. Дежурит ли кто-то на крыше? Скорее всего — да. Но это, кажется, единственный возможный путь, пусть отчасти безумный. Здесь только два варианта — либо прокатит, либо нет. Будем надеяться — повезет.

Роланд смял пластиковый стаканчик из-под кофе, который все еще держал в руке и захромал обратно в сторону Кайи — нога уже не болела, но слушалась еще плохо. Заранее подготовил игтус, поставив на максимальный режим: по трубке пробежали красные огни — отлично, заряда хватит, чтобы оглушить пару-тройку противников, если потребуется.

Потом поднял автомобиль в воздух, используя не двигатели, а только лишь инверсионный механизм, позволяющий машине держаться в воздухе. На длинный полет его не хватит, только на несколько десятков метров. Зато это сделает перемещение Кайи практически бесшумным и невидимым: двигатели молчат, огни погашены. Правда, рискованно — Ройл был в курсе того, что среди молодых людей в последнее время стало популярным опасное соревнование — кто дольше продержится в воздухе, используя только силу инверсионного механизма. Многие разбивались...

Оказавшись на крыше, Ройл пару минут выжидал, не снимая руки с руля — возможно, придется отступить и искать другой путь, — но никто так и не появился. «Разгильдяи!», — усмехнулся он. Такая халатность ему только на руку, но отвечай Ройл за охрану объекта — устроил бы разнос нерадивым сторожам.

Он вышел, сжимая игтус в руке. Тишина, темнота. Только ветер волнами проносился по крыше, вздымая мелкую острую пыль. Если бы Роланд не знал, что это здание тщательно замаскированная лаборатория, то ничто бы не выдало ее в темном заброшенном строении фабрики. И лаборатория ли это? Для чего она им?

Множество вопросов не давало покоя, но Ройл мысленно отодвинул их на задний план: не до того сейчас. Пошел вперед, осматриваясь, ища дверь или какой-то лаз, который позволил бы проникнуть в здание. Нашел даже несколько, но все они были наглухо заварены пластик-пенной: бесполезно пытаться открыть. Пришлось признать — за крышей не следят

просто потому, что нет такой необходимости — здесь и мышь не проскочит.

Ройл вернулся к автомобилю. Этот план был недостаточно безумным, а по-настоящему безумный план уже созрел в его голове. Правда, шансы на успех практически нулевые...

Роланд серьезно задумался, стоит ли рисковать. Если что-то пойдет не так, то Ната останется одна... Но если он сейчас уйдет, то, возможно, будет потеряна единственная ниточка, которая позволила бы распутать этот клубок.

Так же бесшумно, используя тягу инверсионного механизма, он вернулся на прежнее место, потом завел двигатели и, больше не таясь, опустил Кайю посреди заброшенного двора.

Заряженный игтус в кармане куртки, правую руку обмотал старой футболкой, вытащенной из рюкзака — на случай, если заряда игтуса не хватит и придется идти в рукопашную.

Не успел пройти и нескольких шагов, как к нему вышел парень с электрочарядником в руках. Эта штука сильнее шокера в разы, здесь сбоем импульсов в протезе дело не обойдется. Один разряд и Роланд отправится туда, куда должен был попасть еще много лет назад, после того, как его челнок смялся от удара чудовищной силы. Тогда Роланд испытал сначала фантомную боль, когда его квази-тело подверглось разрушению, а мгновения спустя захлестнула боль реальная: десятки металлических осколков прошли его насквозь...

— Это закрытая территория, — сказал парень, вполне миролюбиво. — Попрошу покинуть ее.

Ройл в который раз пожалел, что природа обделила его актерскими способностями, и хотя бы мало-мальски творческим воображением. Что поделаться, придется импровизировать с тем, что есть.

— Меня прислал Понтий, — ответил он, стараясь выглядеть убедительным и дружелюбным, надеясь, что парень не обратит внимания на то, что обе свои руки он не вынимает из карманов. Или обратит, но подумает, что это жест небрежности и уверенности. Ройл сделал невозмутимое лицо — «да, я имею право здесь быть».

Возникла пауза, во время которой охранник в упор рассматривал Роланда, тот в ответ так же открыто смотрел на него.

— Зачем прислал? — наконец спросил он.

Хотя бы здесь повезло. Очень неудачно получилось бы, окажись Понтий здесь же.

Так, здесь надо выдумать повод, который не вызовет подозрений. Не заставит насторожиться. Ройл сдержался, едва не сказав: «Забрать пленника», этому не поверят. Ему сейчас главное попасть в здание.

— Кто за главного? Я буду разговаривать только с ним.

Парень опять осмотрел Роланда с ног до головы.

— Ладно, пошли, — сказал он наконец. — Но я с тебя глаз не спущу.

Ройл дернул плечом, мол, твое дело.

Ройл надеялся в ночное время встретить нескольких охранников. Возможно, если повезет, все они, кроме дежурного, будут отдыхать.

Не повезло: зал был заполнен людьми. Бегло осмотревшись, Роланд насчитал не меньше десяти — это те, что на виду, а ведь здесь, наверняка, не только это помещение. Засада. Мониторы включены — все заняты делом. На большой экран выведена странная черно-белая схема, некоторые ее сектора были подсвечены разными цветами. Время от времени какой-нибудь серый сектор менял цвет на желтый, или зеленый. Очень немногие горели красным.

Ройл догадался в чем дело — все собравшиеся активно работали над расшифровкой кода — ключа, полученного у отца Жаклин. Все же образование инженера он получил не зря. Знания уже были не так свежи, но сейчас, когда он следил за работой команды, понял, что многое еще помнит.

Появилась одна идея... В конце концов, одним безумным планом больше, одним меньше...

Когда из смежного помещения вышел к нему мужчина, протянул для рукопожатия руку и представившись Фемидием спросил у Роланда, зачем Понтий его прислал, Ройл ответил, что его попросили оказать помощь в расшифровке кода.

Видимо, усталость и ночное время работы сыграли Роланду на руку. Или он удачно пришел именно в тот момент, когда нужны были свежие силы. Никто даже не попытался связаться с Понтием, чтобы проверить эту информацию, возможно, посчитав, что осведомленность Роланда говорит сама за себя. Так или иначе, но уже через несколько минут он получил рабочее место и доступ к программе. Как удобно.

Часа два честно работал и даже расшифровал один кластер, добавив к схеме красного цвета. Он почти не поднимал головы, но все же успел заметить, что людей становилось меньше: один за другим они покидали рабочие места. Чтобы могло означать? Сейчас придет вторая смена?

Чтобы там ни было, но в зале кроме Роланда оставалось трое. Охранник у выхода. Фемидий в соседнем помещении. И отец Жаклин, которого он за все время так и не увидел, возможно, тоже там. Чем быстрее идет расшифровка кода, тем меньше у него времени. И сейчас, может быть, самый удобный момент для того, чтобы попытаться что-то предпринять.

Ройл встал, потянулся, протер покрасневшие веки, всем видом показывая, что должен немного размяться, прежде чем продолжать работу. В зале стоял небольшой комкух для приготовления горячих напитков. Роланд налил себе кофе, подумал, и наполнил еще один пластиковый стаканчик. Повернувшись спиной к залу опустил в один из стаканов таблетку, последнюю из тех двух, что получил в медицинском пункте.

Если не прокатит, тогда... Но будем надеяться — сработает.

Не таясь и не скрываясь, он вышел за дверь, которая должна была, он надеялся, привести его к Фемидию. Если кто-то его видел в этот момент, то просто решит, что Роланд знает, что делает. Ведь он один из своих, так? Вон, работал не покладая рук.

За общим залом располагался темный узкий коридор, в конце которого горел неяркий свет. Ройл отправился туда.

Фемидий набирал что-то на планшете, услышав шаги, поднял голову.

— Что?

Роланд продемонстрировал оба стаканчика, которые держал в руках. Поднял их вверх и приветливо улыбнулся, мысленно пытаясь представить, что напротив него сидит не враг, а кто-то близкий. Притворство никогда не было сильной его стороной, но на что только ни пойдешь ради дела.

— Надо и отдыхать иногда, — сказал он. — Кофе?

Фемидий приподнял бровь, удивившись, но отказываться не стал.

— Как раз хотел сделать перерыв.

Ройл, продолжая игру, присел на край стола, сделал пару глотков. На секунду мелькнула жуткая мысль, что он перепутал стаканы, хотя понимал, что это невозможно. Боковым

зрением следил за Фемидием: тот вдохнул аромат, потом отпил. Отлично! Но времени теперь в обрез.

— А этот где? — спросил Ройл небрежно, — Так и молчит?

— Молчит... Если бы разговорился, мы бы здесь ночью не сидели.

Фемидий был зол и не скрывал этого.

— Я хотел вновь привлечь альфу, но Понтий уверяет, что от нее пока вреда больше, чем пользы. Не факт, что этот переживет ее второй раз.

Альфа... Это про Натали. Почему альфа? Надо запомнить.

— Я и сам пытался его разговорить — куда там. Хлюпик хлюпиком, а слова не вытянешь.

— Хочешь я попробую? — словно между делом поинтересовался Ройл, пытаясь ничем не выдать своего нетерпения: вон он, его шанс. — Я и не таких могу заставить разговориться.

Фемидий пожал плечами.

— Да пробуй, с него не убудет. Сейчас допьем и сходим.

Э, нет, если ты кофе допьешь, то уже никуда не сможешь идти...

Ройл решительно поставил стаканчик с недопитым кофе на стол:

— Прямо руки чешутся. Идем. Заодно и разомнемся.

Фемидий посмотрел удивленно, но кажется энтузиазм Ройла его заразил. Он сделал несколько быстрых глотков и кинул опустевший стаканчик в корзину для мусора. Вот это неудачно получилось... Но будем надеяться времени хватит.

Он достал из кармана связку ключей. Удивительно, Ройл нечто подобное видел только в детстве на картинках в книжках для малышей: настоящие железные ключи с бородками, они гулко звенели, напомнив Роланду какой-то невероятный музыкальный инструмент. Хотя, вполне объяснимо — фабрика древняя, замки в дверях просто не стали менять на электронные.

— Идем!

Фемидий пошел вперед, чуть покачиваясь — лекарство начинало действовать.

— А я устал сильнее, чем думал, — он потер виски. — Как достала эта вечная спешка!

Ройл сочувственно покивал, прикидывая в уме, сколько у них времени. Только бы успеть.

К счастью, далеко идти не пришлось — Фемидий отпер соседнюю дверь, хлопнул в ладони, заставляя свет загореться. Роланд увидел пустую комнату — совершенно пустую, если не считать груды тряпья, сваленного на полу. Груда начала слабо шевелиться и Ройл понял, что это человек, до подбородка замотанный в покрывало, спеленатый, словно кукла.

Его лицо, которое он попытался приподнять, чтобы посмотреть на вошедших, было покрыто кровоподтеками — не иначе Фемидий постарался. Сволочь.

Роланд оценивающе посмотрел на Фемидия — готов тот уже потерять сознание или надо ему помочь? Тот стоял, прислонившись к стене и вытирал со лба выступивший пот, изо всех сил борясь с сонливостью. Взгляд, однако, был еще разумный: он смотрел на Ройла с ненавистью: догадался, что кофе был ему предложен не просто так.

— Ты отравил меня, — процедил он сквозь зубы.

— Не смертельно, через несколько часов придешь в себя, — и не сдержался, добавил, усмехнувшись: — Зато выпишься.

Часть шестнадцатая

Договаривал уже в пустоту, потому что Фемидий в эту секунду словно куль свалился на пол, так приложившись головой, что даже у Ройла зубы заныли. Будет мучиться от головной боли, когда очнется. Однако, этот способ все же более гуманный, чем то, что они сделали с несчастным программистом.

Тот с бесконечным ужасом взирал на Роланда, подозревая, что эта встреча принесет ему только новые страдания.

— Все в порядке, — как мог успокоил его Ройл. — Я сейчас все объясню.

Он перетащил тело Фемидия вглубь комнаты, запер дверь изнутри. Ключи, взвесив на ладони, отправил в карман. Забавная штучка, может быть Нате понравится. Потом подошел к отцу Жаклин.

— Я знаю кто вы, — сказал он. — Я постараюсь вытащить вас отсюда. Сейчас освобожу — только не кричите, и не пытайтесь бежать. Обещаете?

Человек несколько раз быстро кивнул, соглашаясь.

Роланд попытался разорвать материю, которой был обмотан лежащий на полу человек, но та была слишком плотной. Пришлось поддеть ножом, тогда дело пошло лучше. Рот программиста, как выяснилось, был заклеен пластырем, потому он и не произнес до сих пор ни слова.

— Потерпите.

Ройл сдернул ленту, заклеившую губы.

— Как вас зовут?

Тот смотрел с подозрением и молчал.

— Ладно, неважно... Может быть, когда я вытащу вас отсюда, вы станете больше мне доверять... Идти сможете?

Кисти рук программиста были неестественного голубоватого цвета — ток крови в них почти остановился за то время, что он провел спеленатый на полу. Поэтому Ройл смотрел на него с сомнением, размышляя на тем, как бы изловчиться так, чтобы одновременно придерживать пленника и отстреливаться, если понадобится. Да кого он обманывает... Непременно понадобится. Почти разряженный игтус против электроразрядника, полторы калеки против четырех здоровых людей... Есть ли хоть какие-то шансы?

— Я пойду сам, — слабо сказал отец Жаклин. Голос его был едва слышен, но он уже стоял, пошатываясь на ногах. — И дайте мне нож... На всякий случай...

Все-таки будем смешить противника ножом? Ну, ладно.

Ройл молча протянул нож программисту.

— Может быть представитесь, раз мы с вами теперь напарники.

— Лоренс. Довольны?

— Вполне, — Ройл был немного удивлен властным тоном, который прорезался в голосе этого человека.

— Я пойду вперед, — счел нужным добавить он, а то у Лоренса ума хватит рвануть первым. Ройл и прежде был свидетелем того, как ощущение близкой свободы губило людей. Многие гибли в последние минуты боя, продержавшись почти до конца. Видели, что помощь близка и совершали роковые ошибки. — Надо быть предельно осторожными и...

— Хорошо, отлично, — довольно грубо оборвал его Лоренс, который с каждой секундой

становился все более самоуверен. Несмотря на то, что он был слаб и измучен, держался с достоинством, и даже с некоторым превосходством. Роланд понял, что благодарности за спасение он, пожалуй, не дожидется... Как ему потом самому счет не выставили...

Не важно. Он это делает не ради благодарности, а для того, чтобы разобраться во всем и помочь Нате.

Ройл отпер дверь, осторожно выглянул в коридор: все было тихо — никто ничего пока не заподозрил. Действительно, прошло не так уж много времени с того момента, как Роланд покинул свое рабочее место. Навскидку — не больше пятнадцати минут. Хотя субъективно казалось, что прошли часы.

Он заранее приготовил игтус. И шагнув из коридора в зал сразу же, стараясь не шуметь и не привлекать лишнего внимания, выпустил заряд в человека, увлеченного работой. Боковым зрением успел заметить, что их по-прежнему трое в зале. Минус один. Нет, не убит — оглушен.

Второй вскочил на ноги, глаза удивленные, рот приоткрылся в безмолвном крике. Хорошо, что безмолвном — чем позже появится охранник с электроразрядником, тем лучше. Минус два.

Мимо проскользнул Лоренс, шел согнувшись, его шатало из стороны в сторону, но он был упорным в своем стремлении. Выставил перед собой нож-кредитку, выглядевший в его руках нелепо и неопасно.

— Куда?! Назад! — прошипел Роланд, в голос кричать было нельзя — услышат. Протянул руку, пытаясь сцапать программиста за плечо, но не успел.

Все происходящее заняло считанные секунды. За это время третий из находившихся в комнате только начал подниматься. Он так погрузился в работу, что не сразу сообразил, что вокруг него происходит нечто странное. Замешкался на доли секунды. В глазах его, по-детски растерянных, будто еще продолжали бежать столбики цифр, а мозг все еще работал над кодом. «Зачем вы отвлекаете меня?» — словно спрашивали они.

Роланду даже жаль было вырубать беднягу. Минус три. Отлично.

Остался охранник на входе и...

В это время Лоренс как раз доковылял до третьего, который обмяк и сполз ему под ноги. Лоренс видел, что он без сознания, не мог не видеть. Однако это не помешало ему наклониться и с остервенением воткнуть ему нож в плечо. Потом в ногу. Он замахнулся еще раз, но Роланд подоспел и оттащил сбрендившего программиста в сторону. Острие ножа было, к счастью, не больше трех сантиметров длиной — человек, лежащий на полу был ранен не сильно.

— Успокойтесь! — тихо, но насколько возможно строго сказал Ройл. — Немедленно. Иначе мы не выберемся.

Тот кивнул порывисто, соглашаясь.

— Я знаю, что вы пережили, но постарайтесь держать себя в руках.

На удачу, охранник так и не появился — прекрасно. Роланд проверил заряд игтуса — вот здесь все не очень хорошо: у него оставался один, максимум два заряда.

— За мной.

Между внешним выходом, ведущим наружу и внутренним, ведущим в зал, располагался узкий проход. Охранник должен быть там. Ограниченность пространства должна сыграть на руку — Роланд попытается выстрелить первым — у парня с электроразрядником почти не будет шансов увернуться.

Он так и поступил — выстрелил почти не глядя, мысленно составив в голове трехмерную модель пространства. И промахнулся.

Понял, что промахнулся, когда услышал треск и жужжание набирающего силу электрорядника — секунда и последует выстрел.

«Назад!» — хотел крикнуть Роланд, пытаясь просчитать в тот же момент пути отступления. Спрятаться за выступом стены, выждать момент, когда охранник сунется в комнату — а он рано или поздно попытается выглянуть, и попробовать еще раз применить игтус. Все это за доли секунды пронеслось в сознании, но Ройл даже слова произнести не успел — Лоренс не думая ни о чем, а только стараясь выбраться на свободу, рванул вперед и попал под выстрел. Роланд, забежавший следом, увидел, как он впечатался в стену, отброшенный мощным ударом. Как сполз по ней на пол и застыл, вывернув неестественно руки.

А электрорядник снова шумел, заряжаясь. Ройлу не оставалось времени на раздумья. Он только надеялся, что игтус не подведет его, и индикатор заряда, мигающий красным почти на нуле, все же не обманывает его и позволит совершить один последний выстрел. На этот раз повезло — охранник вскинул руки вверх, словно собирался сдаваться, выронил оружие и мягко осел на пол.

Роланд подхватил тело Лоренса, не думая сейчас о том — жив ли тот, умер — разберется в машине. Хотя в глубине души плескалась горечь — как глупо получилось, почти выбрались... Почти... Единственная ниточка может быть оборвана.

Лоренс был жив. Роланд вкатил ему максимальную дозу Релевита, который всегда возил с собой в бардачке кайи на экстренный случай. Релевит выпускали только для военных нужд — бывший армейский товарищ помог достать несколько ампул — шприцов. Предпоследний Роланд израсходовал год назад, когда внезапно попал в аварию. Ремень безопасности тогда едва не перерезал его пополам, и Ройл, хватая воздух посиневшими губами долго пытался нащупать крошечную ампулу Релевита, которая, как назло затерялась среди спутанных старых проводов, деталей и тряпок. Потом все же нащупал и вколол в шею — и его словно ледяной волной окатило, боль растворилась, голова стала ясной. Роланд знал, что препарат чинит поврежденные сосуды, клетки регенерируют с огромной скоростью, так что даже глубокие порезы и раны заживают почти мгновенно. Иногда людей удавалось буквально вытаскивать с того света. Но при серьезных повреждениях Релевита требовалось гораздо больше. Роланд смутно помнил свою последнюю битву, вернее поражение в ней... Пока смятый челнок не отбуксировали на крейсер, Роланд израсходовал весь запас положенного симбам Релевита. Пятнадцать капсул. Он не умел сдаваться. Медики были сильно удивлены, когда обнаружили в смятом и изломанном корабле смятого и изломанного, но все еще живого человека...

Лоренс был жив, но Роланд уже понимал, что даже Релевит его не спасет, а лишь отсрочит неизбежное. Лоренс дышал едва слышно, по его шее, в том месте, куда пришелся удар электрорядника, змеились черные выжженные полосы.

Роланд поднял машину в воздух и там, где его никто не мог слышать, дал волю чувствам — сначала применил все ругательства, которые вспомнил — не полегчало. Тогда он просто принялся орать, выворачивая руль так, что автомобиль встал почти вертикально, рискуя свалиться в штопор. Каким-то чудом не упал. А Роланд только встроившись в ряд трассы Медиума, понял, какой путь он подсознательно выбрал — малый Центральный парк.

На траве чуть влажной от вечерней росы, под освежающими порывами ветра, Лоренс

пришел в себя. Зашарил на шею скрюченной правой рукой. Левая, согнутая под неестественным углом, безжизненная лежала на груди. Роланд понял, что он пытается обнаружить — медальон. Забыл, что его уже нет.

— Лоренс, — громко окликнул он его. — Открой глаза, посмотри на меня.

Кто знает, сколько ему времени осталось. Надо попытаться что-нибудь узнать, пока не поздно.

— Лоренс! — Роланд потряс его за плечи. Тот застонал, но открыл глаза, и в них появилось осмысленное выражение — он смотрел прямо на Ройла и силился что-то сказать. Губы кривились и не слушались.

Роланд приподнял его, пытаясь усадить, зная, что так дышать станет легче.

— Что такое «Черная звезда»? Зачем к ней нужен код-ключ?

Он пристально смотрел на шевелящиеся губы, пытаясь угадать слова. Лоренс вздохнул глубоко и выдохнул одно-единственное слово:

— Луксор.

После этого голова его поникла. Роланд понял, что держит на руках бездыханное тело.

Опустошенный, он долго сидел в автомобиле. Тело Лоренса он оставил в парке — утром его найдут и свяжутся с семьей. Ройл больше ничего не мог для него сделать.

Произнесенное Лоренсом слово не давало покоя. Вкладывал ли он в него какой-то смысл или просто бредил? Ройл сразу же забил слово в поисковик и выяснил, что помимо современных многочисленных магазинов, фирм и торговых марок, когда-то такое название — Луксор, носил древний город на Земле. Планета- прародина, центр колонизации. Далекие потомки землян, расселившиеся по галактике, продолжали изучать в школах краткий курс истории Земли, пытаясь таким образом не забывать, что все они происходят от общего корня. И не допускать больше тех кровопролитных братоубийственных войн, которые разворачивались между планетами — колониями в прошлые века.

Хотя это не всегда помогало. Вообще не помогало, если говорить откровенно. Роланд считал, что войны стали редки не из-за того, что люди образумились и поняли, что все они братья. А потому, что военная мощь возросла настолько, что каждый бой превращался смертоубийственную резню, в которой не оказывалось победителей. Хотелось верить, что такие локальные конфликты, как последний между Примариусом и Литарой, повторятся не скоро. Роланд сам был свидетелем того, как бессмысленна и беспощадна война, ведь он как раз принимал участие в сражениях на стороне Примариуса. После боя при Ретте, когда потери с обеих сторон достигли десятков тысяч, наконец был заключен долгожданный и всеми желанный мир.

Битва при Ретте... Так и не дает ему покоя в последние дни, постоянно лезет в голову... Роланд потер виски, пытаясь заставить себя забыть. Вытащил клеверфон, добавил к записям еще одно слово «Луксор».

Он долго смотрел на несколько строчек на экране гаджета. Каждая из них как безмолвный вопрос, на который нет ответа. И совершенно непонятно, куда двигаться дальше.

Чтобы отвлечься, Роланд проверил координаты Натали. Сиреневая точка на экране теперь не мерцала — была неподвижна: значит Ната спит сейчас в своей комнате. И Морда пристроилась ей под бочок, положив рыжие пушистые лапы ей на руку. Ройл представил это сейчас так ясно, словно видел наяву. «Мои девочки...»

Он откинулся в водительском кресле, пытаясь включить логику и попробовать

установить связи. Картина вырисовывалась странная, совершенно ирреальная. Похищены дети самых влиятельных семей. Нет, даже не похищены — любящие родители сами отдали их преступникам, объявили умершими. Просто вычеркнули из своей жизни. А дети оказались совсем не простые — каждый обладает невероятной способностью. Роланд, конечно, слышал о людях, которые обладают феноменальными математическими знаниями, или гениально сочиняют стихи, могут цитировать по памяти книги, но до последних событий и предположить не мог, что человек может воспламенить вещи, гасить свет, пением отключить волю. Забраться в чужую душу и разрушить ее... Фемидий назвал Натали «Альфой», и Роланд сам заметил, что с ее появлением способности всех активизировались, стали сильнее во много раз.

Похитители детей — это не просто преступная группировка, а целая организация, со своими руководителями, штабом, лабораториями. Понтий не обычная пешка в этой игре, но и к руководящей верхушке он не принадлежит — он больше похож на лидера ячейки. Надо понять — эта ячейка единственная или одна из многих?

Люди, которые составляют организацию — странные. Ната называла их «Серыми». Роланд не мог точно обозначить, в чем их неестественность, но был согласен с Натали.

Так, что еще... Ната сказала, что в воспоминании отца Жаклин промелькнула его мысль о «Группе», для которой он писал код-ключ. Значит ли это, что «Серым» противостоит некая «Группа»? Кто в нее входит?

И что это за «Черная звезда», в конце концов?

Одни вопросы и ни одного ответа... Роланд устало потер виски.

Ночь. Тьма во внешнем мире. И на душе так же темно.

Где-то глубоко-глубоко мысль, словно серый призрак, мелькнула и тут же растаяла. «Зачем ввязался...»

Всегда ввязывался, такая уж у него суть...

Роланд редко вспоминал, но сейчас что-то сдвинулось в сознании, и растревоженные воспоминания выплывали из темноты одно за другим. То битва у Ретты не отпускает, стоит расслабиться: тут, как тут, берет его в свои ледяные объятия... То...

... Когда заболела Лесса, Ройл сам предложил испуганной, растерянной маме отдать его учиться в Академию. Они должны неплохо заплатить. Этих денег хватит... Главное ведь, чтобы сестренка осталась жива.

Врач на консультации сказал, что в последнее время болезнь эта встречается все чаще, даже среди самых молодых пациентов. «Дурной воздух, дурная еда, — сказал он. — Что вы хотите... Странно, что все мы еще не вымерли...»

Денег хватило на два курса лечения. Мама как могла старалась передать весточку, хотя официально связь с родными была под запретом. Мальчики теперь принадлежали академии. Но Роланду хватало даже эти двух-трех слов, украдкой переданных дежурным, для того, чтобы переносить все тяготы первого года обучения, когда его душу, еще юную и не покрытую шрамами, ежечасно, ежеминутно старались сломать, втиснуть в рамки.

Третьего курса лечения не понадобилось...

Он тогда лежал всю ночь без сна на своей койке, глядя в темноту, мучаясь вопросами. Зачем все? Жизнь потеряла всякий смысл. И Лессу не спас, и себя продал в рабство...

И главное, не рассказать никому, сочувствия все равно не дождетя. Во-первых, как только переступаешь порог академии, можно сказать становишься сиротой. Так чего ноешь теперь? Во-вторых... Мальчишки — курсанты просто не умели показать своего сочувствия,

поспешно отводили глаза, обрывали разговор...

Роланд вспомнил последний вечер дома — утром он должен был идти в Академию. Мама поставила перед ним кружку с какао. Настоящим, не суррогатным. Бешенные деньги стоит, а деньги Лессе сейчас нужнее... Но Ройл ничего не стал говорить, понимая, что мама хотела побаловать его напоследок.

Она безмолвно стояла какое-то время рядом, а потом прижала к груди его голову.

— Уголек... Мой родной... Я не хочу потерять вас двоих...

— Я должен пойти, мама. Я должен хотя бы попытаться ее спасти. Я очень зол на эту планету! Очень! Как там врач сказал: дурной воздух, дурная вода... Нет, так просто я не дамся.

— Ох, Роланд... Один против всего мира. Тебе не выиграть в этой борьбе...

— Хотя бы попробую, — хмуро ответил он. — И вообще... Ты помнишь, ту сказку, что часто рассказывала мне в детстве? Про сына дракона... И проклятие, наложенное на него. Когда все в мире против тебя и пытается погубить, то спасает только...

— Мы живем не в сказке, Ройл.

Роланд не заметил, что начал скатываться в сон... Воспоминание померкло, словно кто-то выключил свет.

Он отключился всего на несколько минут: последствия нервного напряжения. На самом деле Ройл выпался днем и чувствовал, что впереди его ждет бессонная ночь.

Проверил еще раз координаты Натали. А потом еще раз. Подумал, что, пожалуй, так можно и с ума сойти, глядя на сиреневую точку на пересечении линий. Она спит и все равно не почувствует его взгляда.

Надо было срочно чем-то занять себя. С какого конца начинать распутывать этот клубок, он пока не представлял. Значит надо отвлечься, подумать о другом. Иногда полезные идеи приходят в голову тогда, когда меньше всего этого ждешь.

«Поеду к Майку», — подумал он.

Майк, его сослуживец, получил военную пенсию в тот же год, что и Ройл. Они вместе служили на борту крейсера, Роланд в отряде Серебряных, Майк в отряде Красных. Вместе участвовали в битве при Ретте. Роланд потерял ногу, но в общем отделался малой кровью. Майк потерял туловище ниже пояса и теперь навечно был прикован к аппарату, который заменял ему внутренние органы. Роланду было тяжело его навещать, не потому, что он чувствовал неловкость перед товарищем за свою куда более счастливую судьбу, а потому что беседы их рано или поздно приводили к одной теме — последней битве. А Ройл не любил ее вспоминать.

Однако, два раза в месяц он обязательно появлялся в маленькой служебной квартире Майка, квартире, которую ему выделило государство, и которую заберет после его смерти. И все же, хоть Ройл не хотел себе в этом признаваться, эти встречи были нужны и ему самому. Просто для того, чтобы не забывать, кем он был.

Инфериор, но не самое дно, ближе к Тандему. Здесь по ночам даже иногда были видны звезды. Ройл знал, что, не смотря на глубокую ночь, Майкл будет рад ему.

Дверь отворилась, когда Роланд наклонился к миниатюрной камере, встроенной в дверь — Майк получил сигнал на экран монитора, разглядел посетителя и со своего пульта отрыл замок.

После рукопожатий и дежурных вопросов о жизни, Роланд привычно уселся в кресло напротив Майка. Тот уже привел установку, поддерживающую в нем жизнь, в вертикальное положение. Ройл разбудил его своим неожиданным визитом.

— Ты сегодня поздно, — Майк мельком взглянул на часы. — Или рано... Что-то случилось?

Роланд хотел сказать: «Ерунда». Ни к чему было волновать друга, который едва ли сможет помочь, но неожиданно для себя сказал:

— Случилось.

Опешил от своей несдержанности, но поздно — сказанного не воротишь.

— Подожди, сейчас приготовлю нам по рюмочке...

Майк довольно резво, несмотря на то, что установка производила впечатление тяжелого и неповоротливого агрегата, скатался на кухню и вернулся с бутылкой из коричневого стекла и двумя крошечными рюмками, зажатыми под мышкой. Роланд посмотрел иронично на эти наперстки.

— Э-э... Дружище. Разговор, пожалуй, для стаканов, не для рюмок.

— Понял, — не растерялся Майк.

Сначала просто молчали, тихо потягивая пойло, которое Майк охарактеризовал как «по вкусу, может, и машинное масло, но мозги на место ставит». Роланд не чувствовал пока, что мозги встают на место, зато с каждой минутой все больше ощущал опустошение.

— Она никогда меня не замечала, — услышал он вдруг свой голос, словно со стороны. — Мне кажется, что она даже не понимала, что я один человек, а не двое, трое...

— Твоя дрянная девчонка? Эта... Как ее... Натали? — сочувственно уточнил Майк. — Это из-за нее ты так расстроен? Чего она опять натворила? Если честно, будь моя воля, я давно бы уже хорошенько всыпал ей ремня. Не доведет до добра ее характерец. И на месте отца я бы задумался!

— Он задумался, — усмехнулся Роланд.

И посмотрев в недоумевающие глаза друга, понял, что теперь деваться некуда — придется рассказывать. Чем больше пустели стаканы, тем ярче и подробнее становился рассказ. Майк не перебивал, только с силой тер иногда переносицу, словно пытался таким образом утрамбовать в голову эти совершенно нереальные события.

— Звучит как бред, да, — согласно кивнул Ройл, он и сам, услышав эту историю от кого-то другого, не поверил бы...

— Роланд, будь это не ты, я бы первый заявил, что рассказ твой — вранье. Но, Ройл, надо признать, врать ты никогда не умел, даже когда очень старался. Однако... Дай мне минуту прийти в себя...

— Да сколько угодно, — буркнул Ройл, но уже стало легче — словно он разделил тяжелую ношу с другом. Осушил одним махом остатки черного напитка — даже в висках заломило, и тут же налил себе снова.

— Что думаешь делать? — спросил Майк, и вдруг без всякого перехода: — Любишь ее, да, старина?

Ройл едва не подавился следующим глотком.

— К чему ты это? Я ее телохранитель, я не мог просто так ее бросить там...

Майк кивал, улыбаясь едва заметно, словно говорил: «Ну да, конечно, верю, верю».

— Да что за глупость... Знаешь, откровенно, любить ее не за что... Все годы, что я проработал на ее отца... Неважно. Она в опасности. Она и другие. Я обещал помочь!

Майк кивал. «Верю, верю, дружище!»

— И знаешь, сложно было ей вырасти нормальным человеком в этой обстановке. Отец ее любил как будто, но любил странно. Избаловал. И к тому же, меня не отпускало ощущение, словно он испытывает постоянное чувство вины перед ней... Ни матери, ни нормальных друзей вокруг, одни подхалимы.

Майк кивал.

— И чего ты хочешь от меня услышать?! — почти взорвался Ройл, но тут же понизил голос. — Я ее поцеловал, да. Не знаю, что на меня нашло... Этого точно не следовало делать.

— М-м-м, — сказал Майк.

Роланд плеснул себе в стакан последние капли, с сожалением поболтал бутылкой — пустая. Хотя это к лучшему, завтра надо иметь ясную голову.

— Все это глупость несусветная. Я безработный телохранитель, без перспектив в жизни. И... Да... Я люблю ее! Без каких бы то ни было логических объяснений.

— Потому что добряк Роланд проникается нежными чувствами к любому несчастному существу, выброшенному за порог. Будь то кошка... Или девушка.

Ройл вскинулся, поднялся, сжимая кулаки.

— Не будь ты калекой, приложил бы сейчас...

— От калеки слышу, — беззлобно откликнулся Майк. — Сядь, не кипеши. Давай лучше подумаем, что делать дальше.

Роланд сел, ему уже было стыдно за свой порыв. К тому же, Майк как всегда прав. Еще бы самому разобраться — настоящая это любовь или только желание защитить ту, чьей жизни угрожает опасность...

— Едва ли в сети найдется что-то полезное, скорее всего информацию обе стороны тщательно скрывают от распространения, но может найдем хоть что-то? — Майк уже бодро стучал по клавиатуре, выдавая запросы один за другим. Сидя дома, он зарабатывал тем, что писал программы, а вся его жизнь сейчас проходила в сети. Он ориентировался здесь отлично и легко мог отыскать все, что скрыто, если это вообще существовало где-то. Роланд смотрел только на его быстрые пальцы, а за строчками, которые появлялись на экране, даже не пытался уследить.

— По «Черной звезде» ничего нет, — сообщил, наконец, Майк.

— Не удивительно... — Роланд все равно почувствовал разочарование, хотя с самого начала знал, что эта затея ни к чему не приведет.

Майк, однако, дела не оставил, продолжил посылать и обрабатывать запросы.

— По Луксору только общеизвестные факты, — сказал он. — Ты уверен, что услышал именно это слово?

— Да, уверен... — на самом деле Ройл был уже ни в чем не уверен.

— Ладно.

Майк продолжил выстукивать дробь на клавиатуре, хотя Роланд не знал, чего он там еще пытается найти — оба пути вели в тупик.

— А вот здесь кое-что интересное... — Майк, прищурившись, вглядывался в экран. Махнул рукой, приглашая Ройла присоединится к нему. — Это известная информация. Гибель «Олимпиака» на орбите.

— Та катастрофа, в которой погибла мать Натали? — удивился Роланд. — Да, это всем известно. Но причем здесь это?

— Может быть и не причем. Но! Я подумал, что надо исследовать всю информацию, так или иначе касающуюся прошлого Скандора Флина и Натали. И, похоже, здесь кое-что потеряно...

— Потерто? — не понял Роланд, пожалев в этот момент, что выпил так много — мозг отказывался соображать.

— Да. Понимаешь, отец Натали был тогда никем. Никому не известным изобретателем. Все, что касалось его в то время, никого особо не интересовало, а информация о погибших в катастрофе была доступна каждому. Но я заметил следы того, что кое-что в документах изменили уже позже. Думаю, это произошло после того, как Скандор Флин получил достаточную власть и известность, чтобы его личной жизнью начали интересоваться. Здесь указано только то, что среди погибших находилась Евгения Флин — жена Скандора. Но это все, ни фотографии, ни некролога. С одной стороны, понятно — Скандор хотел оградить свою личную жизнь, свою дочь от лишних пересудов и праздного любопытства.

— Но все же подозрительно, — закончил за него Ройл. — Ты сможешь восстановить эти данные?

Майк покачал головой.

— Увы... Но я знаю, где ты сможешь увидеть изначальный вариант документов.

Роланд вместо ответа приподнял бровь — коварное пойло окончательно овладело телом, и язык отказывался слушаться.

— Ты ведь знаешь о правительственном хранилище информации? Вынужденная мера, после того, как стало ясно, что сведениям в сети доверять по большому счету нельзя. Каждый мало-мальски продвинутый пользователь пытался изменить мир под себя — все эти фейковые страницы, лживые новости, отретушированные лица... В итоге создали неприкосновенный и закрытый от всех банк данных, где хранится чистая правда.

— Не знал! — Роланд был действительно удивлен. — Это законно вообще?

— Законно, — Майк наслаждался удивленным лицом друга, радуясь, что сумел его поразить. — Они же сами и приняли закон! Так вот, там, я уверен, хранится полная версия документа. Осталось только до нее добраться...

— Действительно! Всего лишь! — Роланд не мог сдержать сарказм, хотя даже взбодрился ненадолго от таких новостей. — В закрытое правительственное учреждение!

Вскочил было на ноги, но тут же его повело в сторону, спасибо, Майк успел подпереть его, не давай упасть.

— Выспись сначала. Утром решим.

— А ты... чего такой трезвый? — подозрительно спросил Ройл. Он и сам чувствовал, что перестарался с алкоголем, но признать то, что друг, прикованный к аппарату, оказался крепче его, не позволяла какая-то глупая мальчишечья гордость.

Майк сгрузил его обратно в кресло, какие-то секунды на его лице горела довольная улыбка, потом признался:

— Так почки и печень стальные у меня. Хоть один плюс.

Но тут же помрачнел:

— Хотя иногда так надраться охота, а никак...

Ройл сочувственно кивнул, пытаясь сфокусировать взгляд на Майке, но комната кружилась перед глазами.

— Ладно, отложим до утра... — сказал он.

Уснул тут же, в кресле, расположившись поперек, свесив длинные ноги через подлокотник. Сквозь дрему слышал, что Майк продолжает стучать по клавиатуре. Подумал, еще, что надо будет другу подарить виртуальную клавишу, сколько можно пальцы ломать об эту древность. Потом удары по клавишам стали казаться стуком дождевых капель, шуршали, убаюкивая...

Ройл очнулся, получив удар по макушке. На какую-то секунду ему показалось, что на него обрушился потолок. Но оказалось, что это Майк, бодрый, словно спал даже дольше Ройла, обрушил ему на затылок пластиковую папку.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Проснись, дружище. Я все решил!

— Что решил? — спросонья голова была как чумная, но спустя несколько мгновений Роланд все вспомнил. — Неужели достал мне доступ в хранилище?

Майк подвигал бровями, Ройл не понял, кого он пытался изобразить, должно быть, могущественного волшебника.

— Не достал, а сделал! — поправил его Майк. — Ты теперь у нас журналист коммерческого сетевого издания «Факты» и пишешь статью о появлении первых кораблей из силениума. Здесь все твои документы, не подкопаются.

Роланд бегло просмотрел папку, куда вложены были карточка аккредитации с сонным его лицом — когда Майк успел его сфотографировать он не помнил совершенно, какие-то прозрачные листы с вкраплениями тонких схем и флэш-карта с символикой «Фактов». Ройл присвистнул и от души пожал руку своему другу.

— Не уверен в том, что это что-то даст. Но ты просто нереально крут, Майк.

— Я знаю, знаю, — он шутил, но был смущен. — Не забудь потом заехать и рассказать, чем закончится дело.

... Здание, в котором располагалось хранилище информации, напоминало гигантский ограненный драгоценный камень. Солнце сияло на серебрянных ребрах, на хрустальных гранях.

Роланд, переодевшийся в свою единственную приличную рубашку и черные брюки, шагнул за порог, держа папку наперевес, словно щит. В бою он не боялся ничего, но сейчас он чувствовал себя глупо, боясь выдать себя любым неосторожным взглядом или движением. Ну какой из него журналист?

Однако, ни система охраны на входе, ни люди на посту охраны, проверив его аккредитацию, ничего не заподозрили. Один из них в странной униформе, похожей на балахон синего цвета, попросил следовать за ним.

Он повел Роланда по коридорам, которые скрещивались и расходились под странными углами, и привел в небольшую светлую комнату, представляющую собой многоугольник неправильной формы. В центре ее стоял пустой стол.

Провожающий отбил пальцами дробь по краю стола, после чего над ним развернулся виртуальный экран, и жестом пригласил Роланда садиться.

— Можете приступать к работе. Я загрузил все интересующие вас документы. Думаю, разберетесь, как управиться. Когда закончите, просто проведите ладонью по столу, и я вернусь за вами.

Ройл вставил флэш-карту в гнездо и только после этого поднял глаза на экран. Он нервничал, хотя не хотел признаваться в этом даже себе. Понимал, что едва ли найдет какую-то зацепку. Шансы на это ничтожно малы... И что тогда?

Тогда и будем думать, а пока надо работать.

В распоряжение Роланду предоставили официальный документ, на основании которого была написана статья, опубликованная в сети в день гибели лайнера. Та самая, которую потом «подчистили».

Пробежал глазами по строчкам. На первой странице, пестрившей именами и иконками изображений, которые при нажатии разворачивались в полноценную фотографию, Евгении Флин не оказалось. Она отыскилась на следующей странице. Данных было больше, чем в сети, сообщалось, например, сколько Евгении исполнилось лет на момент гибели — двадцать шесть, указывалось, какое образование она получила, кем были ее родители и муж. Но в общем-то, вся эта информация не представляла никакой ценности. Он нажал на иконку рядом с именем и даже вздрогнул. Натали была очень похожа на мать. Такие же тонкие черты лица, аккуратный, чуть вздернутый нос, та же посадка головы. Ройл смотрел всего несколько секунд, постарался поскорее свернуть изображение. Он не знал почему, но смотреть на погибшую женщину было тяжело. Может быть, потому что он знал ее дочь.

Как Роланд и предполагал, ничего нового обнаружить не удалось. Он какое-то время сидел, глядя перед собой и понимая, что больше нет смысла здесь оставаться.

Ройл последний раз кинул взгляд на документ и увидел еще одного пассажира по

фамилии Флин, чье имя стояло рядом с именем Евгении.

«Натали Флин, — напечатано было в строке: Возраст — один год. Отец — Скандор Флин. Мать — Евгения Флин»

Больше никаких сведений. Иконка развернулась в нечеткое изображение маленькой девочки с темными волосами, сидевшей на коленях молодого Скандора Флина. Его как раз узнать можно было легко, он почти не изменился за прошедшие годы.

Время как будто остановилось. Роланд читал и перечитывал единственную строчку, содержащую столь скудные сведения, которые, однако, ставили все с ног на голову.

Читал и перечитывал, пока буквы не начали расплываться перед глазами.

Он закрыл глаза, откинулся на стуле. «Это просто ошибка. Так бывает. Решили, что Натали находится с Евгенией на борту лайнера, позже разобрались, что девочка оставалась на Примариусе. Ребенок маленький, билет на нее не покупали, легко можно ошибиться». Роланду почти удалось себя убедить. Документ он скопировал на флэш-карту, чтобы показать позже Майку и спросить, что он думает по поводу всего этого.

Покинув хранилище, Роланд еще какое-то время сидел на широком парапете, окружающем здание. Он задрал вверх голову, подставляя лицо лучам солнца — благо здесь, в Медиуме, недостатка в солнечном свете не было.

Потом проверил координаты Наты, нахмурился. Она была в Тандеме, далеко от того места, которое было их временным пристанищем. «Где ты, девочка? Чего они хотят от тебя на этот раз?» Ройл знал, что в случае опасности, Ната разорвет цепочку. Значит, пока все в порядке, но тревога никуда не делась, только отступила ненадолго.

Он вытащил из кармана клеверфон, чтобы посмотреть и дополнить записи. К скудным сведениям добавилась еще одна строчка: «Натали Флин умерла в младенчестве» и, не удержался, добавил вопросительный знак.

Сейчас, когда в сеть можно было повсеместно — молодежь шутила, что стоит взять чашку за ручку, как она тут же выполнит соединение, и на поверхности напитка можно будет читать последние новости, пока завтракаешь (Роланд, впрочем, был неуверен, что это только шутка), клеверфоны были уже не так актуальны, как раньше. Даже если ты вышел из дома, позабыв гаджет, в любом магазинчике можно было купить по дешевке одноразовый и получить доступ ко всем своим контактам, всего лишь приложив ладонь к экрану.

Роланд любил свой старенький клеверфон, хотя немногочисленные знакомые всегда говорили ему, что в этом отношении он излишне сентиментален.

Прочитав записи (записи — звучит слишком громко), он не спешил уходить. Просто не хотел сознаваться сам себе, что идти ему некуда. Он почти бездумно пролистывал страницы, разглядывая те фотографии, что сделал когда-то давно, на всех была Морда — котенок, который постепенно вырос и превратился в красавицу — кошку. Он пожалел о том, что у него нет ни одной фотографии Натали. Да и откуда бы...

После того, как фотографии закончились, Ройл решил просмотреть список контактов. Почти в самом конце наткнулся на имя Скандора Флина. Да, он когда-то давал свой номер для экстренной связи, Роланд и забыл, что он у него есть. За все годы, что он работал телохранителем, номер ни разу не понадобился.

А что если?

Нет, глупая мысль. Да и прошло столько времени, наверняка, он сменил номер после того, как спровадил дочь. Дочь ли?

Ройл потерял виски, которые вдруг вспыхнули огнем. А! Была не была. Что он теряет?

В трубке раздались щелчки и шум, словно сигнал шел по какому-то обходному пути, а потом густой жесткий голос произнес:

— Я слушаю. Кто это?

У Роланда был только один шанс привлечь внимание.

— Натали мертва, — сказал он.

На том конце повисло тяжелое молчание.

— Кто вы? Журналист? Ваша братия угомониться когда-нибудь? Да, моя дочь мертва, всем это известно. Где вы взяли номер?

— Вы мне его дали. Я — бывший телохранитель вашей дочери. Надо поговорить.

Молчание длилось так долго, что Ройл решил, что их разъединили.

— Говори, — разрешил Скандор, когда Роланд уже почти был уверен в том, что разговор не состоится.

— С глазу на глаз, — Ройл решил ковать железо пока горячо. Скорее всего он не согласится, но попытаться ведь стоит?

На этот раз молчание длилось еще дольше.

— Хорошо. Через час будь в «Таланосе», я буду ждать.

«Таланос» — ресторан vip-уровня находился на границе Альтитуды и Медиума. Роланд не был уверен, что его пустят на порог, но оказалось, что у входа его уже встречает администратор.

— Роланд? — уточнил он, и удостоверившись, кивнул, приглашая за собой.

Ройл прошел за ним по широкому коридору, стены которого были занавешены золотой тонкой материей. У широкой резной деревянной двери (настоящее дерево, это немыслимо), администратор покинул его.

Дверь распахнулась от легкого толчка. Ройл мельком окинул взглядом полутемную комнату, увидел только маленький садик в центре нее, по невысокому ограждению, сложенному из камней, струились потоки воды, кресла — широкие, уютные словно приглашали опуститься в них, расслабиться и отдохнуть. Воздух был наполнен свежестью, словно Роланд находился не в закрытом помещении, а в вечернем саду.

Но разглядев в одном из кресел знакомую фигуру, Ройл уже ничего не замечал больше. Скандор Флин, а это был он, сильно сдал с того дня, когда Роланд видел его в последний раз. Даже в тусклом свете он выглядел бледным, похудевшим.

Он в свою очередь разглядывал Роланда, узнал его и устало опустил плечи. Ройл никогда прежде не видел его таким, словно один из самых влиятельных и сильных людей Примариуса потерял всю свою силу и уверенность. И, признаться, видеть его таким было грустно.

Скандор указал Роланду на кресло, стоящее напротив. Ройл увидел теперь и накрытый стол — бутылка вина, блюдо с сыром, фрукты. Есть не хотелось, но Скандор, не спрашивая разрешения, разлил вино по бокалам.

— Я сегодня за официанта, — пошутил он неловко. — Так что сможем говорить свободно, нам никто не мешает.

Роланд, не заботясь о том, как это будет выглядеть, осушил свой бокал вина тремя большими глотками, подцепил несколько ломтиков сыра — конечно, не суррогатного, он и забыл, каким бывает на вкус настоящий сыр. А потом сам долил себе вина, не спрашивая разрешения. Плевать на все.

— Так... Она мертва? — Скандор, видно, только для того Ройла и позвал, чтобы задать этот вопрос. И не факт, что разговор состоится, если Роланд сразу откроет все карты. Однако, сложная задачка — построить разговор так, что не выдать информацию, но получить что-то взамен.

— А вы разве не этого хотели? — спросил он вместо ответа.

Скандор Флин сжимал тонкую ножку бокала, кончики его пальцев побелели от усилия.

— У меня не было выбора, — сказал он глухо.

— Выбор есть всегда. Вы просто отправили ее умирать.

Роланд не слишком гордился собой в этот момент. Он сознательно делал все, чтобы вывести Скандора Флина из душевного равновесия, заставить совершить опрометчивый шаг, сказать лишнее. Флин всегда отличался рассудительностью и бесстрастностью, поэтому Роланд был совсем не уверен в успехе.

Глава «Империи Флина» сжал пальцами переносицу. Сдержался. Нет, так просто его не сломать. Ройл огляделся по сторонам, и одна мысль вдруг озарила его. Быть может, Скандор не просто так пригласил его в «Таланос». Часто бывает здесь, ведет себя так, словно находится в привычной обстановке. Что, если?..

— Этот ресторан ведь принадлежит Лоренсу?

Ройл, понял, что за все это время даже не удосужился узнать его фамилию.

Скандор, прищурился, посмотрел пристально на бывшего телохранителя своей дочери так, словно впервые увидел его.

— Да, — ответил он, помедлив.

— Он мертв, — в этом можно было признаться, не покрывив душой. Начнем со смерти Лоренса, а там, глядишь, вернемся к разговору о Натали.

— Я знаю.

Глаза Скандора, как два осколка синего льда. Руку тянет к внутреннему карману куртки. Если он его сейчас вырубит, разговора не получится.

— Убил его не я, — поспешил добавить Ройл. — Я пытался спасти.

Про себя отметил, что предположение его верно: Скандор хорошо знал Лоренса. И это не может быть совпадением. Роланд чувствовал себя ловцом без лицензии. Он не умел строить беседу (мысленно он чуть было не произнес «допрос») так, чтобы добиться ответов на нужные вопросы. Вернее, он не вполне представлял, какие вопросы следует задавать.

А вот Скандор, похоже, знал, как следует вести переговоры. Секунду назад казалось, что он расслабленно откинулся на спинку кресла, но стоило Ройлу ослабить внимание, как он уже навис над ним, сжимая горло.

Роланду ничего не стоило избавиться от хватки, но он подумал, что Скандор, чувствуя свое преимущество, может стать более откровенным.

— Не убивал? — переспросил он.

Роланд отрицательно покачал головой.

Отец Натали поверил, или сделал вид, что поверил, устало опустившись на место.

— А она... мертва?

Разговор вернулся в ту точку, с которой начался. Так можно до бесконечно бегать по кругу, никто из них не спешил сделать первый ход. Ладно... В конце концов, кто-то должен начать.

— Откровенность за откровенность.

Скандор приподнял ладони, лежавшие на подлокотниках. Что это должно означать? Он согласен?

— Натали жива.

Он произнес эти два слова и увидел, как у Скандора дернулся кадык, словно до этой секунды горло его сковывал спазм. Но он по-прежнему не произнес ни слова, давая возможность Роланду продолжать.

— Я расскажу все, что знаю. Но и вы расскажите мне все. Вместе мы сможем ее спасти. Я знаю, что в возрасте одного года Натали Флин вместе со своей матерью Евгенией погибла

при крушении «Олимпиада». Кто эта девочка, которую вы выдавали за свою дочь?

— Не так быстро, мальчик. Сначала расскажи все, что знаешь.

Давненько никто не называл его мальчиком. Хотя в глазах Скандора он должно быть действительно молод. Другое беспокоило его больше — если он расскажет сейчас все, получит ли потом ответы на свои вопросы. Глава «Империи Флина» кажется увидел сомнение в его глазах и добавил:

— Я всегда держу свои обещания. Всегда.

Да, Роланд тоже о таком слышал. Репутация Скандора была безупречна в том числе потому, что он выполнял любые данные им обещания, чего бы это ни стоило. Не всем казалось это разумным, ведь иногда Скандору приходилось поступаться выгодой, отодвигая свои собственные интересы. Но в соблюдении этого жизненного принципа он был непоколебим. Тем сложнее было заставить его дать какое-либо обещание, ведь дав его единожды, он не отступал.

И Роланд рассказал обо всем, что произошло с того момента, как он вернулся за Натали и заканчивая своим посещением Хранилища. Рассказал и подумал о том, что слишком самонадеянно было с его стороны сразу связаться со Скандором, не оставив никакой информации Майку. Ведь ничто теперь не помешает убрать его без шума и пыли. Ройл не то, чтобы не доверял бывшему работодателю, но люди ведут себя непредсказуемо, когда столь многое на кону.

— Упорный ты парень, — вдруг улыбнулся Скандор, пусть это была лишь тень той улыбки, которой он улыбался дочери, но она была так же искренна.

— Что?

— Я не ошибся в тебе, когда нанимал на работу. Знал, что ты ее не бросишь.

Роланд даже не нашелся, что ответить, но его взгляд говорил красноречивее слов.

— Да, — ответил Флин на молчаливый вопрос. — Я с самого начала все продумал. Ты не помнишь то собеседование с пси-мэйкером на приеме на работу. Оно наверняка показалось тебе пустяковой формальностью. Но на самом деле было решающим фактором. Я знал, что ты ее не бросишь и сделаешь все, чтобы спасти. Такова уж твоя природа, мальчик.

Роланд ощутил себя дрессированной мышью, на душе было поганенько. Выходит, он лишь пешка в этой сложной игре сильных мира сего. Пешка, которая послушно действует так, как от нее ждут.

— Отлично, — горько сказал он. — Рад, что вписался в роль. Но, возможно, лучше было меня предупредить относительно планов?

— Все сложно, мальчик...

Конечно, мальчик. Кто же еще? Именно таким Роланд себя сейчас и ощущал — недоумок, которым вертят, как хотят. А ведь еще в начале разговора он наивно полагал, что разговор поведет он.

— Я сдержу обещание, — повторил Флин. — Но наш разговор состоится не здесь. Мне надо кое-что тебе показать. В моем кабинете.

Он сам сел за руль своего золотистого Арилли, предложив Роланду располагаться на пассажирском сидении. Было крайне непривычно не ощущать в своих руках руль, доверится полностью этому человеку, но теперь уже поздно было отступать.

Невидимый барьер между Медиумом и Альтитудой миновали без проблем, генетический код Скандора мгновенно был опознан системой, а Роланд, сидящий рядом, получил статус «гость», о чем известила надпись, появившаяся на его запястье. Его

генетический код тоже считали, сличили с базой данных, запомнили и активировав меланин в клетках, заставили буквы проступить на его коже. Раньше у него был статус «Работник», но срок его действия давно истек.

Вот и высотка, хорошо знакомая Ройлу. В течение многих лет здесь начинался утром его рабочий день, продолжавшийся иногда до глубокой ночи.

Кабинет Скандора. Роланд здесь был раньше всего дважды, в первый раз, когда его нанимали на работу, второй раз, когда увольняли. И сейчас...

Флин первым делом наполнил крошечные рюмочки, величиной с наперсток, версом. Роланд отказываться не стал, хотя за последние два дня, кажется, даже не успевал как следует протрезветь. Но, возможно, это и к лучшему.

От верса словно огненный шар взорвался внутри, а потом тело заполнила необыкновенная легкость, и мысли стали умиротворенными, спокойными. Скандор этого и хотел. Едва ли он что-то делает зря, все заранее продумал.

— Возможно, ты будешь осуждать меня, мальчик, — сказал глава Империи Флина. — Но едва ли кто-то осудит меня сильнее, чем я сам.

Скандор взял со стола фотографию. Роланд замечал ее и прежде, удивившись сентиментальности шефа — кто сейчас держит на столе фотографии? Но он не знал, что на ней изображено: фотография стояла отвернутой в другую сторону. А сейчас Флин сам вложил ее ему в руки.

Ничего не оставалось, как посмотреть. Молодой Скандор Флин обнимает хрупкую юную девушку — свою жену Евгению. Роланд бросил на изображение быстрый взгляд и поднял глаза на Скандора — пока он ничего не понимал.

— Кто на фотографии? — спросил Скандор.

Что за игры с ним играют? Что он хочет услышать? Но армейская закалка дала себя знать — приказы не обсуждают, на вопросы следует давать ответ. И не изжить, похоже, эту привычку.

— Вы и Евгения.

— Кто на фотографии?

Не сошел ли бывший работодатель с ума? Такое вполне возможно — пережитый стресс, и годы уже не те... Роланд, однако, на этот раз не торопился отвечать, присмотрелся к фотографии внимательнее.

Совсем юная девушка, здесь она еще младше, чем на документе в Хранилище. Лет двадцать, возможно. Так они знали друг друга с юности? Темные волосы, чуть вздернутый нос, синие глаза, милая улыбка. Натали очень сильно похожа на мать. Сейчас, когда он смотрел так долго, ему казалось, что каждая черточка ее лица, буквально всё напоминает ему Нату. Нату, которая совсем чуть-чуть старше. Нату, которая умеет улыбаться. Нату, чье лицо такое светлое и радостное.

И словно мгновенная вспышка озарила его.

— Этого не может быть! — воскликнул он, не веря своим глазам. — Это не может быть она!

Скандор, все еще сжимающий в руках рюмку с версом, только сейчас выпил его. Видно было, что ему тяжело смотреть в глаза Роланду, но он заставил себя.

— Невозможно вернуть кого-то с того света, даже если ты любишь этого человека, больше жизни. Больше родной дочери. Но тогда я был готов на все, лишь бы увидеть ее снова. Даже зная, что она больше никогда не будет мне женой. Но знать, что она рядом,

любоваться на нее каждый день, видеть, как она растет... Признаю, знай я тогда, во что это выльется, возможно, я бы заставил себя отступить...

— Натали — клон Евгении? Но как?

— Синтетический клон. Никто и не думал сохранять генетический материал молодой здоровой женщины. Цепочку ДНК собрали буквально по кусочкам, по обрывкам. Недостающие фрагменты заменили...

— Чем заменили? — Роланд чувствовал, что внутри него зреет какая-то догадка, но пока еще она не могла оформиться в четкую мысль.

Скандор нахмурил брови: кажется, Ройл наконец-то задал правильный вопрос и теперь ему придется на него ответить.

— Не торопись, мальчик. Я все расскажу, но придется начать издалека... Я был убит горем, никого не хотел видеть. Да, собственно, никто и не рвался меня утешать, на этой планете у меня не было ни друзей, ни родных. Хотя я чувствовал, что когда-нибудь мои разработки принесут много денег, но в те темные дни, когда я потерял тех, ради кого жил, мне стала безразличная эта цель. И... он просто пришел однажды утром. Сначала я принял его за мошенника. А как иначе, когда он с порога завел разговор о том, что может помочь вернуть...

Скандор замолчал, прикрыв глаза рукой. Наверное, он впервые проговаривал это вслух, и слышать правду даже из своих уст было тяжело.

— Он сказал, что они смогут вернуть Натали... или Евгению. Пусть я сам выберу. Я спросил, чего они хотят взамен, много денег я предложить не мог. Я говорил и сам удивлялся тому, что способен даже на секунду поверить в эту чепуху. Отчаяние, оказывается, хреновый советчик. Но когда он стал объяснять подробнее, то даже я стал сомневаться. Новые, малоизученные технологии, но такое было вполне возможно, как человек с техническим образованием я это понимал. Он сказал, что ему не нужны деньги, что их организация поможет безвозмездно, но с условием, что, когда девочка вырастет, я верну ее им. Нелепая сделка. Я верил и не верил. Восемнадцать лет казались таким долгим сроком, я был уверен, что все изменится много раз за это время. Он еще раз спросил, кого я хочу вернуть. И я... ответил, что Евгению. Мы встречались несколько раз, обговаривая детали. Он потребовал все вещи Евгении, все фотографии, все записи, которые у меня остались. Договор мы не заключали, все было основано на устном обещании, но, когда я спросил, что будет, если я не захочу ее возвращать, его почему-то очень развеселило это предположение. Он сказал, что другого выхода у меня не будет. А еще сказал, что верит моему слову.

Скандор рассказывал так подробно, что Роланд почти видел его, молодого еще тогда, бледного, с поникшими плечами. На лице отчаяние и надежда, вера и усмешка — словно он заранее готовился к тому, что незнакомец вдруг сообщит о том, что это лишь розыгрыш. Но незнакомец был серьезен и отвечал на все вопросы, только на некоторые качал головой. Роланд видел их в этом кабинете, оба стояли, прямо как они сейчас.

— Как я узнаю, что пришло время? — спросил Скандор.

— Вы поймете. Поверьте, это будет очевидно. И со всей откровенностью говорю, лучше вам не нарушать данного обещания, потому что иначе плохо будет всем. А прежде всего... Как вы ее назовете?

— Натали...

Скандор зажмурился. Наверное, ему казалось в этот момент, что он может обеих вернуть таким образом. Все равно это будет ребенок. Всего лишь ребенок. Его Евгения, его

Натали.

— Разумно. Я и сам хотел сказать, что это лучший выбор, не придется выдумывать никаких сомнительных историй. С маленьким ребенком вполне могла произойти ошибка. Перепутали. На самом деле она не полетела с матерью, а оставалась с вами на Примариусе. Да?

— Да... Это будет обычная девочка?

— Ну... По большей части это будет обычная девочка. О некоторых маленьких нюансах вам знать совсем не обязательно. Мы не будем вас беспокоить, но, когда придет время — напомним о себе. Вам передадут слова «Время жатвы», и вы должны будете сделать все так, как скажет человек, который произнесет это. Возможно это буду я, но сейчас еще рано загадывать.

Она появилась в доме спустя месяц. Темноволосая девочка, очень сильно похожая на его дочь. Но еще больше похожая на его жену, даже сейчас. Как они сделали, что ребенок уже выглядел так, словно ей не меньше года, Скандор не стал спрашивать. Он боялся спугнуть это наваждение. Или чудо. Что если они передумают и не отдадут ему девочку?

В эту последнюю встречу мужчина, который вел с ним переговоры, сказал:

— Думаю, что иногда вы будете замечать в ребенке признаки немотивированной агрессии, злости, вспышки ярости. Постарайтесь принять ее такой, какая она есть. Просто любите ее. Любовь ведь вроде способна творить чудеса, — и он усмехнулся на последних словах, словно и сам не верил в то, что говорит.

Но Скандор любил ее. Действительно любил, так как мог. Из всех душевных сил, на которое было способно его сердце. Иногда он с нежностью наблюдал, как Ната увлеченно рисует на планшете, как она бывает мила и задумчива. И в такие минуты отчетливо видел перед собой Евгению. При жизни она была графическим дизайнером, и отлично рисовала. А иногда он не понимал, что за создание живет рядом с ним. Сама Ната наверняка забыла этот случай, но Скандор запомнил навсегда и после этого навсегда зарекся дарить дочери (дочери, какая горечь...) живых существ. Он принес ей на пятилетие щенка (настоящего щенка, не клона, созданного в лаборатории, как все эти котомяки и собачеры), щенок был найден утром растерзанным у ее дверей. После этого только роботы — игрушки были ее спутниками. Иногда он отчетливо понимал, что всей его любви, да что там, всей любви этого мира не хватит, чтобы изменить Натали. Внутри нее жило и развивалось что-то темное, и спасения от этого не было.

И вот наступил день, когда случилось то, чего он так долго ждал и боялся. В то утро он принимал людей, работающих на него, по личным вопросам. Любой имел возможность прийти к нему в кабинет. И он зашел в числе прочих. Сел напротив, в кресло. Скандор, конечно, не узнал его, хотя лицо и показалось знакомым.

Человек улыбнулся, вернее, ухмыльнулся, словно готовился преподнести какой-то неприятный сюрприз.

— Время жатвы, — сказал он, и Скандор словно провалился в черную пропасть. Он выслушал план, и не возражал даже тогда, когда посетитель описывал подробности аварии, которая должна произойти. Тот, похоже, удивился такой беспрекословной покорности. Даже прервался, поднял глаза от планшета, на котором была открыта объемная карта, и спросил:

— Вы точно понимаете сейчас, о чем мы говорим?

— Да. О том, каким именно способом я должен передать вам мою дочь.

— Ну, строго говоря, она не дочь вам.

— Она... Обычная девочка. Зачем она вам? Я готов заплатить сколько угодно. Назовите вашу цену.

Человек лишь покачал головой, но видно было, что он ждал именно этих слов, и готовился именно к этому.

— О, поверь... Поверьте, — посетитель изо всех сил старался говорить вежливо, но видно было, что строить правильную речь для него непривычно. — Она не обычная девочка. Она опасна. Для себя. Для окружающих. Вы не сможете с ней справиться. А мы сможем. И.. договор есть договор. Но!

Он поднял вверх палец.

— Мы не изверги какие-то. Я дам вам время. Приведете наш план в исполнение тогда, когда будете готовы. Когда поймете, что я вас не обманываю.

Он ушел. Прошла неделя, вторая. Все было спокойно. Хотя за Натали непрерывно наблюдали сотни камер, незаметно, ненавязчиво контролировали каждые ее шаг. Пока не произошло то, чего Скандор опасался.

Скандор, что рассказывал сейчас эту историю, быстро налил себе еще верса и одним глотком выпил. Роланду даже не предложил. Он словно и забыл про него. Хотя в завершающей части рассказа речь шла именно о нем.

— Роланд, мальчик, ты помнишь тот день, когда она расцарапала тебе руку?

Роланд пожал плечами. Он, конечно, не забыл этот случай, а жест скорее говорил: «да, ерунда, не стоит вспоминать».

— Нет, ты не понимаешь. Это не была случайная вспышка злости. В последние дни ее агрессия нарастала все быстрее. Я не знал, что будет завтра. Она превращалась во что-то, чего я уже не мог контролировать. Хотя еще надеялся... Хотел с ней поговорить. Но видел перед собой абсолютно пустые глаза и пустое сердце. Это была не Евгения. Это была не Ната. Это было враждебное любым человеческим чувствам существо. Чужое...

Роланда покорило от того, как Скандор назвал ее — «существо». Он мгновенно вспомнил губы, прильнувшие к его губам. И то, как она прижималась к его плечу холодным носом во сне, пробравшись тогда в комнату. И как прикасалась губами к вене на его шее, борясь с собой, не желая ранить.

Он сжал ладонь в кулак.

— Так вы не станете мне помогать?

— Так вы не станете мне помогать?

— Разве я это говорил? — ответил Скандор вопросом на вопрос, но Роланду казалось, что он тянет специально, не торопясь давать прямой ответ.

Но тут Скандор провел ладонью по лбу, словно прогоняя темные мысли, или, скорее, то последнее воспоминание о Нате. О том, как она стоит рядом, но так далека, как никогда прежде. И, возможно, секундой позже, он вспомнил Нату, приподнявшуюся на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку. Нату, обнимающую его за руку. Нату, которая держится за него, стоя на платформе слейтера, и когда он видит руки, обнимающие его, то на секунду ему кажется, что это руки Евгении. Когда-то они были молоды, беззаботны и не имели ни копейки. Крошечная съемная квартирка в Тандеме, старенький слейтер, чтобы добираться на нем на работу, даже дешевый автокар был для них тогда непозволительной роскошью. Евгения, смеясь, ругалась, что такие поездки портят ей прическу. Ната тоже так говорила, только не улыбалась при этом.

— Я несу за нее ответственность, — сказал он наконец. — Я не могу оставить ее там, где она сейчас. Особенно теперь, когда ясно, что затевается нечто странное. Недоброе.

Роланд остро ощутил, что Скандор чего-то недоговаривает. Возможно, он действительно был не в курсе того, что вот-вот произойдет. Но он знал Лоренса. Значит должен знать о Черной Звезде, Луксоре, о других похищенных детях.

— Скандор, давайте начистоту, — сказал он, не таясь. — Натали не единственный ребенок, созданный из синтетической ДНК. И с Лоренсом вы знакомы не случайно, так?

— Роланд, это долгий разговор. Давай отложим его на пару часов, у меня еще много дел сегодня. Ты можешь располагаться в гостевой комнате. А хочешь — выбирай любую. Я позову тебя, когда освобожусь.

Скандор выглядел усталым, лицо его побледнело. Он, стараясь, чтобы Роланд не видел, расстегнул воротник рубашки. Сейчас глава Империи Флина выглядел неважно — пожилой, вымотанный человек. Возможно, нет у него никаких срочных дел, и он хочет выпроводить Ройла, чтобы полчаса спокойно отдохнуть в кресле.

— Хорошо, — согласился Роланд. — Я подожду.

Его позвали назад через пару часов. Роланд решил не терять времени даром, навестить старых знакомых. Он не с кем не завел тесной дружбы, пока работал на Флина, хотя проработал много лет. Ему, несмотря на его спокойный характер, тяжело было сходитьсь с людьми. Все ограничивалось дружелюбным, хотя и поверхностным общением. Единственным человеком, с которым Ройл общался довольно тесно был шеф-повар. Старое название профессии, пришедшей из прошлой эпохи, теперь уже не в полной мере отражало ее смысл. Теперь шеф-поваром был человек, умеющий правильно рассчитать ингредиенты или создать нужные химическим способом. Правда, работников Флина кормили всегда только натуральными продуктами, никакой химии.

Вот и сейчас его старый знакомый налил ему чашечку кофе и выложил на блюдо аппетитные маленькие булочки. Налил и себе, сел рядом, молчаливо приглашая Роланда к разговору. Но Роланд не знал, о чем говорить, слишком много всего обрушилось на него сейчас. И он, не желая показаться угрюмцем, сделал вид, что настолько увлечен пышной сдобой и ароматным кофе, что едва ли сможет прерваться даже для беседы.

Тай смотрел на него с улыбкой. Он и сам был молчун, может поэтому Роланд и сошелся с ним ближе, чем с другими. Да к тому же, видеть, что кому-то настолько пришлась по душе твоя стряпня, всегда приятно.

— Так жаль нашу молоденькую хозяйку, — сказал, наконец, Тай. — Сказали — несчастный случай. Но никто не говорит какой. Ты не знаешь?

Роланд едва не поперхнулся глотком кофе. И только покачал головой, даже обрадовавшись возможности не отвечать.

— Понятно. Думаешь вернуться на работу?

Ройл опять кивнул, не вдаваясь в подробности.

Комкух подал сигнал и Тай добавил на блюдо новую порцию свежее испеченных булочек.

— А Джек частенько навещает хозяина. Не оставляет в беде. Джек Лорн, я имею ввиду. Молодец он, я считаю. А чему ты удивляешься, они с молоденькой хозяйкой с детства дружили!

Это он заметил изумление в глазах Роланда, который настолько был не готов к такому повороту дел, что не проконтролировал лицо. Джек навещает Скандора, поддерживая его в горе? На Джека не похоже. К тому же, он был в курсе того, что Натали на самом деле жива. Что-то здесь не так...

Ройл перевел разговор на нейтральные темы, так что они даже увлеклись беседой, и время пролетело незаметно.

Скандор вызвал его в кабинет по внутренней связи. Он казался отдохнувшим и посвежевшим, даже улыбнулся вошедшему Ройлу.

— Я немного обманул тебя, — сказал он мягко. — Разговор будет вовсе не длинным. Ты, я думаю, все понял уже и без моей помощи. Да, все молодые люди, которых ты видел, созданы из синтетической ДНК. Мы с их родителями организовали группу, когда поняли, что просто так нам их никто не вернет. «Луксор» — это ее название.

— Почему? — вырвалось у Ройла.

Скандор пожал плечами.

— Надо было дать какое-то название, почему бы не это. Звучит красиво. И несет в себе определенный смысл. Это Лоренс предложил. Город мертвых, город живых... Даже поэтично. Все наши дети были мертвы, но и одновременно живы. Все погибли от несчастных случаев или болезни в младенческом возрасте. Нам их вернули... На время. Но мы хотим вернуть их навсегда.

Звучало логично. Хотя Роланду казалось, что разгадка этой тайны будет намного сложнее. Но стоило признать — на проверку даже самые невероятные загадки оказывались просты и понятны.

— А Черная звезда? — спохватился он.

Скандор ответил не сразу, раздумывая.

— Ройл, мальчик, я полностью тебе доверяю. Но пусть этот вопрос пока останется без ответа. Обещаю, ты узнаешь все... в свое время.

— И... Что теперь?

— Теперь... Если я попрошу тебя о чем-то странном, ты сможешь это исполнить, не задавая лишних вопросов? Знай, у нас обоих лишь одна цель — вернуть Нату домой.

Роланд хорошенько обдумал слова Скандора.

— Если мне не придется никого при этом убивать.

— Никогда не знаешь точно, когда придется убивать... — ответил тот, но тут же

улыбнулся задумчивой, скользкой улыбкой. — Конечно, нет, Роланд. Я еще не опустил до того, чтобы нанимать убийц.

Роланд промолчал, надеясь, что его молчание будет правильно истолковано, как согласие.

— Ты воин, Роланд. Был им. И, думаю, остался.

— Да...

Было непонятно к чему он клонит.

— Теперь ты знаешь, что не один в этой борьбе. Что мы не бросили их на произвол судьбы. План уже почти разработан, все решится совсем скоро. А пока... Вернись к ней. Будь рядом.

Роланд и сам не понимал до этого мгновения как сильно он стремится вернуться. Возможно, и здесь он мог быть полезен. Но он нужен Нате. А Ната нужна ему. Скандор же продолжал убеждать, введенный в заблуждение его молчанием.

— Мы вживим тебе микрочип. Он изготовлен из органического материала, новая разработка — определить его невозможно. Мы будем следить за каждым твоим шагом и вмешаемся в нужный момент.

Ройл молчал. Он был согласен, без раздумий и уговоров. Но после того, что он совершил, пытаясь спасти Лоренса, не станет ли возвращение бессмысленным самоубийством? Нет, жизни было не жаль, но Натали его смерть ничем не поможет.

Отец Наты догадался, о чем он думает.

— Ты скажешь, что пообещал Натали спасти отца Жаклин. Просто пошел на поводу у девочки. Никого не убил, никому не причинил вреда. Ты просто хочешь быть рядом с ней и защищать. Придерживайся этой версии. Если Ната попросит тебя принять, они ей уступят. Натали очень важна для них, а ты не представляешь угрозы. Сдай оружие. Согласись на все условия. Нам нужны глаза и уши по ту сторону. Не стану обманывать тебя: все может пойти не так. Наши аналитики посчитали: вероятность того, что план сработает шестьдесят восемь процентов против тридцати двух. Вполне приличные шансы.

Даже не просто приличные, а можно сказать — верный успех. Вылетая на боевое задание Роланд знал, что его шанс вернуться составляет всего двадцать процентов. Каждый раз перед вылетом они заполняли форму, по которой родственники должны будут получить его тело, или то, что от него останется. Форму разрыва контракта, которая позволяла десантникам досрочно воссоединиться с семьей. «По несоблюдению основного условия» — такая формулировка значилась там. Основное условие — быть способным воевать и убивать. То есть — быть живым.

Роланд не отвечал, но вовсе не потому, что сомневался, он был уверен, что и Скандор правильно его понял, потому удивился, услышав потускневший голос отца Натали:

— Я хорошо заплачу тебе. Ты ни в чем не будешь нуждаться.

Ройл позволил себе то, чего раньше посчитал бы недопустимым. Положил руку на плечо мужчины. Тот стоял, странно сгорбившись, словно тяжелый груз давил ему на спину.

— Вы можете не волноваться. Я и сам хотел это предложить. Буду помогать там, где больше всего нужен.

Последующие события заняли не больше часа. Скандор позвонил, и человек появился на пороге кабинета уже через несколько минут. Значит, они знали, что Ройл согласится. Подготовились. И хорошо, время не будет потеряно зря.

Под ключицу Роланду ввели капсулу: он ощутил только холод. Потом мужчина

настраивал аппаратуру, объясняя попутно Скандору, как правильно расшифровать данные. Они просили Ройла ходить по кабинету, и даже прыгать и бегать. На пульт поступала информация о его сердцебиении и выбросе адреналина.

— Да тебя в спецназ можно! — удовлетворенно сказал оператор.

Роланд кривенько усмехнулся.

— Уже. Отлетался.

Улыбочка собеседника как-то завяла: он вспомнил, почему именно Роланд вынужден был оставить армию.

Собственно, на этом подготовка была закончена, Роланд мог идти. Он был спокоен, привык к тому, что нервничать перед боем не продуктивно и попросту глупо. Надо делать все, что можешь, а если что-то пойдет не так, то в этом не будет твоей вины. Скандор же заметно переживал, хотя старался не показывать вида.

— Это ненадолго, — повторил он в очередной раз, словно Ройл спрашивал его о сроках. — Мы постараемся подготовить все как можно быстрее.

— Хорошо.

— Будь рядом с Натали. Не выпускай ее из вида.

— И чтобы не одной пылинки! — не удержался от шутки Роланд, и Скандор, наконец, позволил себе улыбнуться.

Роланд отправится один в Логово, как называла это место Ната. В Инкубатор, как называли они. По дороге ненадолго забежал к Майку, сам не понимая, зачем это делает. Он считал себя обязанным, после его помощи, рассказать хотя бы в двух словах о том, что произошло. Нет, друга совсем не хотелось впутывать в это дело, но со стороны его молчание выглядело бы так, словно он использовал его и пропал. К тому же Майкл знал уже так много, что остальную правду можно было не скрывать.

— Ройл, наклонись-ка, — попросил Майк, когда Роланд рассказал все. Ройл торопился и даже отказался от предложенного другом кофе. Нет, чего-то покрепче он тоже не будет, в другой раз. Он даже не присел, как обычно, на свое место. Так и стоял, возвышаясь над Майком. Просьба друга его удивила, но он послушно наклонился. Майк заглянул ему в зрачки, едва сдерживая улыбку: Роланд как всегда повелся на провокацию и даже не понял. Вернее, понял, но только после слов Майка:

— Мда... Так значит точно ничего такого не курил?

— Да иди ты! Все очень серьезно!

Майк перестал ухмыляться, и смотрел теперь внимательно и сосредоточено.

— Ты ведь найдешь способ связаться со мной, если что? — спросил он. — Кроме шуток, угольная твоя голова. У меня не так много друзей, чтобы ими разбрасываться.

Ройл был тронут. Признаться, он давно уже привык к тому, что никому нет до него никакого дела. Только Морде он был нужен до сих пор. Наверное, он просто поспешно делал выводы о людях, которые его окружали. И ошибиться было приятно.

— Конечно, — ответил он просто. — Я не откажусь от любой помощи.

... Дверь в Логово открыл Умница. Роланд издали услышал его шаркающие шаги и он, приготовившись к объяснению, к отпору, возможно даже к борьбе, невольно расслабил плечи. Самому себе было признаться в этом странно, но он был рад тому, что вновь увидит старого благодушного робота, пусть его приветливость всего лишь программа, не до конца удаленная из матричного блока.

— Роланд! — воскликнул Умнца так бодро и радостно, словно Ройл был его лучшим,

долгожданным другом, и нет ничего удивительного в том, что он сначала исчез без объяснений, а потом так же без объяснений появился.

— Привет, дружище...

Мда, Ройл упрекнул себя в том, что впадает в излишнюю сентиментальность.

— Впустишь меня в дом?

Но Умница и так уже отступил на пару шагов назад, освобождая проход. Это было хорошо, но неожиданно. Или Умницу просто не поставили в известность, что он теперь враг номер один? Или это такой хитрый ход, чтобы заманить его в ловушку?

— Где все? Где Ната?

Не удержался. Спросил. Хотя буквально пять минут назад он проверил ее координаты. Натали была в Медиуме, далеко отсюда.

— Натали на задании.

Да, конечно, чему удивляться...

— Никого нет пока. Я один. Заходи, заходи. В ногах правды нет!

Умница пошел вперед, поминутно оглядываясь, продолжая разговаривать с Ройлом.

— Так много беготни. Так много шума. Цыплята наши напуганы, плохо кушают. Хорошо, что ты вернулся, Роланд. С тобой им будет спокойнее.

«Надеюсь!» — успел подумать Роланд.

Под ноги бросилась рыжая тень: Морда, услышав знакомый голос, поспешила навстречу хозяину. Она выписывала восьмерки вокруг ног Роланда и тот, наклонившись, взял ее на руки, только сейчас понимая, как сильно успел соскучиться. Обычно между Ройлом и Мордой царили доверительные отношения, основанные на признании независимости друг друга. Морда сама проявляла инициативу, решая, когда она может позволить погладить себя за ушком, или когда захочет прийти спать к нему на грудь. Роланд подчинялся. Но сейчас он так и стоял с питомицей на руках, хотя та и посматривала на него с некоторым удивлением во взгляде, удивляясь сентиментальности хозяина.

— Так ты один? — уточнил он еще раз на всякий случай.

— Я один, — Умница растянул губы в улыбке. — Но они уже знают, что ты здесь. Понтий спросил у Наты, стоит ли оставлять тебя в живых. Ната ответила ему: «Посмотрим».

«Посмотрим»? Ройл замер с кошкой на руках. Да он что-то путает. Старый, добрый, но глупый Умница.

— Торопятся сюда, — вновь прокомментировал тот, секундами позже. — Сказали: жди в своей комнате.

Роланд дернул плечом, как всегда делал это, когда ответ казался ему очевидным без слов. Конечно, будет ждать, какой разговор.

Он бросил рюкзак на прежнее место. Прошло два дня. И словно вечность.

Сиреневая точка на ладони, мерцающая, приближалась к Логову. Координаты менялись со стремительной быстротой. Наконец, ее и его местоположения совпали. Скоро после этого раздался стук в дверь.

Ната вовсе не стала дожидаться, пока он откроет, вслед за стуком тут же зашла сама. Осунувшаяся, так что даже скулы ввалились. Глаза сияют каким-то лихорадочным блеском. Бледная, но полная решимости и осознания собственной силы. Та ли это девушка, которую он оставил так недавно?

— Роланд... — сказала она, словно бы на самом деле не ожидала его здесь увидеть.

И тут же сжала губы, стала далекой, отстраненной.

— Зачем ты вернулся, Роланд?

Роланду хотелось взять ее за плечи, встряхнуть, обнять. Поцеловать тоже хотелось. Он еще помнил тепло ее губ. Но сейчас ясно видел, что любое его движение навстречу встретит сопротивление.

Что случилось за этот короткий срок? Она боится? Каждый ее шаг контролируют? Слышат каждое ее слово?

Очень хотелось сказать: «Я вернулся, чтобы спасти тебя», но сейчас, не разобравшись в чем дело, надо быть начеку.

— Я вернулся, потому что мне все равно было, куда идти. В конце концов, какая разница на чьей быть стороне. Ты на чьей стороне, Ната?

Натали облизнула сухие губы, она как-то будто обессилила после его слов, даже глаза потухли.

— Я на своей стороне... Но, если честно, многое произошло, Роланд. Нам не надо было спасать этого человека. Эта... Черная звезда, ее до сих пор не могут расшифровать.

Она обернулась, словно кто-то мог стоять за ее плечом, подслушивая. Так значит, если они и контролируют ее, но каждое слово все же не слышат.

Роланд шагнул навстречу, взял ее хрупкие плечи, пытаясь заглянуть в глаза, но Ната тут же положила ладонь ему на лицо, и сама зажмурилась.

— Ты что! Ты забыл?

Он попытался притянуть ее к себе, обнять, но Натали уперла ладонь ему в грудь.

— Пусти! — твердо сказала она.

Ройл разжал руки.

— Понтий хотел тебя убить, думал, что ты шпион. Но я сказала, что это я попросила спасти отца Жаклин. У нас с ним был долгий разговор... У всех нас. Если хочешь — оставайся, Ройл. Но все это ненадолго. Завтра все решится.

И прежде, чем он успел спросить, что именно решится завтра, выбежала за дверь.

Ната, девочка, что они сделали с тобой? Не надо было бросать тебя здесь одну...

Роланд растянулся на постели, и только сейчас понял, как ныли и болели все мышцы: он нормально даже не спал все это время. Нога пульсировала болью, но такое случалось, надо просто перетерпеть.

Луксор, Черная Звезда, Натали — Евгения...

Оставалось только надеяться, что Скадор поторопится. Очень не понравилось Роланду то, что Натали сказала про завтрашний день. Все было странно, неясно, зловеще. И все же он ощущал удивительное спокойствие — ведь теперь он был рядом с ней.

Он слышал шум шагов в коридоре — стали возвращаться другие. Сколько сейчас времени? Роланд потерял ему счет, но восстановил в памяти события и понял, что уже, должно быть, поздний вечер. А Ната сказала — завтра...

Не время отлеживаться, видимо, не сейчас. Он должен быть там, с ней. Хотя Натали ясно давала понять, что не хочет находиться рядом, но она явно была расстроена, напугана, и только пыталась показаться решительной.

За дверью обнаружился Умница, он стоял неподвижно прямо напротив комнаты, только улыбка растягивала силиконовые губы. Роланд даже вздрогнул — выглядело это пугающе.

— Я жду тебя, Ройл, — сказал меж тем Умница. — Понтий просил передать...

И тут же голос его стал хриплым, грубым — голосом Понтия.

— Солдатик, ты очумел такие вещи творить? Думал, ты в адеквате, а ты, похоже, совсем

с катушек слетел. Хотя не угробил никого, и на том спасибо. Да, Натали тоже спасибо скажи. Она вступилась за тебя, говорит сама тебя подговорила Лоренса спасать. Ну и что, спас этого доходягу?

Он невесело хмыкнул.

— Знаю, что нет. Толку от тебя никакого, похоже. Но и опасности ты не представляешь. Любимая игрушка цыпленыша. Оставайся, чего уж. Только под ногами не путайся.

Андроид моргнул несколько раз, снова превращаясь в себя самого.

— Спасибо, Умница.

Роланд пошел в сторону столовой, откуда уже доносились приглушенные голоса.

Любимая игрушка цыпленыша... Он пытался убедить себя, что слова эти его не задевают.

Они все уже собрались за столами. Айвон, Кит и Атлана, Гладис, две светленькие бледные девушки — Сирены. Мирта и Альберт сидят, взявшись за руки. Петер. Он будто бы стал старше за эти два дня, а ведь выглядел совсем ребенком. А вот этот парнишка, да, его зовут так же, как его друга — Майк. А имя того мальчишки со светлыми волосами он так и не удосужился спросить. Жаклин. Кудри у нее, как у отца. Он отвел взгляд...

И Натали. Бледная, уставшая. Свет в столовой был ярче, чем в его комнате, и Ройл увидел, что под ее глазами залегли тени.

Они все посмотрели на него, настороженно, как испуганные зверьки. Когда это Роланд успел стать врагом?

Он молча прошел вперед и сел рядом с Натали. Она сделала вид, что это случайность, но и не отодвинулась, даже кинула быстрый взгляд, полуобернувшись. И тут же вернулась к прерванному разговору с Жаклин.

— ... нет, я всегда больше любила туфли на платформе, или кроссы. Они, знаешь, даже с платьем неплохо смотрятся.

Милый, девичий разговор, словно они две подружки, пришедшие на вечеринку. Роланд прислушался к разговорам, все говорили о ничего не значащих вещах. Петер с Альбертом о тренажерах. Гладис с безымянным светлым пареньком об аэрокарах.

Ему очень хорошо было знакомо это. В ночь перед боевым вылетом в их казармах велись такие же разговоры. Просто, чтобы не молчать: гробовая тишина куда хуже. И не вести же разговоры о том, что завтра могут кого-то не досчитаться. И не досчитаются... Твоего товарища, сидящего сейчас напротив? Или, может, тебя?

Умница расставлял тарелки с хорошо знакомой кашей. Невозможно ведь столько дней питаться одним и тем же... Но старые комкухи, похоже, умели готовить только такую еду. Жидкий кофейный напиток, по цвету больше напоминающий разведенное водой машинное масло, по запаху, кстати, тоже.

Роланд все подмечал на инстинктах, которые хорошо развились во время службы в армии. Но думал сейчас о другом. Эти дети... Они готовятся к смерти. И он мгновенно ощутил тот самый прилив адреналина, что выплескивался в кровь перед боем. Затылок привычно заныл, словно Ройл сейчас оденет на голову шлем, готовясь слиться с кораблем. Если бы можно было взять на себя весь риск... Но, увы, дело обстояло намного хуже — Роланд один должен будет противостоять неведомой пока опасности, и если Скандор не поторопится, то не факт, что он сможет одержать победу.

Он не ощущал вкуса еды, ел только, чтобы насытиться и восстановить силы. Силы могут понадобиться.

Впереди целая ночь, чтобы решить что-то. Для начала надо поговорить с Натой: она несомненно что-то знает.

Роланд дождался, пока все разойдутся по своим комнатам. Расходится, кстати, не торопились, тянули до последнего, оставляя на дне стаканов кофе, цедили его по капле. И все говорили, говорили не о чем. Пока Умница, вернее, Понтий через него, не прикрикнул, приказал расходится и ложиться спать. «Потому что завтра долгий и трудный день».

Долгий и трудный день...

Роланд выждал около часа, прежде чем выйти из своей комнатухи. В коридоре увидел Умницу, но даже не удивился. Тот, почувствовав движение, переключился из спящего режима. Теперь, главное, не дать ему связаться с Понтием.

— Умница! — Роланд поднял ладонь, привлекая внимание. — Не включай сеть, подожди. Не обязательно, чтобы хозяин знал все. Я хочу на пять минут зайти к Нате. Успокоить. Пожелать добрых снов. Перед серьезным делом очень важно выспаться. Я прав?

— Пожелать добрых снов? Обнять и спеть песенку?

Умница без подключенной сети тормозил и зависал, зато его программа няни, похоже, заработала на полную мощность.

— Да, это очень важно, ты прав. Ты не причинишь вреда цыпленочку, я знаю. Иди...

Какой уж вред. Он бы рад был схватить ее в охапку и бежать прочь. Все, что угодно, лишь бы ее спасти. Факт в том, что она не согласится...

— Войди в спящий режим, Умница. Сделай вид, что ничего не видел. Ради Наты...

— Ради Наты? Ладно. Хорошо. И Мордашка расстроится, если с тобой что-то случится...

Умница замер, глядя в одну точку. А Ройл еще пару секунд пытался осознать произошедшее. Он сам когда-то сказал Натали, что любить надо только живых, и не привязываться к вещам, но старый андроид сумел его удивить. Хотя, можно ли считать его вещью? Ройл уже не был так сильно в этом уверен.

Ната спала. Или делала вид, что спит. Обнимала одной рукой подушку, а другой Морду. Рыжая-бесстыжая кошка опять пришла спать к своей любимице. Вот так вот, спасаешь их, любишь, а они в любой момент готовы сбежать...

Ройл несерьезно сейчас огорчился, лукавил сам с собой. Он был рад, что Морда так привязалась к девушке. Ему казалось, что рядом с ней все время находилась частица его самого.

Будить ее было жаль — спит так безмятежно. Нелегко ей пришлось в последние два дня, по всему видно.

Роланд заметил, что на запястье Наты по-прежнему одет браслет, подаренный им. Да, он знал, что браслет с ней, но увидеть его на руке было совсем не тоже самое, что знать. Чтобы они ни говорила — слова лишь слова, можно ли им доверять? Она не сняла браслет — вот что главное.

— Ната, — он легко дотронулся до ее плеча. — Проснись, принцессочка. Нам надо поговорить.

— Не надо, — ответила Натали, не открывая глаза. Она все же не спала.

Роланд присел на край кровати.

— За нами сейчас никто не следит. Мы одни, Умница нас прикроет. Можешь говорить свободно.

— А если я не хочу? — Ната все же села, но смотрела не на него, а в сторону.

Морда потянулась, подставила голову под ладонь хозяина, потерлась о нее, и, решив, видимо, что миссия выполнена, тихо спрыгнула с кровати и отправилась по своим делам.

Роланд же боролся сам с собой. Хотелось схватить Натали за плечи, встряхнуть и сказать: «Да что с тобой! Твоя жизнь на волоске. Я пришел, чтобы тебя спасти. Не молчи! Только не молчи!» Но зная Натали он был почти на сто процентов уверен, что этот способ не сработает. Она лишь закроется, разозлится и разговор на этом закончится.

— Натали, — он коснулся ее запястья. — Ты ведь ждала меня. Ты никого не обманешь сейчас. Ждала. И вот, я здесь. Я не бросил тебя. И...

Как хотелось сказать сейчас, что отец ее тоже не бросил, и прямо в этот момент разрабатывает план. Но не хотелось давать ложной надежды — Скандор попросту может не успеть.

— Что «и»?

— И пришел тебя спасти, — выкрутился Ройл. Хотя в этом он не обманывал, конечно.

Натали молчала, все так же глядя на стену. И тогда Роланд притянул ее к себе, обнял. Ната была как сжатая пружинка, такая же упругая, напряженная. Кажется, расслабишь руки хоть на секунду, и она вырвется на свободу. Но пока он прижимал ее к себе, Ната не пыталась освободиться. Просто замерла, как настороженный птенец. Теплый, испуганный, хрупкий птенец. Не важно, кто она там, Ната ли, Евгения, или кто-то, в чьей ДНК не так уж много человеческого. Роланд чувствовал только безграничную нежность. Очень хотелось сказать: «Я люблю тебя», но будет ли это правдой? Он любит или только хочет уберечь от беды ту, кого он знал еще ребенком.

Ната обвила его руками за шею, приблизила лицо к его лицу, глаза ее были закрыты.

— Роланд, — прошептала она.

Он почувствовал поцелуй на своей шее, на вене, что билась сейчас, пульсировала одновременно с бешено колотящимся сердцем. Ее губы скользнули ниже, в ямку между ключицами. Ройл чувствовал, как голова пошла кругом. Но остановить ее не мог, и... не хотел. Даже если эти прикосновения лишь прелюдия к боли. Пусть.

Она запустила тонкие пальцы в его волосы, распрямляя, распутывая пряди. Провела ладонью по его губам, а потом накрыла их своими губами.

Ната повлекла его за собой, откинувшись назад, не разнимая сомкнутых на его шее рук. И Роланд позволил себя увлечь, чувствуя лишь жар и биение сердца. Поцелуи горьки, как соль, но хотелось выпить их до дна. Но отчего она так бледна, даже легкого румянца нет на щеках? И хотя она все так же подставляла лицо под поцелуи, и сжимала его плечи, но Ройл почувствовал, как пальцы ее холодны и будто безвольны.

— Ната... — прошептал Роланд, отстраняясь. — Что мы делаем? Я пришел тебе песенку спеть и пожелать доброй ночи.

Он пытался обернуть все в шутку, но Ната закусила губу: вот-вот и расплачется.

— Ну что ты... что ты... глупая моя принцессочка...

Он вновь прижал ее к груди, но огонь уже затихал, лишь искры тлели в груди, покалывая больно. Что это было сейчас? Ее крик о помощи? Последняя возможность ощутить жизнь? Потому что завтра может случиться что-то страшное... Что-то необратимое...

— Просто расскажи мне, — тихо сказал он, боясь спугнуть эту хрупкую тишину. — Ничего не бойся...

— Ты не знаешь, кто я, Ройл... Что я... — прошептала Ната, и он слышал в ее голосе подступающие слезы. — После этого ты меня точно поцеловать не захочешь уже больше никогда...

— Ну, это вряд ли.

Он провел ладонью по ее щеке — щека была влажной. Ревет... И платка нет под рукой. Да, какой, платок, о чем ты думаешь, Роланд... Какой же крошечный ужас она, должно быть, сейчас чувствует... Девочка, избалованная вниманием и любовью всех, кто ее окружал, оказавшаяся на самом дне бездны.

— Нет, нет... Ты просто не знаешь! — горячо заговорила она. — Ничего обо мне не знаешь!

Ройл хотел открыть ей, что знает уже достаточно, но тогда пришлось бы рассказать о Скандоре, а раньше времени не хотелось ее обнадеживать. Она пока справляется.

— Так объясни, — просто сказал Роланд. — Расскажи мне все.

Ната замолчала на несколько минут, обдумывая, всхлипывая. Ройл чувствовал, как вздрагивают ее худенькие плечи, но не торопил. Время еще было. Во всяком случае, он хотел в это верить...

— Я... покажу... — сказала, наконец, она. — Так проще... Но тебе, может быть, будет немного больно, когда я нырну. Ничего?

— Ерунда, — бодро ответил Роланд, он и правда считал, что это меньшая из бед. Пусть хоть покусает его, только перестанет реветь.

— Ладно...

Ната выпуталась из объятий и села напротив, теперь она глядела на него в упор.

— Смотри на меня. Не отводи взгляд только. И не дернись, от этого больнее будет.

— Ничего, что темно? — Роланд не боялся, а серьезность Наты его даже немного, самую капельку, забавляла, вот он и решил ей подыграть.

— Ничего, — ответила та строго. — Достаточно света. У тебя глаза... Такие красивые... Как темные звезды...

Она уже была не здесь, где-то далеко, голос звучал все глуше. И вдруг Роланд ощутил, что

ему в мозг словно воткнули лезвие ножа. Он чувствовал нечто подобное и в прошлый раз, когда Ната заглянула в его сознание, но сейчас ощущения были намного острее. Похоже, она действительно набирает силу. Хорошо, что у Роланда остались навыки и рефлекс симба: он не стал сопротивляться вторжению чужого разума, позволяя ему слиться со своим, а в памяти помимо воли возникла та самая считалочка.

Раз, два, королева жива...

Он стоял на земле, не на сером бетонном покрытии, которым была затянута поверхность Примариуса — на почве, покрытой травой. Ройл подумал было, что это Малый Центральный парк, но нет: небо было слишком высоко, а взгляд скользил до самого горизонта, до гряды небольших холмов, подпирающих горизонт, и видел лишь бескрайний простор. Ни зданий, ни воздушный трасс, лишь тишина, ветер и бесконечность неба над головой.

— Где я?

— Смотри, — голос Натали словно шептал ему на ухо.

Роланд пошел вперед, понимая прекрасно, что это лишь видится ему, что это нереально, но все же ощущал все и видел до мельчайших деталей. Копнул носком ботинка землю, она была сухая, искрошилась в пыль от его усилия. Давно не было дождя...

Что это за планета? Было в ней что-то неправильное, чуждое. Ройл присел на корточки рассматривая почву: трава белесая и тонкая, похожая на седые волосы. Поднял голову вверх: казалось, что тонкая пелена затянула небо, но, когда присмотрелся, понял, что это его естественный цвет — синева лишь едва проявлялась на нем, словно ее тщательно разбавляли, пока не оставили лишь слабый бледный оттенок.

— Чьими глазами я смотрю? — спросил он, понимая, что Ната лишь передает ему то, что у видела в сознании кого-то.

— Смотри, — вновь ответила она и ничего больше.

Роланд пошел вперед. Он бывал не на многих планетах, но эту не мог узнать. Хотя, признаться, было что-то в ее облике неуловимо знакомое.

Он дошел до обрыва и посмотрел вниз, на кипящую, пенную воду. Из нее поднимались, цепляясь за каменистый берег, тонкие алые ростки, похожие на нити, обвивали валуны прозрачной сеткой, кое-где распускались бахромой розовых соцветий. Роланд никогда не видел раньше ничего подобного. Он прикоснулся пальцем к бутону, и тот вздрогнул, сворачиваясь в тугой комок.

Вода бурлила, но вовсе не от того, что встречала на своем пути пороги. От поверхности поднимался пар, и Роланд ощутил тепло, когда поднес ладонь: вода действительно кипела.

Он совсем не понимал, зачем Ната показывает ему эту планету и как она может быть связана со всей этой историей. Но вопросов больше не задавал — ждал.

Время вдруг сделало скачок, стремительно сгустились сумерки — наступила ночь. Погода ясная и видны звезды, значит Роланд легко определит, где он находится сейчас, курс астронавигации всегда был одним из его любимых. Но чем дольше он смотрел, тем сильнее недоумевал: небо было знакомым. Это небо он изучил так хорошо, что мог, закрыв глаза, назвать все созвездия. И не удивительно, ведь он видел это небо каждую ночь. Правда, когда находился в Альтитуде, ведь на нижних уровнях едкая городская дымка затягивала звезды.

Небо Примариуса. Как такое возможно?

Он поднялся на холм, осматриваясь, пытаясь понять. И вдруг дни с молниеносной быстротой начали сменять друг друга. Дни и ночи мелькали с огромной скоростью, словно

кто-то неведомый щелкал, балуясь, огромным выключателем, погружая мир в темноту, и вновь зажигая солнце.

Роланд зажмурился, наблюдая мелькание теней из-под закрытых век. Но вот опять все застыло, заполненное ясным дневным светом.

— Смотри, — услышал он шепот Натали.

Небо прочертила серебристая тень, за ней еще одна, и еще. Корабли Конфедерации. Когда один из них пролетел над самой головой, Ройл узнал его — старейшая модель из самых первых. Он видел прототип в музее Академии. Судя по виду, этот относится к тем далеким временам, когда человечество начало активно колонизировать планеты.

Несколько столетий прошло с этого дня и как может хоть кто-то помнить то, чем все начиналось.

Роланд только сейчас начал припоминать, но очень смутно, школьный курс истории. Первоначально планета была признана непригодной для жизни. И прошло еще пара десятилетий после ее открытия до того момента, когда в Совете решили не упускать возможности. Да, в таком виде планета не годится для людей. Серная почва, избыток углекислого газа в атмосфере. Но уже тогда стали проводить первые удачные опыты терраформирования планет. Все же планета пусть отдаленно, но подходила выходцам с земли. Даже такие планеты встречались на пути колонизаторов не так часто, во всяком случае куда реже раскаленных шаров или газовых гигантов. Было принято решение планету изменить.

Карусель дней вновь закружилась вокруг Роланда с головокружительной скоростью, на этот раз так быстро, что свет и тьма слились воедино, окутав мир призрачным серым сумраком. Едва ли можно было понять, сколько времени прошло. Но всматриваясь в сумрак Ройл ясно видел, как постепенно меняется облик планеты. Небо поднялось еще выше и наполнилось синим цветом. Под ногами поднялась зеленая трава, а за спиной выросли деревья, словно по волшебству. Кипящий поток остыл, превратившись в спокойную неторопливую реку. А вдалеке, за кронами деревьев, можно было разглядеть первые человеческие поселения. Симпатичные маленькие дома с белыми стенами и синими, зелеными, желтыми крышами.

Ройл отчего-то вдруг почувствовал себя слабым и больным. Дышалось с трудом, каждый вдох словно отравлял его. Отчего такая беда? Ведь атмосферу успели изменить под потребности людей. Он упал на одно колено, оперся рукой. Ладонь щекотали упругие молодые травинки.

— Что случилось? — спросил он растеряно, хотя понимал, что едва ли получит ответ.

— Смотри, смотри, — прошептала Ната, и ему почудилась грусть в ее голосе. — Ты поймешь сейчас. Если попробуешь посмотреть иначе...

Что он должен увидеть?

Примариус на заре колонизации выглядел превосходно. Просто зеленая жемчужина, если можно так сказать. Синее небо, зелень, спокойные воды...

Отвратительно! Во что они превратили нашу планету! Наш дом!

Роланд (Роланд ли?) из последних сил попытался подняться. Когда-то он был невероятно силен. Быстр. Почти бессмертен. Невидим и неосязаем. И все же он был. Всегда был на этой планете. Много таких, как он. Но сейчас его жизнь и жизни таких, как он, оборвутся. Осталось недолго.

Они кричали, умоляли о помощи, но так и не были услышаны. Люди могли бы увидеть

лишь легкую тень на земле, да и то, если бы день был особенно солнечным и ясным. Но они не хотели даже смотреть. Да и тень едва ли что-то могла добавить к их пониманию мира. Тень была бесформенна и тонка. Тень — она и есть тень...

Роланд, бывший одновременно собой и чуждой сущностью, вспомнил, что сводом законов Совета Конфедерации было запрещено колонизировать планеты, уже заселенные разумными существами. Даже если они находятся на низшей ступени развития. К сожалению, человеческий разум не мог представить того, что некоторые разумные существа столь отличны от людей, что никаким образом не обнаруживали своего присутствия.

Ройл, опиравшийся ладонями о землю, обессиленный, опустошенный, понимал, что протянет недолго... И вдруг осознал, что нет у него ладоней, нет ног, нет даже тела в привычном понимании. Он был скорее сгустком электрической энергии или ожившей плазмой. Он был кем-то совсем иным.

Даже сейчас, лишившись почти всей жизненной силы, он знал, что может продержаться еще очень долго. Не так долго, как хотелось бы, но все же, если отсечь лишние протуберанцы, аккумулировать энергию в ядре, и впасть в некое подобие спячки, то он сможет ждать столько, сколько потребуется, чтобы отомстить.

Безымянная сущность не знала этих слов, но Роланд знал, и сейчас повторял их про себя, как мантру. «Убийцы, убийцы. Проклятые мерзкие твари. Никогда не будет вам прощения, пока вы живете на нашей планете».

Надежда была только на него. Он был единственным... Роланд подумал «альфой», потом «сильнейшим», потом «вождем», все эти слова не в полной мере характеризовали его статус, но подходили достаточно близко. И пока был жив он, были живы его «соплеменники», «братья», «родичи», «те, кого надо защищать». Опять близко, и опять не то... И не важно. Главное, что он сделает все, как нужно.

Река все так же несла свои спокойные воды. Город рос, подбираясь все ближе к холмам. К обрыву над рекой. Роланд ждал. Люди — пугливые создания, они не спешили покидать безопасные зоны. Вернее, взрослые особи нет-нет, а оказывались рядом. Но маленькие особи так далеко не заходили. А нужна была маленькая, чтобы все прошло удачно.

Он ждал. Он был очень терпелив. И однажды это случилось.

Город обнял холмы, построил мост через реку, разбил парк. И однажды ночью маленький русоволосый мальчик с серыми глазами подошел достаточно близко. Он смотрел на реку, на звезды, отражающиеся в воде, а потом обернулся и посмотрел прямо в глаза Роланда... Натали... Понтия... Сущности... Что мгновенно очнулась от долгого-долгого сна и тут же, не теряя времени, совершила то, ради чего ждала все эти долгие годы.

Мальчику показалось, что он вдохнул слишком много воздуха. Он даже закашлялся, прижимая ладони к груди. Не зная, что внутри него уже идет тихое и безжалостное сражение. Ученые Земли уже давно знали, что на ДНК можно записать любую информацию, и информация эта сохранится в течение миллионов лет. Знали, но пока не могли изобрести способ как именно это сделать. То, что ученым химикам и биологам было пока не подвластно, и не будет подвластно еще долгие века, сущность совершала, руководствуясь инстинктами.

Переписывала ДНК, меняя генетический код. ДНК человека, хранившее в себе память с миллиардах лет развития жизни на Земле, теперь будет хранить память и о нем тоже. О них. О безымянных погибших жителях планеты. Едва заметные, неощутимые изменения, которые, когда придет время, позволят вспомнить все. Изменить все.

Пройдет, наверное, еще ни одно столетие, прежде чем далекий потомок этого мальчика вдруг поймет, что он вовсе не человек. Вернее, он будет человеком и исконным жителем планеты одновременно. Он будет помнить. Будет видеть ее в своих снах. Будет желать отомстить так же горячо и сильно, как безымянная тень, умирающая сейчас у ног маленького человека.

Альфа выполнил свою миссию, и был уверен в успехе: спустя века его потомки отомстят за погубленную планету. Возможно, им не в полной мере достанутся все качества, которым обладал прародитель, но он надеялся, что они изобретут способ, обладая знаниями обоих миров, воссоздать «прайд»... «Братство»? «Стаю»? Роланд вновь не знал точного слова, но ясно увидел вдруг всех особей, составляющих семью. Альфа во главе. Тень, Огонь, Пепел, Ладони Ветра, Песня Забвения, Дрожь и Трепет, Холод Ночи... Все они вставали перед его внутренним взором. Они казались такими сильными, неуязвимыми. А люди их даже не замечали. Убили и не поняли этого... Но когда-нибудь придет время, когда им придется с ними считаться. Когда-нибудь они поговорят с людьми на их языке.

Но сейчас оставалось только попрощаться.

Плазма, из которой он состоял, развеялась. Ветер еще какое-то время нес вдоль берега реки воздушные серые клочки, похожие на лоскуты тумана. Мир погрузился во тьму...

Роланд долго не мог прийти в себя, понять кто он и где находится, а для начала осознать хотя бы то, что он все еще жив, а не развеялся по ветру: настолько свежи были последние впечатления. Дышать он, кажется, тоже разучился, а вспомнил об этом только тогда, когда Ната начала трясти его за плечи и шептать с паническими нотками в голосе:

— Ройл, дыши, дыши! Давай же!

Она тормозила его до тех пор, пока Ройл, наконец, не вздохнул полной грудью. И только тогда в голове окончательно прояснилось.

— Спецэффекты на высоте, — неловко пошутил он, очень уж отчаянно смотрела на него Ната, стараясь при этом не пересечься с ним взглядом и не утянуть за собой вновь в глубину.

Натали облизнула пересохшие губы, оглянулась на дверь, наклонилась к самому его уху.

— Ты понял, кто мы?

Конечно, он понял. Все больше фрагментов головоломки вставало на свои места, но картинка все еще была не полной.

— Поправь, если ошибусь. Все наши загадочные знакомцы на самом деле пробудившиеся от спячки коренные жители Примариуса, которые отчаянно хотят отомстить за свою гибель?

Он говорил тихо, хотя внутри все кипело. Силы возвращались к нему, и хотелось немедленно что-то предпринять, что-то делать. И в то же время, Роланд понимал, что силой и нахрапом здесь ничего не решить.

Натали кивнула на его слова и Ройл продолжил.

— А почему их так много? — и тут же ответил сам себе. — Ах, да. Тот мальчик передал генетическую информацию своим потомкам, те в свою очередь своим. Их могли быть и сотни к этому времени... Видимо, сработали не все гены. Не у всех... Они действительно считают себя исконными жителями планеты?

— О, не то слово... Ты вот ничего странного не заметил в их именах?

Роланд прокрутил в голове те несколько имен, что услышал за это время. Понтий — раз. Потом, тот бедолага, которого он вырубил снотворным на заброшенной фабрике. Имечко у

него тоже было странное, вот он и запомнил. Фемидий. И... И все, кажется. Он повторил вслух то, что вспомнил.

— И Дредд. Громила такой, — добавила Ната. — Могу еще несколько имен тебе назвать, но думаю, ты уже должен был уловить связь.

Ройл подумал, пожал плечами.

— Не знаю... Едва ли. Единственное — имена как будто не настоящие.

— Вот именно. Они не настоящие. Они себе взяли другие имена. Возомнили себя «Судьями».

Теперь и Роланд, наконец, уловил связь. И опять, сейчас, когда загадка разрешилась, Ройл испытал странное чувство — словно он с самого начала все знал, или во всяком случае держал в руках все части пазла, которые теперь сложились в общую картину. Хотя каких-то деталей еще не хватало... Он посмотрела на Натали и слово «Альфа» само всплыло в памяти, и следом за ним все те названия, которыми он так неловко пытался обозначить членов прайда. Тень... Так он назвал того, кто гасит свет. Огонь... Сейчас он помнил смутно, но кажется он мог повышать температуру окружающий среды.

Он перечислил вслух то, что вспомнил. Какая-то догадка была совсем близко, на самом кончике языка, но все ускользала от него. Ната, выслушав, закусил губу.

— Не понимаешь, да? Это мы! Все мы! Альфа — я. Жаклин — Огонь. Тень — Мирта. Пепел — Айвон. Ну, давай дальше сам... Мы — прайд. Ты сам это слово придумал, твой человеческий разум его подобрал.

— Еще «Братство» и «стая»... — Роланд понимал, что говорит не то и не о том, но слишком велико пока было потрясение.

Ната указала на него пальцем, словно, наконец, услышала что-то подходящее.

— Вот! Стая! У меня именно это слово в голове возникло, когда я видела все в первый раз своими глазами. Понтию мы напоминаем стаю. Это его сравнение. От того все эти «птенчики», «цыпленьши», «инкубаторы». Они вывели нас! Понимаешь?

Ройл понимал. Тем более он знал предысторию, рассказанную ему Скандором. Непонятно было только насколько сама Ната в курсе. Знает ли она, что настоящая Натали Флин погибла тогда на лайнере вместе с матерью? А она по сути и есть... своя мать.

— Я понимаю, — вместо этого ответил он.

Ната схватила его за руку, пальцы ее были горячи. Она несколько раз открыла и закрыла рот, словно хотела что-то сказать, но не решалась.

— Я... я не человек даже, — тихо произнесла она наконец. — Это ты тоже понимаешь? Даже меньше, чем Понтий и все эти серые... Они хотя бы родились... А нас создали искусственно: информация, записанная в ДНК не сработала так, как надо. Память вернулась, а способности — нет. Они долго пытались... В конце концов профессор Ашхисс помог сделать все, что нужно. Он гений, и ради науки готов пойти на все, даже на преступление. Не знаю, из чего меня намешали...

Она вздрогнула, когда произносила эти слова и Роланд теперь сам осторожно сжал ее ладонь. И Ната, почувствовав эту безмолвную поддержку, снова против воли заплакала.

— Так! Принцессочка! Возьми себя в руки: у нас очень мало времени, — Роланд старался придать жесткость своему голосу, говорить строго, хотя ему нестерпимо хотелось вновь обнять ее, утешить. Сейчас она совсем не была похожа на ту высокомерную злюкучку, которой Ройл ее всегда знал. Просто испуганная и растерянная девчонка, на которую вдруг свалилось слишком много всего.

— Они хотят сделать вас своей армией? — уточнил он, потому что Ната пока все равно не могла говорить, пытаясь справиться со слезами. — Отомстить? Но как? Да, вы сильная команда, но в масштабах планеты... Без обид, но одного отряда десантников достаточно...

Роланд вдруг замолчал, нахмурившись. Какая-то мысль не давала покоя.

— Было бы слишком просто, да?

— Да...

— Чего они хотят от вас? К чему готовят? Что случится завтра?

Ната вздохнула.

— Наши родители... Те, кого мы звали родителями... Они все — влиятельные люди. Ну, ты знаешь. Мой отец... Богаче него никого нет. Отец Айвона — начальник службы Охраны Порядка. А отец Мирты, ты не знал, сейчас удивишься — главнокомандующий космического флота. И все твои десантники подчиняются ему. Ты понял уже, наверное, к чему я...

Роланд, кажется, начинал понимать, хотя кое-что не сходилось.

— Но послушай, Скандор Флин был обычным человеком, когда все произошло. Как они могли знать, что он так возвысится? Или могли?

— Могли, — кивнула Ната. — Они сами и помогали. Подготовка идет уже не один десяток лет. Они не вчера появились, и даже не восемнадцать лет назад. Будь он сразу тем, кто есть, они бы к нему и не смогли подобраться так близко. Понтий сказал, что они долго следили за ним, рассчитывая шансы. Не только за ним, за многими. А когда дело завертелось, приложили все усилия, чтобы протолкнуть его на самый верх.

— Подожди! Как это «дело завертелось»? — Ройл почувствовал, что у него даже капельки пота выступают на лбу о необходимости задать Нате вопрос, который он пока не хотел задавать. Ранить ее, быть может. Но выбора не было. — Это они? Взорвали корабль на орбите? Там, где твоя мама была...

— И я. Она... Та девочка, которую звали Натали. Его дочь. Я знаю. Я все знаю, Ройл. Боялась тебе сказать. Но ты откуда знаешь?

Роланд принялся было подбирать слова, чтобы описать встречу со Скандором, но понял, что тогда разговор свернет совсем в другое русло. Получится долго, а сейчас другое было важно.

— Позже, ладно? Так ты знаешь. Это и к лучшему, я думаю, что теперь можно говорить не таясь. Значит, это они были? Мерзавцы.

Но Ната отрицательно покачала головой.

— Я тоже так подумала сначала. Но нет. Понтий уверяет, что нет. Они только расставили сеть, ожидая, кто же в нее попадется. Это он так выразился. Люди, мол, гибнут каждый день, и всегда найдутся те, кто готов на все, чтобы их вернуть. Они везде закидывали удочки: объявления, слухи... Ничего конкретного. Не обещание вернуть, на такое умный человек и не клюнул бы. А скорее, знаешь, надежда, утешение. Способ унять боль. Он говорит, Скандор сам их нашел, после того, как «Олимпик» развалился на орбите. И заключил с ними договор...

Для Роланда это известие явилось полнейшим откровением. Почему-то после разговора со Скандором у него сложилось другое впечатление о событиях почти двадцатилетней давности, но, вероятно, он просто неправильно понял отца Натали.

— Почему Понтий все тебе рассказал? С чего такая откровенность?

Ната пожала плечами, жест получился грустный, полный безысходности.

— Я — Альфа, — сказала она. — Без меня ничего не выйдет.

— Так откажись! Ты можешь отказаться?

От чего отказаться, он пока и сам не знал. Но явно план ничего хорошего не предполагал. Ната совсем поникла.

— Как? Он будто бы просит о добровольном сотрудничестве, но это ведь неправда. Я делаю вид, что сама согласилась, подыгрываю ему. А на самом деле, куда деваться. Мы ведь в их руках! Ладно, я вырвусь. Но как же другие? Даже если ты меня увезешь далеко-далеко, остальные не сбегут. Кого-то они наверняка схватят... Что делать — не знаю. Но и убежать не могу. Не могу их так подвести.

Роланд слушал и своим ушам не верил. Это говорила Натали, которую он знал? Натали, которая всю жизнь думала и заботилась только о себе?

— Чего они хотят, Ната? Просто скажи!

Ройл пытался разложить информацию по полочкам, установить логические связи, попытаться создать какое-то подобие порядка у себя в голове. Но все, что он узнал за последние несколько часов, просто отказывалось подчиняться логике. Видимо, здесь действовали совсем другие законы. Те, что сильнее разума. Любовь, ненависть, месть, отчаяние — все смешалось в единое взрывоопасное месиво, состоящее лишь из эмоций. И невозможно было понять, кто прав здесь, кто виноват.

— Меня объявили умершей, Ройл. Погибшей от несчастного случая. Но легко можно будет доказать, что наследницей Империи Флина являюсь я. Свидетелей полно. Кроме того, в договоре, подписанном моим отцом, есть пункт о том, что созданный генетический образец с юридической точки зрения будет считаться дочерью Скандора Флина. Даже несмотря на то, что во мне нет ничего от его ДНК...

Роланд быстро взглянул на Нату. Она знает. Действительно знает все. И как мужественно держится... Она была совсем одна, когда эта новость обрушилась на нее. Едва ли Понтий подбирал слова, стараясь пощадить ее чувства. Нет, просто выдал ей всю информацию, словно горькое лекарство. Да, больно. Да, страшно. Но тебе придется это переварить.

Он молчал, не зная, какие слова подобрать. Хотел взять ее за руку, но побоялся, что это вновь вызовет слезы. Жестоко, но он сейчас боялся сказать лишнее ободряющее слово, опасаясь, что это станет последней каплей. Ната и так уже на грани: глаза были сухими, но лихорадочно блестели, щеки пылали.

— Даже если кто-то попытается оспорить, есть лазейки. ДНК Евгении... Она, как никак, женой ему была...

— Нет, нет, Ната. Здесь ты ошибаешься. ДНК — синтетическая...

Только бы не сделать ей больнее, чем уже есть.

— Нет, это ты ошибаешься, Ройл. Тебе-то откуда знать? Я, конечно, и не человек даже, но синтетическую ДНК не воссоздать так, чтобы точная копия человека получилась. Во мне много всего намешали... Но все это невозможно было бы без настоящей человеческой ДНК. Скандор им сам принес. Сказал, что Евгения сдавала кровь для каких-то анализов, и образцы сохранились.

Роланд заставил себя удержаться слова, которые почти сорвались с языка. Кто обманывает — Скандор или Понтий? Конечно, «серым» верить нельзя, они любые факты подтасуют под свои интересы, но пока это неважно, куда ценнее то, что Ната сейчас пытается ему сказать.

Она посмотрела на Ройла хмуро: «зачем прервал», но, помолчав, продолжила. Голос внезапно стал злым.

— Ну, Ройл, не тупи уже! Я не могу это сказать! Ты ведь догадался, правда?

Он действительно догадался, но поверить в это не мог.

— Вы должны убить их? Или, может, подчинить своей воле?

Ната резко вздохнула, словно произнесенная вслух правда стала еще более жуткой, чем представлялась ей.

— Попытаться подчинить. И убить, если станет ясно, что полного контроля не получится. И не получится, Ройл... Ничего не получится. Отец не такой человек... Хотя, знаешь, гораздо проще будет это сделать после того, как он выкинул меня как ненужную вещь.

Роланд открыл рот, чтобы сказать все же правду — отец ее не бросил, но она положила ладонь на его губы.

— Вот только не говори ничего, мне и так хреново. Но и приятно немного. Я же чудовище, Ройл, не забывай об этом. Явлюсь завтра дорогому папочке, словно призрак. Здравсте, вы нас не ждали, а мы явились.

Она хорохорилась и специально себя раззадоривала, Ройл это ясно видел.

— Но я не одна явлюсь. Мы все вместе. Вся наша... стая. У папочки телохранители — да тьфу на них. Нас никто не остановит. Ну, за короткое время. А нам много времени и не нужно...

— Принцессочка...

Она не слышала, или делала вид, что не слышит.

— Сначала папочка, — Натали произносила это слово с легкой издевкой, вовсе не с нежностью, как могло бы показаться. — Потом отец Айвона. Потом...

— Ната!

— ... отец Мирты. Нам тут списочек составили, покажу тебе. С нами пойдешь или не хочешь в этом участвовать? Можешь отказаться, Ройл, я не обижусь.

В голосе ее слышались веселые нотки, кажущаяся беззаботность, но на самом деле она была близка к истерике.

— Натали!

— Ну что? Что? Чего тебе нужно? На совесть будешь давить? Бесполезно! Может быть я сама этого хочу! Понял? Сама!

В голове Роланда за несколько секунд успело родиться и рухнуть несколько блестящих планов. Но все они основывались на том, что придется рассказать о Скандоре и о том, что он ищет Нату, хочет ее вернуть. Девочка и так на грани, стоит перед мучительным выбором. Ей кажется, что она приняла решение, пусть так и будет пока.

— Я пойду с тобой, — просто ответил он.

А завтра он найдет способ всех спасти. Обязан найти. Хорошо, что придется действовать не в одиночку.

Слышал ли Скандор хоть слово, произнесенное здесь. Отлично, если так. Но чип, вживленный под ключицу, насколько понял Ройл, действовал лишь как передатчик местоположения. Оставалось надеяться, что Скандор сориентируется вовремя.

Ната же, готовая уже к отпору, никак не ожидала, что Ройл согласится так быстро.

— Пойдешь со мной убивать моего отца? — спросила она растерянно.

— Да. Ты ведь этого хочешь?

— Да... — в ее голосе вовсе не было уверенности, но и отступить теперь было некуда.

— Отлично. Значит так и сделаем.

Роланд полюбовался ее тонкими, красиво очерченными бровями, удивленно взлетевшими вверх и едва удержался от того, чтобы не коснуться губами ее лба. Ее губ... Тут же испытал угрызения совести: о чем ты думаешь, Ройл! Разве об этом сейчас надо думать!

Но Ната уже проследила направление его взгляда, замерла. Нашла на ощупь его руку, Ройл почувствовал, как ее тонкие холодные пальцы скрестились с его.

— Ты хочешь этого? Я тоже...

Если бы Роланд увидел в ее глазах что-то кроме отчаяния, то, возможно, не смог бы удержаться. В конце концов, он был всего лишь мужчиной. Но что бы Ната ни говорила сейчас, он ясно видел только то, что ей страшно, а это способ забыться.

— Иди сюда.

Он потянул ее на себя, Ната зажмурилась, кровь отлила от ее щек, но она послушно подняла лицо, подставляя его под поцелуи. Однако Ройл вовсе не собирался ее целовать, а только обнял, уютно устроил в кольце своих рук.

— Ты теплый, — сказала Натали.

— А ты постарайся поспать. Завтра долгий день...

— А где обещанная песенка на ночь?

Роланд усмехнулся: надо же, помнит.

— Я старый солдат и не знаю... песенок. Если только совсем детскую, пел ее сестренке, когда та была маленькой. Пойдет?

— Да, да...

Ната сжала руки под подбородком, устраиваясь удобнее. Роланд не столько пел, сколько шептал, опасаясь, что его голос услышат, но все же печальная мелодия нет-нет, а прорывалась сквозь шепот. Это была песня из старой сказки. Сказки про принцессу и дракона, что так любила читать перед сном Лесса.

В башне высокой принцесса жила.

Совсем одна, одна...

А по вечерам приходила тьма

И за руки ее брала.

Обнимала за плечи, смотрела в глаза:

— Принцесса, ты будешь моей.

Но пряла из лунного серебра

Принцесса прозрачные кружева

И пела смерти своей:

— Не видела я, но знаю,

Что есть на свете цветок.

Неведомый и прекрасный,

И имя его — Любовь.

Мне кажется, он алый — алый.

И жжет сильнее огня,

Но если держать его крепко,

То ты не коснешься меня...

А тьма забавлялась, кружась вокруг.

То ближе, то дальше шаги.

Она то смотрела принцессе в глаза,

То касалась ее руки.

— Я знаю — цветет он жарко,
И не спору — сильнее меня.
Но никто его долго не в силах держать,
А я ведь бессмертна — могу подождать.
Погаснет — и ты моя.
— Не видела я, но знаю,
Что есть на свете цветок.
Он так же как ты — бессмертен.
Ведь можно и уголек,
Угасший, увядший, поблекший,
Дыханьем своим оживить.
Осталось лишь научиться... любить.

Там еще была пара куплетов, но к своему стыду Роланд понял, что совсем позабыл слова. Стало грустно. Ни Лессы, ни ее песенки больше не осталось в этом мире. Но Ната еще была, дремала в его руках, доверчиво положив голову на плечо. Если ее завтра не станет, то и ему незачем задерживаться в этом мире. Он как-то это вдруг внезапно понял и сам удивился: пока эта маленькая злодейка садилась по утрам в его машину, Ройл ощущал какую-то правильность своей жизни. Пусть даже капризная девчонка обращала на своего телохранителя внимания меньше, чем на обивку кресел. Ему нравилось чувствовать, что она под его защитой, что хотя бы ее он точно уберет от всех бед...

— Ну что ты замолчал? — сонно спросила Ната, не открывая глаз. — Мне понравилась история. Чем все закончилось?

— Все хорошо закончилось, — Ройл не обманывал, он действительно смутно помнил, что принцессе удалось победить смерть, конечно, с помощью возлюбленного, оказавшегося драконом. Без драконов и принцесс в девчачьих сказках никуда. — Ты спи, спи...

Сам он откинулся, прислонился спиной к стене, стараясь не потревожить сон Наты. Ройлу было не привыкать спать в самых необычных условиях и в самых неудобных позах. Как-то раз он спал даже стоя, неся вахту. Так что сейчас просто приказал своему организму выключиться. Почти уснул, когда под ключицей ощутило колынуло: Роланд невольно дернул рукой, разбудив Натали.

— Что с тобой?

— Ничего, ничего... Все в порядке.

Он потерял место куда ввели чип, надеясь, что тот все еще исправен. Завтра ему не помешает помощь.

Иногда Роланду казалось, что каждому человеку при рождении выдается определенный запас удачи, который тот тратит в течение жизни. Иногда слишком быстро, и тогда удача заканчивается раньше времени. Ройл только надеялся, что он свой запас еще не исчерпал, потому что завтра он ему понадобится весь целиком.

Часть двадцать первая

Роланду показалось, что он не спал, но услышав скрип открывающейся двери, открыл глаза и понял, что прошло уже несколько часов. На пороге стоял Умница, он ничего не говорил, но уже по его молчанию было ясно — время пришло.

Ройл кивнул ему — «сейчас», и перевел глаза на девушку. Натали тихо спала, обняв одеяло. Там, где она сейчас находилось, не было страха и горечи. «Еще минуту, дам ей еще только минуту...» — думал Ройл, оттягивая время, понимая, что это попросту глупо, но ничего не мог с собой поделать. И все же лучше будет, если он разбудит ее сам, а не Понтий, который вот-вот ворвется в комнату, не дождавшись Альфы.

— Ната, — тронул он ее за плечо. — Надо просыпаться.

...Их собрали в коридоре, выставив шеренгой вдоль стены. Бледные, взъерошенные, на лицах отрешенность. Они хотели казаться воинами, но сейчас как-никогда бросалось в глаза, что они только дети. Ната тоже встала в строй. С момента пробуждения она так и не заговорила с Роландом, и даже не смотрела на него, а он просто следовал за ней, как тень. Стоял за ее спиной. Пусть не смотрит, но знает, что он рядом.

Понтий давал последние распоряжения. Сегодня как никогда собралось много «серых», но это была лишь малая часть «братства». Из разговора Ройл понял, что основные силы распределены и сосредоточены рядом с теми местами, где жили «родители». Будут наготове, но вмешаются только если что-то пойдет не так, как задумывалось. Основную работу должна проделать «стая».

Он слушал вполуха речь Понтия, выхватывая из нее самое основное:

— ...Пойдете одни, но мы будем наблюдать, направлять. Поднимите вверх руки с микронаушниками. У всех есть?

Все подняли руки.

Вслед за наушниками раздали капсулы, заставили проглотить.

— Энергетик, — коротко пояснил Понтий. — Завтрака сегодня не будет. На полный желудок тяжело воевать, птенчики.

Он рассмеялся, словно ситуация была веселее не придумать, но похоже, что весело было только ему.

— Дадите им оружие? — Роланд посмотрел на Понтия, сузив глаза. Скулы болели от напряжения — так сильно сжимал он челюсти, пытаясь держать себя в руках. — Раз уж отправляете воевать?

— Они сами оружие, солдатик. Зато у них все шансы пройти сквозь посты охраны. В этом весь смысл, сечешь? — и снова обратился к вжавшимся в стены «птенчикам», которые ну совсем никак не тянули на грозный отряд:

— Так! Взбодриться! Мы тренировались для этого дня! Еще несколько часов и все будет позади! И помните — они не родители вам. На свет вы все появились только благодаря мне. Да?

— Да... — нестройно протянули несколько голосов. Кажется, он основательно успел промыть им мозги... Натали молчала.

— Все пройдет как по маслу! А, ребятки? Постараемся все сделать быстро и мирно. Но, в случае необходимости вы знаете, как себя вести! Да?

— Да...

— Не слышу? Громче!

— Да.

— Громче, громче!

— Да!!

— Обнимемся! Мы семья! Мы «братство»! Друг за друга, все вместе!

Роланду было тошно на это смотреть. Дешевый трюк, который и в армии частенько применяли. Идите и умрите. Не за себя, не за свою семью, за чьи-то чужие нелепые идеи, за чьи-то деньги, чье-то тщеславие, чью-то ненависть...

Они, действительно, обнялись, прижались друг к другу. Только они вовсе не были воодушевлены близостью битвы, скорее пытались спрятаться.

К пропускному пункту, через который можно было попасть в Альтитуду их подвозили по одному, по парам, специально, чтобы невозможно было заподозрить сговора. Пропуска оформили заранее под разными предложениями. Кто-то по квоте отправлялся в больницу верхнего уровня, где принимали лучшие врачи. Кто-то в Сводную Библиотеку Университетов. Кто-то в Музей Истории Примариуса.

Хотя, казалось бы, ничто не отделяет средний уровень от верхнего, но существовала невидимая преграда. Многочисленные датчики мгновенно считывали данные чужаков, пытающихся прорваться наверх без разрешения. Сначала нарушитель ощущал нечто похожее на электрошок — это было первым предупреждением. Второе предупреждение — разряд на порядок сильнее. Третьего предупреждения не было, вслед за вторым наступала смерть.

Все получили четкие инструкции, куда следовать после того, как оказались в Альтитуде. Местом сбора назначили Библиотеку Университетов. После этого «стая» должна была начать действовать самостоятельно, следуя плану и подсказкам в наушниках.

Первым в плане назначен был Скандор Флин. Он принимал посетителей в своем кабинете по утрам, не составит труда проникнуть к нему. Роланд подумал о том, что, возможно, это даже на руку им. Он должен будет увидеть приближение Роланда по датчику, должен будет подготовиться к этой встрече.

Там все и решится. Никто не пострадает.

— Я поведу, — он удержал руку мужчины, который собирался сесть за руль аэрокара, где на заднем сидении уже сидела Ната.

— На тебя не заказывали пропуск, — нахмурился тот.

— Он у меня есть.

Роланд поднял рукав, демонстрируя надпись на руке: «Гость». Обычно такое гостевое приглашение действовало в течение суток, а суток еще не прошло.

— Я не уверен...

Водитель смотрел на него с нехорошим прищуром, но Понтий, наблюдавший за посадкой, махнул рукой.

— Пусть. Он бы может и рад нам в глотки вцепиться, но цыпленыша будет защищать до последнего. А тот, кто защищает Альфу, нам не враг.

Автомобиль Роланда взлетел первым, лишние пара минут покоя и тишины не помешает. Ната молчала, она так и не сказала ни слова с утра, но вдруг, прерывисто вздохнув, посмотрела на Ройла. Он увидел в зеркале заднего вида ее отчаянные глаза.

— Он ведь согласится? Согласится нам подчиниться?

— Все будет хорошо, — сказал он вместо ответа.

Ната, почувствовал уверенность и спокойствие в его голосе, не стала спорить, только

кивнула быстро несколько раз. Она не верила в это, но очень хотела верить.

Пропускной пункт миновали без проблем. Ройл поднес руку к считывающему устройству и надпись «гость» на его руке мгновенно была распознана и расшифрована. На экране появилась его фотография, данные, а также, чьим гостем он является. Служащий, увидев имя Скандора Флина уважительно присвистнул.

Ната протянула пропуск. Она была бледна, как полотно, но заподозрить ее в чем-либо было невозможно, тем более, что пропуск был выписан на посещение больницы.

Никого даже не заинтересовало, почему гость Скандора Флина везет в больницу девушку. Хотя Ройл уже успел заготовить правдоподобное объяснение, оно не потребовалось. Ворота, преграждающие путь аэрокару, открылись: они были в Альтитуде.

До библиотеки добрались быстро. Трасса здесь была практически пуста, а Ройл уже успел отвыкнуть от того, что не надо ежесекундно маневрировать, перестраиваться, нырять вверх и вниз. Он расслабленно положил руки на руль и чуть замедлил ход, давай Натали еще несколько минут, чтобы перевести дух.

Поэтому они вошли в вестибюль самые последние, когда все другие уже собрались.

— Ната! — Жаклин кинулась к ней, а следом все остальные. — Что дальше?

— Нам должны быть заказаны таксиметробили.

Ната наклонила голову, словно прислушивалась — так и было, ожил наушник и заговорил голосом Понтия.

— Да, они уже ждут, — подтвердила Натали. — Конечный пункт — особняк моего...

Она споткнулась.

— Скандора Флина.

Натали никогда еще не пользовалась этим входом, для того, чтобы попасть в особняк. Хотя он был предусмотрен для привилегированных гостей, толпу молодых людей никто не стал проверять на входе. Здесь тоже располагался пост охраны главы, но ни один детектор не подал сигнала, предупреждая об опасности. У парней и девушек не было с собой оружия, биологической угрозы они тоже не несли. Охранник только скользнул по ним удивленным взглядом, который остановился на лице Роланда.

— Экскурсия что ли какая? — миролюбиво спросил он.

Вдруг тень узнавания появилась в его глазах.

— А ты? Я тебя знаю?

Скорее всего, так и было. Роланд не знал его лично, но определенно пересекался с ним пару раз по службе. Ройл, конечно, придал лицу озадаченное выражение, радуясь про себя, что Ната затерялась среди других и остается неузнанной.

— Нет... Вроде нет...

— Ладно... Давай закачаю карту, чтобы вам легче было ориентироваться. Без карты до кабинета вы, боюсь, только к вечеру доберетесь.

Он хихикнул своей шутке, Роланд же послушно протянул руку браслетом вверх и охранник коснулся его планшетом, мгновенно уставив карту в навигатор.

Они отошли уже на приличное расстояние, хотя продвигались не так быстро, как хотелось, из-за того, что члены стаи принялись вертеть головами, разглядывая холл.

Все здесь было устроено так, чтобы специально пустить пыль в глаза богатым клиентом. Ведь только богатые и знаменитые могли пройти сквозь двери верхнего уровня. Стены были прозрачными, а по ту сторону в воде, переливающейся золотыми и серебряными блестками, плавали радужные рыбы. Плитка пола, по которой они ступали, под их шагами

сначала издавала отдельные ноты, которые потом слились в странную, отрывистую, но удивительно гармоничную мелодию. Над головой ничего не было, кроме синего неба и яркого солнца — голографическая иллюзия, конечно, но какая!

— Ого, — выдохнула Мирта. — Вот ты богачка, Ната.

— Не я, мой отец, — кратко ответила та.

Натали, кажется, единственную не занимали ни рыбы («Очередные мутанты», — брезгливо подумала она), ни музыка («Фу, дешевка»), ни остальная мишура, расставленная здесь, словно сеть, в которую должны попадать богатенькие клиенты.

План показывал, что дальше надо подняться еще выше на лифте, но они не успели зайти в него, потому что сзади их внезапно нагнал давешний охранник.

— Стойте. Я тебя узнал!

Роланд первым делом подумал, что охранник обращается к нему, но взгляд мужчины был устремлен на Натали. «Вот...!!» — мысленно выругался Ройл, прокручивая в голове приемы, которые позволят быстро вырубить охранника и просчитывая шансы.

— Мирта, — тихо, почти одними губами произнесла Натали.

Мирта кивнула, и в ту же секунду свет померк. Голографическое солнце выключилась, как обычная люстра. И даже серебристые искры, плавающие в воде, помутнели. Однако кое-где пробивался естественный свет — панели на потолке оказались подогнаны не плотно, свозь узенькие полоски проникали лучи настоящего солнца. Света было очень мало, но достаточно, чтобы увидеть, что охранник выхватил оружие — игтис, такой же, как был у Роланда. Ройл шагнул вперед, чтобы принять удар на себя. Охранник медлил, трубка дергалась в его руках, как живая. Очевидно ему еще не доводилось целиться в живых людей. А тут еще эта девчонка, так похожая на погибшую наследницу.

— Подожди, — мягко сказала Ната, выходя вперед, и, хотя Роланд положил уже ей руку на плечо, чтобы вернуть в безопасное место, она успокаивающе накрыла ее ладонью. — Подожди, Ройл. Сирены.

Она все так же не поднимала голоса, но Сирены поняли и с двух сторон вышли вперед, тихонько напевая. Выглядело это так, словно девчонки то ли хотят пошутить над охранником, то ли не от мира сего.

— Что?.. — начал он, но как-то растерялся, словно позабыл слова. Одна из Сирен продолжала петь, все громче и пронзительней, так что у Ройла заломило мозг, как бывает, когда кто-то рядом водит острым предметом по стеклу. Другая из девушек произнесла, общаясь к мужчине:

— Отдай оружие.

Голос ее был словно шорох бумаги на ветру, почти неразличим среди песни, что пела ее напарница.

Охранник протянул игтис, одной рукой он держался за голову.

— Дай нам пройти, — продолжила она. — Возвращайся на пост.

Охранник медленно повернулся и побрел, спотыкаясь, в обратном направлении. Только когда он скрылся за углом, у всех из груди вырвался невольный вздох. Голографическое солнце снова зажглось.

— Лифт, — напомнила Ната. Кажется, она единственная сохранила хладнокровие в этой ситуации. Опасность позволила ей собраться и действовать так, как учили. Или это внезапно заработал инстинкт альфы, который оказался сильнее человеческих сомнений и чувств.

Створки закрылись, включилась приятная мелодия и лифт медленно пополз вверх. Роланд продолжал следить за их перемещением по карте. Этаж FG-68 подсвечен был желтым — кабинет Скандора Флина на этом этаже.

Но еще не достигнув нужного уровня, лифт вдруг вздрогнул и остановился. Это было похоже не сбой в программе, и Роланд одновременно с Натой догадался, что произойдет дальше.

— Нас сейчас потянут вниз, — крикнула Натали.

— Охранник пришел в себя, — объяснил Роланд, обращаясь к тем, кто не понял, почему лифт завис. — Надо быстро что-то решать.

Ната оглянулась, отчаянно вглядываясь в лица своей стаи, и почти сразу ее озарила идея:

— Кит, Атлана, вы должны его раскачать. Сработает аварийная эвакуация — лифт дотянет до ближайшего этажа и откроется.

— Точно? — усомнился Роланд, вспомнив, что близнецы совсем недавно еще не умели контролировать свою силу, и представил уже вариант, что лифт просто, не выдержав вибрации, сорвется вниз.

— Я в них уверена! — Ната кинула на Роланда хмурый взгляд, закусив нижнюю губу. Он догадался, что она и сама все знает про Кита и Атлану, но ни за что не покажет своих опасений.

Близнецы вцепились друг в друга так, что костяшки пальцев побелели.

— Держитесь! — успел крикнуть Ройл.

Все схватились за поручни, идущие по периметру лифта. Лифт же, словно в ответ на его слова, завибрировал, задребезжал. Пластиковая панель на потолке разлетелась во все стороны осколками. Все закричали, закрывая головы. Свет погас, в полной темноте слышно было только звук стонущего металла: лифт боролся изо всех сил с неведомой силой, пытающейся его раскачать. А потом медленно-медленно пополз наверх и остановился, как надеялся Роланд, у выхода на этаж. Двери, однако, открываться не спешили.

— Они перекосятся! — Мирта произнесла это чуть не плача. Видно было, как бы она ни настраивалась на события сегодняшнего дня, но к такому повороту событий совершенно не была готова. Остальные подавлено молчали.

— Так, все хорошо! — громко сказала Ната. Роланд не видел в темноте ее лица, но голос звучал уверенно. — Майкл и Алекс, попробуйте ее открыть.

Ройл мимолетно удивился, кто такой Алекс, потом догадался, что это тот самый паренек со светлыми волосами, имя которого до сих пор было ему не известно. Он на пару с Майклом обладали телекинезом. И да, телекинез отличная идея — стоит попробовать.

Майкл и Алекс вышли вперед. Сейчас, когда действовать предстояло им, они сумели собраться. Альфа доверяла им, они не имели права раскисать. Но как бы ни старались они приоткрыть створки, те лишь были, подобно живому существу, и приоткрылись самое большее на пару сантиметров, так что едва можно было просунуть ладонь. Зато по крайней мере видно было, что снаружи лифта их никто не ждет. Пока...

Ната задумалась. Она укусила себя за костяшку указательного пальца, и Роланд видел, что она растеряна.

— От жара металл может деформироваться, — сказал он. — Но на какое-то время станет более податливым.

Натали метнула на него непонимающий, раздраженный взгляд, но секунду спустя на ее

лицо отразилось понимание.

— Да, да! Жаклин попробуй. Алекс и Майкл — будьте наготове.

Жаклин положила ладони на перекошенный створки, и очень быстро воздух в кабине лифта наполнился жаром. Металл нагревался очень быстро, а вместе с ним поднималась температура, так что уже через короткое время больно было вдыхать раскаленный воздух. Стены нагрелись тоже, так что все сбились в центре, встали, положив руки на плечи друг друга.

— Давайте теперь! — скомандовала Натали телекинетикам. Алекс и Майкл, казалось, ничего не делали, просто застыли, изо всех сил упершись ступнями в пол, но видно было, что внутри себя они прилагают колоссальные усилия: на лбу выступали капельки пота, кулаки крепко сжаты.

Некоторое время казалось, что двери лифта так и не поддадутся на усилия, но внезапно те, натужно взыв в последний раз, распахнулись так стремительно, что кабина лифта вздрогнула.

— Быстро, выходим!

Путь был открыт, карта на навигаторе показывала, что приемная Скандора Флина находится буквально в десятке метров дальше по коридору. И Роланд даже узнавал эту часть особняка, здесь он бывал, когда работал на Флина, здесь же он побывал не далее, чем вчера. Он уже сможет довести их без навигатора, впрочем, как и Натали.

Они едва успели перевести дух, вывалились в коридор и не могли надышаться. Осколки от разлетевшейся панели, хотя она и была изготовлена из безопасного пластика, все же оставили после себя небольшие ссадины и порезы.

— У тебя кровь, — Ната провела по лбу Роланда кончиками пальцев и показала ему. Роланд до этой секунды ничего не чувствовал, удивлялся только тому, что вспотел так сильно, что соленые капли заливают глаза. Ерунда, конечно, но видеть мешает.

— Гладис! — сказала Ната, но парнишка уже и сам вышел вперед.

— Не надо, время потеряем, — Роланд попробовал отказаться от помощи, но тот махнул рукой.

— Пара — тройка секунд, — ответил он, поднимая руки.

Ройл ничего не ощутил, но кровь идти перестала. Отлично.

Однако надежда, что теперь все будет идти как надо, исчезла в тот момент, когда по обеим сторонам стаи выросли парни в легкой броне с электрочарядниками в руках.

Натали обернулась на свой отряд, по ее глазам Роланд видел, что сдаваться она не собирается, и в этот момент просчитывает варианты, кого из команды отправить вперед. Мирта и Альберт мгновенно оглушат и ослепят неприятеля, Сирены лишат воли. Жаклин воспламенит. Айвон, чья сила узконаправлена, однако, вполне успешно разделался бы с деморализованным противником и по одиночке, не говоря уже о самой Натали.

Но нужно ли это делать?

— Стойте! — крикнул Роланд, поднимая руки, привлекая к себе внимание. Ната посмотрела удивленно, но обернулась на стаю, делая знак ждать.

— Куда вы должны нас отвести? — обратился он к бойцу, на чьих нашивках были две полосы — именно он отвечал сейчас за отряд.

— Мы должны вас отвести в кабинет Скандора Флина для разговора. Идите за нами, и никто не пострадает.

Ройл выразительно посмотрел на Натали, словно пытался сказать: «Разве мы не того же

самого хотели?» Ему можно было и не стараться так сильно, она сама уже все поняла и расслабленно опустила плечи.

— Да, не хотелось бы, чтобы кто-то пострадал, — сказала она с грустной иронией. Бойцам отряда и в голову не пришло, что это именно они избежали сейчас печальной участи.

— Следуйте за нами.

Старшина пошел вперед, за ним Роланд, ничего не мог с собой поделаться, даже понимая, что Ната в десятки раз сейчас сильнее его, он продолжал ее прикрывать. Следом стая, охрана обступила их по бокам и сзади.

Коридор, обычно заполненный посетителями, сейчас был пуст — всех успели эвакуировать. Ната сначала шла быстро, потом стала замедлять шаги, и в конце концов почти встала. Ройл понял, что она увидела дверь кабинета, до которой оставалось всего несколько метров.

Роланд вернулся, сжал ее руку.

— Я знаю, что тебе страшно. Просто поверь — все закончится хорошо!

Ему бы очень хотелось сказать, что Скандор на их стороне, и он жалел, что не нашел подходящего момента и нужных слов, чтобы сообщить об этом раньше.

— Я... Я не смогу его убить, — тихо сказала она. — Что бы я там раньше ни говорила...

— Тебе не придется...

— Идите! — старшина грубо прервал их, даже, кажется, потянул Натали за локоть. У Роланда сжался кулак, который он уже готов был всадить ему в челюсть. Натали вздернула голову, и Ройл увидел в ее глазах тот уже знакомый ему темный огонь, который возникал в те секунды, когда она переставала контролировать себя. Но их взгляды пересеклись и каждый увидел в другом отражение собственной злости, и тут же осознал всю бесполезность этого. Когда убить — просто, иногда нужно найти в себе силы именно для того, чтобы не убивать.

Пламя в ее глазах погасло, и она, преодолев последние несколько шагов, толкнула дверь кабинета.

Скандор Флин ждал их, стоя у своего стола, и когда Натали переступила порог, он тоже двинулся ей навстречу, раскрывая объятия.

Ната тут же замерла на месте.

— Ты бросил меня, — прошептала она. — Кинул на самое дно. Ты мне не отец даже!

Она обернулась на свою стаю, словно ища поддержки, и голос ее окреп:

— Но сейчас это все не важно! Мы здесь, чтобы предложить тебе сделку!

В кабинете стало тихо, слышно было только учащенное дыхание парней и девушек, что замерли у входа. Роланд думал о том, что все они, наблюдая разговор между Натой и Скандором Флином, представляли сейчас встречу с родителями, которая каждому из них предстоит.

Скандор молчал довольно долго. Вся его мощная фигура, словно вырубленная из куска каменной породы, его лицо, с грубыми чертами, которые, однако, говорили о его негиблом и цельном характере, сейчас вдруг словно поплыла. Роланд не мог дать точного определения этому, но только вдруг он увидел перед собой пожилого, усталого и может быть даже больного человека с землистым цветом кожи, с опущенными плечами.

— Прежде чем... случится то, что случится, я бы хотел сказать тебе, что любил тебя всегда по-настоящему, Ната.

Роланд краем глаза заметил, как переглянулись члены стаи, им не понравилась скрытая угроза в этих словах. Но сама Ната не подавала никакого знака к борьбе, быть может, она слышала сейчас только слова «любил по-настоящему» и теперь просто не могла прервать его, пока не узнает то, что будет дальше.

— Знаешь, всегда изумлялся тому, что в плохих боевиках злодеи вдруг начинают вести откровенные беседы в финале. Зачем? Убей и победишь. А сейчас понимаю. Такие беседы нужны вовсе не для того, чтобы закрыть сценарные дыры, а дать злодею последний шанс оправдаться. Мы все только люди. Слабые создания. Прости меня, Натали. Были моменты, когда я всерьез был уверен в том, что задуманное мной — бред, и я никогда не смогу воплотить свой план в реальность. Я был слаб в такие моменты. Но потом понимал, что это единственный выход для тебя. В любом случае — неизвестно, что лучше: быть марионеткой в руках этих тварей, или пожертвовать жизнью для спасения людей... По крайней мере, я знал, что делал для тебя все, чтобы ты была счастлива столько, сколько это было возможно...

— Я не понимаю, — прошептала Ната, совершенно сбита с толку. Она все так же не торопилась принимать решение, зная, что сила все равно на ее стороне. Но тогда она точно уже ничего не узнает.

— Девочка моя... Я объясню. Ты ведь знаешь о болезни «серая хворь», как ее называют в народе? У нее длинное медицинское название, но про «серую хворь», уверен, ты слышала не раз. Необъяснимая этиология и почти всегда летальный исход.

Роланд сжал челюсти, стараясь ничем не выдать своих чувств. Именно от этой болезни погибла Лесса, лечение не дало никаких результатов.

— Все были уверены, что болезнь — следствие дурной экологии. Загрязненный воздух, суррогатная пища. Но исследования показали, что ей в одинаковой степени подвержены, как люди с нижнего уровня, так и те, что живут в благополучных районах. Я много лет помогал исследованиям в этой области, десятки лабораторий независимо друг от друга пытались определить причину. В конце концов поиски дали результат...

Он не отводил взгляда, когда говорил это, смотрел на Натали, и на его лице сквозь привычное выражение уверенности и силы проступало нечто новое, незнакомое — чувство вины. Или, возможно, сожаление о том, что придется сделать.

— Я ничего не понимаю, — повторила Ната, растерянно на него глядя.

— Уверен, ты уже знаешь все о истории колонизации Примариуса. И о исконных жителях планеты, чья месть отсрочена была на столетия. Ты поэтому здесь. Предложить мне сотрудничество от лица тех, кто считает себя носителями древних душ. Занять ключевые точки в верхах власти, тогда взять Примариус под контроль будет проще простого. Они только не знают того, что месть их осуществляется давным-давно. «Серая хворь» — ничто иное, как испорченное ДНК. Информация, хранившаяся там, должна была пробудить память в нужный момент, спустя годы и годы. Но она не вся сохранялась в неизменном виде, дробилась, терялась. Эти осколки не могли пробудить память, но могли нанести серьезный вред организму. Вот, что является причиной болезни. Враг — внутри нас. Почти восемьдесят процентов жителей Примариуса произошли от первых колонистов, и почти все в той или иной степени несут в себе испорченный ген.

— Вы тоже больны, — констатировал Роланд, догадавшись сейчас, что интерес Скандора к исследованиям был вовсе не праздным.

— Да, — не стал отпираться Флин. — Болен и давно. Мы все больны, просто у кого-то

симптомы проявляются сразу, у кого-то позже, у кого-то не проявляются совсем. Но сейчас я как никогда близок к спасению жителей нашей планеты. Есть лекарство.

Он указал на Нату, которая, повинувшись неосознанному страху, отступила назад.

— Возможно, я никогда не решился бы на такой поступок, если бы не катастрофа. Если бы не гибель моей жены и дочери. Мне было нечего терять. Поэтому я сам нашел их и сам попросил о помощи. Самое смешное, что я тогда не догадывался об истинных намерениях этих людей, мне всего лишь нужен был кто-то, кто согласится изготовить клона. Они думали, что действуют на своих условиях, а я был уверен, что я действую на своих. В итоге обе стороны в дураках. Кровь, что я предоставил для создания девочки, уже была изменена. Мы тогда еще были в самом начале пути и ничего не знали ни о жуткой истории Примариуса, ни о испорченной ДНК. Только надеялись, что кровь Евгении, моей жены, которая родилась на другой планете и никак не может быть носителем измененного гена, сможет помочь. Ты, Натали, не только Альфа стаи. Это ведь так называется? О, не смотри так удивленно, я всегда был на шаг впереди, даже тогда, в самом начале, когда еще был не так богат и известен. Я потерял семью, я был болен, но разум был при мне уже тогда. Один я бы не справился, конечно. Хорошо, что довольно быстро удалось собрать группу. Объединившись, мы с каждым годом становились все сильнее, проталкивая друг друга наверх. Да и наши знакомцы не остались в стороне — им выгодно было мое... Наше возвышение. И теперь вот мы здесь, в финале пути. Натали, ты и твоя стая не только обладаете удивительными способностями — вы созданы так, чтобы спасти жителей Примариуса от гибели. И я правда сожалею...

Он словно подавился: не мог произнести эти слова, хотя все присутствующие в комнате давно догадались, о чем именно сожалеет Скандор Флин. Но он все же заставил себя договорить. Он никогда не оставлял дела незавершенными.

— Сожалею о том, что лекарство можно изготовить только из переработанного материала. Тебе придется умереть, моя девочка.

По лицу Натали никак нельзя было определить, понимает ли она то, что слышит. Она как будто была совершенно спокойна, стояла, склонив голову набок, разглядывая человека, которого долгое время считала отцом.

— Так ты всегда знал, что растишь меня как теленка на убой? — спросила она тихо. — Восхищаюсь твоей выдержкой. Думаю, что я выросла такой стервой, потому что всегда в глубине души чувствовала, что за всей твоей заботой не стоит настоящей любви. Так любят зверушек, но усыпляют, если они начинают доставлять неприятности. Ради их блага, конечно. И, как понимаю, нас всех надо разобрать на запчасти, чтобы получить мифическое лекарство? Так вот, зверушки отказываются умирать!

Она начала говорить спокойно, но к последней фразе уже дрожала от неконтролируемой злости.

— И знаешь, у меня сюрприз для тебя, папочка. Это ты сегодня умрешь! Мирта, Альберт, Айвон — вперед!

Скандор вдруг ухмыльнулся, и Роланд почему-то только в эту секунду понял, что человек, который достиг таких высот в обществе за такой короткий срок, никогда не смог бы сделать это честным путем. Он всегда уважал Скандора Флина, но, видимо, слишком мало его знал. Ведь даже сейчас, прикрываясь всеобщим благом, представляя себя едва ли не мучеником: как же, ведь он жертвует дочерью, — на самом деле хотел спасения только своей жизни. Он очень и очень болен, времени у него осталось совсем мало, Роланд теперь

отчетливо это видел и удивлялся, как не смог разглядеть раньше. И заметив, что Мирта, Альберт и Айвон делают шаг вперед, понял, что не станет его защищать.

Однако то, что случилось дальше, явилось полной неожиданностью для всех.

— У меня для тебя тоже сюрприз, Натали. Думаю, ты очень удивишься.

И Скандор вдруг повернулся к Роланду. Лицо его было лицом человека, который вдруг сорвал джек-пот в тот момент, когда все уже начинали жалеть бедолагу, спустившего все до гроша.

— Черная звезда, — сказал он.

Ключица Роланда, под которую был введен чип, вспыхнула огнем. Ему показалось, что руку вырвали с мясом, так сильна была боль. Но секундой позже Ройл понял, что боль — не самое страшное.

Все его тело наполнилось жаром, разум поплыл. Он терял сознание, но находясь уже где-то на грани, догадался, что именно с ним сделали. Всем симбам еще будучи курсантами вживляли в тело наноконструкцию, благодаря которой их нервная система через циребрум соединялась с псевдонейросетью челнока. По сути, человек отчасти становился киборгом и курсанты иногда шутили о том, что при желании можно взломать их разум и управлять им. Никто, правда, раньше не пытался взломать. Во-первых, каждая такая система обладала уникальным и неповторимым кодом, так что, если бы кто-то и сумел создать ключ, он подействовал бы на одного конкретного человека. А кому он нужен — один зомбированный воин, когда за деньги можно нанять целую армию. Поэтому слухи всегда оставались лишь слухами.

Но сейчас, когда его мышцы выкручивались, отказываясь подчиняться, Ройл понял, что взлом все же возможен. Что ключ, написанный отцом Жаклин и названный так красиво — «Черная звезда», предназначался для него. Что Скандор Флин спланировал это давным-давно, возможно, уже тогда, когда нанимал бывшего десантника — симбиота в телохранители своей дочери. А еще он догадывался, что взломанный боец превращался в грозное оружие. Он не будет чувствовать боли и страха, не остановится перед смертельной опасностью. Полностью покориться хозяину. Правда, пока его воля и сознание гасли, Роланд еще надеялся, что Натали поступит правильно и позволит стае уничтожить его, пока он не причинит никому вреда. Не причинит вреда ей...

Главное, чтобы она не замешкалась, не сомневалась и действовала быстро. Каждая секунда сейчас на счету. Ройл хотел крикнуть ей об этом, но рот уже свело судорогой, он не подчинялся ему, как и все остальное тело. Он еще мог мыслить, еще был собой, но уже чувствовал, как вытягивается по стойке смирно, как застывает его лицо в маске безразличия, но все же продолжал видеть и осознавать. Вот Айвон и Мирта переглянулись, ожидая приказа Альфы, Кит и Атлана держатся за руки. Рот Жаклин округляется, словно она хочет крикнуть, и она закрывает его рукой. Догадались ли она?

А Натали смотрит на Роланда в упор и ее синие глаза широко раскрыты. Она должна отдать приказ, или будет поздно. Но Ната молчит, и только смотрит, не отводя взгляд.

«Глупая принцессочка, прикажи им. Позови Айвона на помощь, он справится. Пусть Майкл оттолкнет меня, пусть Питер заморозит на месте... Еще мгновение и я, может быть, получу команду тебя убить».

Он представил, как заламывает ее хрупкие руки, как нещадно накручивает на руку волосы, заставляя упасть на колени. Роланд видел краем глаза, что Скандор Флин все так же стоит у стола, обдумывая, очевидно, какой приказ отдать. Время замедлилось и стало

ВЯЗКИМ.

Ройл видел, что Ната все поняла, догадалась, что Роланд ее личное персональное оружие. Скандор Флин и правда был гением. Идеальное решение и отличный план, который сработал. Нанять телохранителя с максимальным уровнем эмпатии, зная, что он не бросит свою подопечную в беде. Будет заботиться и защищать. Заставит ее поверить, что с ним она в безопасности. Заставит ее привязаться. Чтобы потом, в нужный момент, она не смогла принять правильного решения.

Часть двадцать вторая

— Держи ее, мальчик, — сказал Скандор, и голос его звучал устало. Он уже знал, что победил, и злость его как-то моментально выгорела. — Но будь бережным, мы не хотим делать ей больно. А вы, ребятки, не смотрите так, словно хотите съесть меня живьем. Вы ведь знаете, что если Альфа умрет, то и вы следом? Стая без Альфы не живет. И на случай, если кто-нибудь захочет причинить вред Роланду — мы не только заставили его слушаться, мы превратили его нейросеть в силовое поле, сквозь которое почти невозможно пробиться. Так что, птенцы... Они ведь вас так называют? Ведите себя хорошо и протяните руки, что вам смогли надеть магнитные браслеты. А потом сможете отдохнуть в гостиной на мягких диванах. Я уже даже распорядился приготовить вам какао и бутерброды. Не бойтесь, все, что случится потом, будет не больно. И вы сможете попрощаться с родителями.

Ната моргнула, а потом зажмурилась. Она отказывалась бороться, не хотела даже попробовать.

Роланд пошел вперед, подчиняясь приказу. Он не чувствовал рук, но видел, что положил ладони на плечи Натали. Не так, как привык, нежно и осторожно — обрушил их со всей силой: она едва устояла на ногах. Подняла лицо, пытаясь отыскать в его глазах прежнего Ройла, увидеть хотя бы отголосок его души.

«Принцессочка, ты еще можешь попытаться. Ты сильнее. Вспомни. Моя шея не защищена сейчас. Наверное, ты видишь, как бьется жилка. Попробуй...»

Все что он мог, это кричать, заключенный внутри собственного тела. Но Ната могла «нырнуть» и услышать, только он не чувствовал ее присутствия в своем разуме: она просто смотрела.

— О, Роланд, — прошептала она. Обвила его руками за талию, прижалась. Он уже не чувствовал прикосновений, но еще видел. Реальность постепенно мутнела, границы предметов размывались, ему казалось, что он умирает, но бороться не было сил.

Что же, может так даже лучше: он уйдет первым и не увидит ее гибели.

В детстве он читал книгу, в которой души умерших уходили в другой мир по мосту. И тогда ему казалось, что это так и должно быть, что это очень правильно и логично. Потом он вырос и забыл сказку. Но сейчас почему-то она выплыла из глубины памяти. Возможно, чтобы дать последнюю надежду. Если есть где-то этот мост, он будет ждать ее там, не уйдет один...

Обидно было только, что Ната погибнет зря. Если бы он только догадался насчет «Черной звезды». Если бы меньше доверял Скандору Флину... Но теперь уже поздно было об этом думать.

Слишком поздно.

Ната слышала, что кто-то из девушек плачет. Кажется, кто-то из Сирен, они всегда были такие нежные, им труднее всего давалась подготовка. А мысль о том, что придется вести борьбу с собственными родителями, их просто убивала. Держались они до сих пор только благодаря воли Альфы.

Ната подумала, что надо обернуться, поддержать, сказать на прощание какие-то слова своей стае. Но как она ни старалась, даже повернуть головы не могла — Роланд держал крепко. Неужели она больше их даже не увидит?

— Отец... Скандор! Разреши мне попроситься!

Ведь не откажет он ей в этой малости, теперь, когда уже победил.

— Роланд, поверни ее. Недолго. И смотри, если я почувствую в твоих словах подвох, на этом все и закончится. Роланд, следи.

Крепкие, сильные руки на секунду выпустили ее, давая развернуться. А потом он положил ладонь на ее горло, предостерегая от глупостей.

Роланд... Он ведь, правда, ее задушит, посмей она сказать хоть одно лишнее слово...

Ната подняла глаза на свою стаю. Вот они, стоят, прижавшись плечами, и смотрят на свою Альфу. Натали боялась, что они будут злиться за то, что она не расправилась с Роландом, пока еще могла, но по глазам видела: они понимают. А еще Ната только сейчас осознала, что такой финал был неизбежен. «Серые» действительно рассчитывали на то, что горстка юных девушек и парней способна устроить переворот? Даже будь они в сто раз сильнее и проводи в подготовках не месяц, а год — даже тогда они не смогли бы хладнокровно убить своих родителей. Ладно, тех, кого считали родителями. Провальный и глупый план...

Голос Понтия продолжал бормотать что-то в ухе. Он не умолкал с тех пор, как Роланд подчинился коду «Черная Звезда» и все пошло не так. Ната не вслушивалась, просто вытащила наушник и бросила на пол.

— Ну, что, фиговая из меня получилась Альфа... — сказала она, сморщившись, чтобы не разреветься. — Вы отличная команда! И, думаю, со временем мы стали бы не только командой... Мы бы стали семьей...

Натали никогда не была сильна в таких разговорах, вот и сейчас не знала, что сказать. Понимала только, что надо сказать что-то правильное на прощание, но как ни старалась не могла подобрать нужных слов. Будто растеряла вдруг весь словарный запас, превратившись опять в ту глупую девочку, какой была всего несколько недель назад.

Но была ли она глупой на самом деле? Была ли злой и эгоистичной, такой, какой все привыкли ее видеть. И такой, какой она сама привыкла видеть себя. Почему-то сейчас вся прошлая жизнь казалась такой далекой, будто случилась с другим человеком. На самом деле она только сейчас чувствовала себя той, кем должна была быть — лидером, который должен заботиться о других, не о себе... Если бы только можно было получить второй шанс...

— Простите, — сказала она, не зная, что здесь еще можно добавить.

Они, ее стая, не сговариваясь сжали правую ладонь в кулак и прижали к груди. У них никогда раньше не было такого жеста, они даже не договаривались ни о чем подобном, но Ната безошибочно угадала их молчаливое послание — «мы с тобой». Объединена ли была стая телепатической, или еще какой-то связью — неизвестно. Главное, что они понимали друг друга без слов.

— Роланд, проводи Натали в ее комнату, — сказал Скандор. — Следи.

«Следи»... Как собачке.

По утрам Натали всегда спускалась в кабинет отца на персональном лифте, теперь же этот лифт поднимал ее наверх. Она уже не надеялась когда-либо увидеть свою комнату, но оказавшись среди привычных вещей даже удивилась собственным ощущением — было чувство, будто не уходила.

Комната была в том самом виде, в каком она оставила ее, уходя в то утро. Странно даже, почему здесь не убрали? Кровать смята, на полу валяется прозрачная упаковка от последнего школьного костюма. На прикроватном столике стакан из-под коктейля. Она

провела пальцами по поверхности столика — даже пыль не вытерта.

А потом подумала, что ее отцу... Вернее, Скадору Флину — трудно теперь было называть этого человека своим отцом — не было чуждо что-то человеческое. Быть может он хотел сохранить частицу ее в этой комнате. Может быть даже заходил вечерами, сидел на этой кровати, вспоминая дочь. Ната подумала, как много в людях намешано всего противоречивого, и как трудно иногда с этим жить.

Ната нажала на панель — часть стены отъехала в сторону. Ей стало любопытно, на месте ли ее детские сокровища, которые хранились здесь, спрятанные в коробки. Она довольно небрежно всегда относилась к вещам, не берегла дорогие подарки, гаджеты теряла на каждом шагу. Но иногда сокровищем становилось что-то совершенно нелепое и смешное на первый взгляд.

Вот в этой коробке, например, хрупкие, пожелтевшие листья. Она принесла их домой после того, как гуляла с Джеком по парку. Джек. Она про него совсем забыла. Надо же.

А вот смешная кукла, связанная из носового платка. Однажды Натали, как обычно, устроила в машине истерику, по поводу чего, сейчас даже не смогла вспомнить. Стыдно даже, уже такая взрослая была девица. Водитель вытер ей нос платком, а потом завязал на нем узелки — ручки и ножки. Сделал куколку и протянул ей. Она фыркнула: «Я не ребенок!». Но куклу все же сохранила.

— Роланд, смотри, что я нашла! — крикнула она, забывшись. Роланд молчаливой тенью следовал за ней по пятам. — Это ведь ты мне тогда...

Она обернулась и осеклась. Его глаза были как темные провалы: ни мыслей, ни чувств...

Ната вздрогнула и разревелась, прижимая к щекам эту нелепую куклу из носового платка. Никогда больше Ройл не вытрет ей слез, не прижмет к груди... Никогда, никогда, никогда...

Зато и умирать будет не так обидно — все, кто ей дороги, уйдут вместе с ней.

Натали присела на кровать. Роланд встал рядом, глядя в одну точку поверх ее головы. Она взяла его за руку: пусть он не знает и не чувствует, но Ната обманывала себя тем, что возможно, какая-то частичка Роланда глубоко-глубоко в его душе почувствует тепло ее ладони.

Интересно, сколько еще здесь сидеть? Пусть все закончится поскорей.

Только как сумрачно здесь. Ната задрала голову — так и есть: защитные экраны почти полностью заглушали солнечный свет.

— Свет, — крикнула она.

Матовые стены мгновенно стали прозрачными, подчиняясь приказу. В комнату хлынули яркие лучи, заполнили каждый уголок. Хоть напоследок полюбоваться на чистое небо...

Ната откинулась на подушки, устремив взгляд на синюю бесконечность, раскинувшуюся над ней, насколько хватало глаз. Легкие белые облачка, как шапочки сливок на чашке с кофе. Кофе... Она его тоже больше не попробует. Ни прокатится с Роландом на аэрокаре. Не поцелует его. Ничего уже больше не будет... Как же так.

В небе над ее головой вдруг появилась темная точка, которая стремительно росла, приближаясь. Ната даже на секунду позабыла свои беды и удивленно подняла брови, наблюдая. Какой-то лихач забрался так высоко, выше всех трасс и зданий. Штраф ему вкатят огромный! Если поймают, конечно.

Но еще сильнее она удивилась, когда поняла, что аэрокар, не снижая скорости мчится

прямо на стеклянный куб, в котором расположена спальня Наты. И очень быстро мчится — еще секунда и врежется.

— Пригнись! — крикнула Ната Роланду, не зная, поймет ли он ее, дернула его за руку, потянула за собой на пол. Упала, больно стукнувшись локтями и тут же перекатилась под диван, действовала, полагаясь на инстинкт Альфы, и он ее не подвел. Роланд остался стоять на месте, его чувство самосохранения не работало теперь. К счастью, куб был изготовлен из материала, который от удара рассыпался в мелкую крошку, которая не представляла смертельной опасности. Правда, этим мелким, но острым песком запорошило все в спальне, а лицо Роланда и его руки испещрены были алыми точками, но он даже не сдвинулся с места.

Ната, выбравшись из-под кровати, первым делом проверила как он, а потом только нашла взглядом виновника происшествия. В центре спальни стоял немного покореженный, но вполне еще прилично сохранившийся Ксцентрик. А Ната уже была уверена, что после смертоубийственного столкновения он превратиться в лепешку вместе с водителем.

Водитель тоже был жив — здоров: Ната видела его силуэт сквозь темное лобовое стекло. Он тряс головой, пытаясь прийти в себя. Потом потянул на себя ручку двери и полувывалился — полувывернулся из автомобиля.

— Джек?! — воскликнула Ната.

Она не верила своим глазам. Вот уж кого она точно не ожидала увидеть — так это Джека.

— Что ты здесь делаешь, сумасшедший?

Джек поднялся, пошатываясь и попытался улыбнуться своей широкой, неотразимой улыбкой, но быстро расплывающийся на скуле огромный синяк не дал ему это сделать: он ойкнул и схватился за щеку.

— Тебя спасаю, — сообщил он невнятно. — Кажется, челюсть сломал. Зато какое эффектное появление. Скажи?

Натали только могла рот открывать и закрывать. Может она уже сошла с ума, а это галлюцинации?

— Я тебе не мерещусь, Ната! Давай быстро в машину. Времени у нас мало!

— Но... Знаешь, я тебе не верю! Ты только притворяешься другом. Думаешь, я не помню, как ты себя повел, когда я обратилась к тебе за помощью!

Джек раздраженно развел руками.

— Ну, хорошо! И как я себя повел? Я тебе сразу сказал: тебе лучше оставаться там, где ты есть. Так? Это был лучший вариант, согласишься. Надо было держаться подальше и от этих «Древних душ» и от папани своего. Они все имели на тебя планы. И я надеялся, что у тебя хватит ума спрятаться... Вы так хорошо бегали с этим водителем, я бы уверен, что вас не найдут.

— Так ты знал? — задохнулась от возмущения Ната. — Знал и не сказал?

Кажется, Джек понял, что сплеховал и как-то растерял привычную ему самоуверенность.

— Ты пойми, все очень сложно. Я узнал о планах Скандора и группы не специально. Долгая история, но получилось так, что я отслеживаю переписку отца...

Он несколько смущенно потер переносицу.

— Не буду распространяться об этом, хорошо? Он в сговоре со Скандором. Давно уже. Они все решали, как лучше проверить это дело. Вернее, там, в переписке были лишь какие-

тое намеки, но твое имя употреблялось в сочетании с такими словами, как «использование», например. И еще «лекарство». Это было странно, но не совсем понятно, что к чему. Потом ты пропала, и я только тогда стал копать глубже. Так что на момент нашей встречи я знал только, что возвращение опасно для тебя. И был холоден специально, чтобы тебя ничего не держало.

Ната фыркнула.

— А что меня могло бы держать?

Джек снова попытался включить режим неотразимости и снова, ойкнув, схватился за скулу.

— Вот жесть! Ната, ты правда думала, что твоя влюбленность была не заметна? Да ты буквально вешалась на меня. Мне никогда не хотелось тебя обижать, но, прости, я тебя никогда не любил. Разве что, как младшую сестренку.

Натали думала, что ей больно будет это услышать, но на удивление она ощутила только что-то вроде облегчения.

— Пфф, и отлично! Я тоже тебя больше не люблю. Можешь не переживать!

Прозвучало это, правда, немного более эмоционально, чем она рассчитывала.

— О, вот это даже немного обидно! — но он тут же усмехнулся, показывая, что это шутка.

Потом оглянулся, посмотрел на браслет, который сначала светился спокойным зеленым цветом, а сейчас постепенно стал алеть. Браслет — таймер из детской игры. Наверное, для Джека все происходящее сейчас не более чем игра — адреналиновый квест в реальности. Не удивительно, что ввязался — это вполне в его характере, но зато теперь по крайней мере, Ната почти не сомневалась, что он действительно хочет ее вытащить.

— Не думаю, что у нас много времени на разговоры, Ната. Может, договорим позже?

— Так ты, значит, проник в мою башню, чтобы спасти принцессу из заточения?

— Башню? Принцессу? — Джек наморщил лоб. — Натали, тебе надо меньше читать сказок. Но действительно пришел спасти. Когда ты пропала, я начал узнавать все подробности дела. Навещал Скандора, типа, чтобы утешить. Он не многое сообщал в беседах, но, знаешь, маленькие гаджеты, расставленные там и сям, глаза и уши слуг, разные фразы, которые проскальзывали в разговорах. Я в тебя никогда не был влюблен, крошка, но позволить, чтобы подругу детства разлили по бутылочкам, я тоже не мог.

— Ты... Джек... Спасибо!

— Так не за что пока! Лезь в машину, пока не набежала охрана.

— Да, да... Конечно. А как же Роланд?

Роланд все время их разговора все так же стоял неподвижно и даже не смотрел в их сторону. Очевидно, пока Натали находится в комнате, он не станет предпринимать никаких действий.

— А, водитель... Бедняга. Не повезло ему, вроде хороший парень был.

— Джек, я его не брошу здесь!!

— О, даже так? И как же ты думаешь поступить? В машину добровольно он не сядет. Если честно, я думал его пристрелить, чтобы не мучился. Понимаю — жалко. Но он не выпустит нас просто так. У него сейчас разума нет, одна программа — следить и не допустить, чтобы ты сбежала.

— Нет, я не верю...

— Seriously. Этот код «Черная звезда» — жуткая штука. Я, когда узнал, прямо

посочувствовал бедолаге. Хакнули нейросеть, а заодно выжгли мозги. Считай, это киборг. Ну, или зомби. Как тебе больше нравится?

Джек вытащил из сумки на поясе аргиус — оружие аристократов. Такой аккуратный, маленький и смертельный.

Он направил его в голову Роланда, который не повернулся и никак не прореагировал на направленное на него оружие. Темные волосы его прядками падали на лицо и почти закрывали глаза. Капельки крови, оставленные осколками от разлетевшегося в пыль стекла, стекали по щекам. А глаза были чернее, чем обычно, словно его внутри заполняла тьма.

— Вот, один выстрел. Он ничего не почувствует.

— Нет! Нет! — Ната повисла на его руке. — Подожди! Подожди!!

Джек нехотя опустил оружие.

— Чего ждать, Ната? Время на исходе.

Ната и сама толком не понимала, чего хочет. Голова кружилась от невозможности осознать и принять то, что гибель Роланда неизбежна.

— Так, мне это надоело.

Джек подхватил Натали поперек талии и, взвалив на плечо, начал отступать к автомобилю. Ксцентрик стоял буквально в двух шагах, но даже это расстояние не удалось пройти: Роланд преодолел дистанцию до ксцентрика одним прыжком, захлопнул дверцу, обернулся к Джеку, который уже, решив не связываться, начал отходить назад, и опустив Натали на пол, придерживал ее за талию. Даже это расценено было программой, вживленной Роланду, как угроза. Одним коротким ударом в грудь он откинул Джека назад, удержав Натали за локоть, больно сжал ее руку: пальцы, сомкнувшись, продавили кожу. Ната вскрикнула. На одних инстинктах, которые на секунду взяли вверх, она вцепилась ему в ладонь. Кости ломались словно высохшие, истончившиеся ветки. Это должно было быть чертовски больно, но Роланд даже не вздрогнул, не вскрикнул, только хватка, конечно, стала слабее.

— Ой... Прости меня!

Ройл уже снова застыл: объект на месте, значит нуждается только в наблюдении.

— Ничего себе! — присвистнул Джек. — Ну, ты сильна! Я слышал, конечно, но поверить не мог... Убедилась, кстати: он нас не выпустит просто так. И даже боль не может привести его в чувство. Честно, гуманнее пристрелить.

Он вновь поднял аргиус.

— Ты отвернись, если тебе тяжело на это смотреть.

Наверное, надо отпустить его. Не мучить. Если надежды нет, то ни к чему длить страдания.

Если только... Может быть, он где-то все еще там...

— Джек, дай мне минуту! Там время идет по-другому, только минуту, мне хватит...

— Где там? О чем ты вообще?

Она махнула рукой — некогда было подбирать слова.

— Попробую его вытащить.

Ната взобралась с ногами на кровать — иначе бы ей не удалось заглянуть Роланду в глаза. Встала на самый край, взяла его лицо в ладони, которые мгновенно стали липкими от крови. Все его лицо было залито кровью — из раны на голове и от маленьких порезов.

— Мой бедный, — прошептала она.

— Ната, у тебя минута. Дольше тянуть нельзя.

— Да, да, ладно...

Минута. Она могла только надеяться, что «нырнув» получит больше времени.

Вздохнула, и отыскав, нащупав его ускользающий взгляд, бросилась, как с обрыва в реку.

И тут же закричала от ужасной боли: показалось, будто она упала в бассейн с кипятком. Хотелось выбраться, сбежать поскорее — это вовсе не было похоже на привычную ей долину, заполненную звездочками — воспоминаниями. Все здесь пылало, горело огнем. И на первый взгляд не осталось ничего, кроме пламени.

Как же больно.

— Роланд! Ройл!

И звать бесполезно, никто не придет.

Но вдруг в огненной реке словно появилось дуновение прохладного ветра, освежающий поток омыл ее, остужая пламя, и Ната пошла по нему, как по дороге.

И ощущение того, что она идет по какой-то твердой поверхности, все усиливалось с каждым шагом. В конце концов ей стало казаться, что она идет по тропинке, ведущей через темные холмы. Над головой — черное ночное небо без единой звезды, но по крайней мере нет уже того огненного ада, а только душная, липкая жара.

А потом постепенно стало светлеть, и это было удивительно, потому что небо по-прежнему оставалось черным, но в сумраке стали проступать очертания предметов. Долина, покрытая чахлыми деревцами, листья на них обессиленно повисли, иссушенные жарой. Проселочная дорога. Земля, по которой шла Натали, словно каменная — черная и спекшаяся. Впереди, чуть в стороне от дороги вставала башня. Ната видела ее серые гладкие стены, зубцы и маленькое окошко на самом верху. В окне на секунду мелькнула чья-то фигура, но отсюда трудно было разглядеть кто это — мужчина или женщина.

И как только она смогла рассмотреть башню, как в ту же секунду оказалась у ее подножия: у этого мира были свои правила игры.

— Эй! — крикнула она, задрав голову.

Стена на ощупь была шершавой и теплой, так не должно было быть — камень обычно сохраняет прохладу.

— Ну, и как мне проникнуть внутрь, интересно, — пробормотала Ната, ни к кому не обращаясь.

Про время она старалась не думать, но где-то внутри себя продолжала видеть браслет, наливающийся красным.

— Привет, — произнес чей-то тонкий голос наверху.

Из окошка выглядывал мальчишка, он свесился наполовину, рискуя вывалиться, и смотрел на гостью. Его силуэт сливался с черным небом, поэтому трудно было разглядеть лицо. Ната догадалась скорее по голосу и коротким волосам, что перед ней мальчик.

— Пустишь меня?

— Ага, ладно. А то там опасно, ты знаешь?

— Опасно?

— Да. Здесь дракон, и он все сжигает. Я тут спрятался и жду. Но даже не знаю, сколько еще смогу ждать — камни нагреваются.

По стене скользнула серая тень, Ната отпрянула, а потом разглядела, что это всего лишь веревка, которую скинул мальчик.

— Забирайся!

Ну что же. Ната никогда не умела карабкаться по канату, даже в школе это упражнение ей не давалось. Но может быть достаточно представить, что она умеет, и тогда все получится?

Ощущения, правда, были вполне реальны — руки саднило от грубых волокон, колени она тоже довольно быстро стерла, пытаясь отталкиваться от каменной кладки. Через подоконник она перевалилась, как мешок с тряпьем. Как же так-то, она ведь Альфа. Невероятно сильная, ловкая и... Ната растерялась даже, подыскивая эпитеты самой себе. Ладно, похоже, здесь эти трюки не работают.

На полу перед ней стоял темноволосый мальчик в белой рубашке, смотрел внимательно, словно ожидая, что она ему скажет.

— И давно ты тут сидишь? — спросила Ната, потому что это единственное, что пришло ей в голову. Окружающая ее действительность была так реальна, что она временами забывала, где находится.

— Не помню, — ответил он, пожав плечами.

— А кого ждешь?

— Не помню тоже... — голос стал грустным.

— А как зовут тебя, помнишь? — Ната присела рядом с ним на колени.

— Уголек... Кажется...

Натали взяла его за руки, заглянула в лицо. Уголек. Роланд. То, что осталось от его души. И если она его вытащит сейчас — каким образом, Ната пока и сама не знала — не останется ли взрослый мужчина с разумом ребенка? Вряд ли бы он этого хотел...

— Дай хоть обниму тебя, — прошептала она. И не дожидаясь ответа, прижала к себе мальчишку.

— Я тебя жду? — спросил Уголек, уткнувшись ей в плечо. Ната чувствовала его легкое дыхание, тонкие руки доверчиво обвили шею.

И Натали поняла, что не сможет, никак не сможет бросить его здесь. Ну, пусть, он никогда не будет прежним Роландом, но разве он меньше станет любить жизнь? В мире столько всего прекрасного. Пусть он будет внутри только ребенком, но ведь именно дети так непосредственно и искренне радуются каждому дню. И откуда ей знать, чего бы хотел Ройл на самом деле. Он точно не из тех людей, что сдается, вот и сейчас до последнего держался, ждал ее.

Над поверхностью земли пронесся низкий гул, башня содрогнулась. Сухой горячий воздух ворвался в единственное окно: сразу стало тяжелее дышать.

— Дракон, — объяснил Уголек. — Все ближе.

— Так, понятно. А выйти можно из башни, или только по канату?

— Здесь есть ступеньки, но спускаться опасно. Там смерть ходит...

— Ты так сейчас это сказал, словно Смерть — это старуха с косой, в черном капюшоне. — Ната пыталась пошутить, разрядить обстановку, но Уголек оставался серьезным, даже еще сильнее сжал губы.

— Так и есть. Косы я, правда, не видел. Но плащ у нее черный, это точно. Я хотел выйти, а она по лестнице ходит — вверх, вниз. Только в эту комнату не заходит, потому я здесь и сижу.

— Прелесть какая, — пробормотала Ната, которая вовсе не горела желанием повстречаться с самой Смертью. — Значит, через окно!

У окна их ждал неприятный сюрприз — от толстого каната, который Ната оставила

свисать из окна, сохранился только конец, который был привязан внутри башни. Та часть, что оставалась снаружи, превратилась в пепел — видимо, Дракон пролетел слишком близко и сжег его своим дыханием.

Натали высунулась из окна, прикидывая расстояние до поверхности — высоко. И если волдыри на руках и стертые колени болели до сих пор, значит разум воспринимает все происходящее реальностью. Прыгнут — разобьются. Тут и сказочке конец...

— Уголек! — она взяла его за руки. — Знаю, что тебе страшно, но нам придется спуститься по ступеням. И что мы с тобой — маленькие, чтобы бояться какой-то там старухи! Плюнем на нее, она и рассыплется!

Уголек посмотрел недоверчиво, но спорить не стал.

— Ладно, идем, — вздохнул он. — Я первый.

— Это почему?

— Я мальчик и буду тебя защищать.

Ната не смогла сдержать улыбки — Ройл оставался собой даже сейчас.

— Давай вместе! — она протянула руку.

Лестница начиналась под деревянным люком в полу, Ната потянула крышку за кольцо — в лицо ей дохнула жаркая, липкая темнота. Ступени удалось разглядеть не сразу, но глаза постепенно привыкли, и она увидела их. Каменная лестница вилась спиралью, Ната насчитала пять ступеней, остальные скрывались за поворотом. Узкая — не развернуться если что, отступать придется спиной. И идти придется поодиночке, зря пообещала Угольку держать его за руку.

— Я первая, — сказала она твердо, чтобы Угольку и в голову не пришло спорить. — Держись прямо за мной.

Маленький Роланд засопел, но промолчал.

В узком проходе между серых стен было темно и душно. Возникло ощущение, что они спускаются на дно колодца. Шаги гулко отражались от стен, и казалось, что впереди и сзади их сопровождают невидимые спутники.

Они спускались уже очень долго и по ощущениям давно должны были достигнуть выхода. Но не выхода, не старухи в капюшоне не наблюдалось. Нате стало тревожно: что если они так и будут идти и идти вечность в этой темноте, без надежды выбраться наружу. И сколько прошло уже времени? Может быть, и сама она давно мертва там, во внешнем мире, а здесь остался лишь ее призрак, обреченный на бесконечный спуск по спирали все ниже и ниже. Стены давили и воздуха не хватало.

— Роланд, — крикнула она, не сдержавшись. На секунду стало так страшно, что сердце едва не выскочило из груди.

— Я здесь! — он коснулся сзади ее ладони.

Ната, чувствовала, что у нее от волнения подгибаются ноги и села на корточки. Роланд присел рядом.

— Отдохнем, да?

— Да... Уголек! Почему эта башня? Почему дракон? И старуха эта! Ох, ты, наверное, даже не понимаешь, о чем я говорю...

Она закрыла лицо руками. Надо сосредоточиться, надо подумать... Но мысли разбегались, внутри была только пустота и страх.

Мальчик вдруг заговорил, глядя в пол:

— Мне кажется, будто я в каком-то сне. Что это все не совсем настоящее. Я, наверное,

сплю в своей комнате, а башня, дракон и смерть — они просто пришли из сказки, которую мама читала на ночь.

— И что за сказка?

— Сказка про сына дракона. На него уже при рождении наложили проклятие, потому что его отец дракон погубил много прекрасных девушек. Это была месть за его злодеяния. Попросили самую жестокую колдунью, чтобы она заколдовала ребенка, потому что другим в последний момент становилось его жаль. И проклятие это заключалось в том, что сын дракона, который выглядел как обычный ребенок, должен был губить всех, кого любит. Смерть шла за ним попятам и касалась своей костлявой рукой всех, кто был ему дорог. Сначала умерли все, кто решался вырастить мальчика. И в конце концов не осталось никого, кто захотел бы проявить к нему хоть капельку сострадания. Все гнали его прочь. И в один из дней он покинул город — больше он никому не был нужен здесь, никто не хотел помочь. Он пошел скитаться по лесам и долинам, одинокий и несчастный. Другой ребенок давно бы уже умер от голода и болезней, но сын дракона не был обычным мальчиком. Ему не страшен был ни холод, ни голод — он прекрасно обходился без еды и воды, и не замерзал даже в метель. Иногда добрые жители деревень и маленьких хуторов, которых он встречал по пути, не зная ничего о мальчике, хотели его приютить. Но проклятие не оставило его, и когда однажды утром все члены семьи, забравшей его к себе в дом, не проснулись, он решил, что больше не позволит себе ни к кому привязаться. Так он и шел вперед и вперед, пока не превратился из ребенка в мужчину.

Он замолчал ненадолго, и Ната уже подумала было, что это конец истории.

— Печально как. Не хотелось бы мне стать причиной страданий тех, кого я люблю, — сказала она, и вдруг вздрогнула, прижав руки к груди. Нату словно холодной водой окатило, тело покрылось мурашками даже в этой жаркой духоте. Она и сама такой же несчастный ребенок, проклятый ни за что. Никто не спросил ее, хотела бы она эту силу, ведь пока ничего, кроме страданий и разрушения она не дала. И никакой надежды, никакого спасения...

— Это еще не все, — ответил Уголек. — И ты что-то, вижу, расстроилась. Это ведь сказка, а в сказках все всегда заканчивается хорошо... Хотя и не сразу. Он скитался так, пока не пришел к башне, что возвышалась одиноко среди зеленого поля. По краям поля стоял непроходимый лес, увитый колючими лианами, так что никто из людей не мог сквозь них пробраться. Но сын дракона был человеком только наполовину и острые шипы не ранили его. А еще он мог раскалить свое тело, словно горящую головешку и лианы сами стремились уползти подальше от его огня.

— Класс! — сказала Ната. — А я вот так не могу.

— Еще бы, — сказал Уголек. — Ну, слушай дальше! Сын дракона надеялся, что башня пустует, и он тогда сможет поселиться в ней, жить одиноко и никому больше не причинить вреда. И как же он удивился, увидев, что в окне башни стоит прекрасная девушка. Девушка была печальна и бледна. «Кто ты и почему так печальна?» — спросил сын дракона. «Я печальна, потому что проклята и обречена на вечные страдания!» — ответила она: «Каждую ночь приходит ко мне старуха Смерть и мучает меня. Забирает все силы, всю радость и надежду. Грозится убить, но почему-то не убивает, и каждую ночь все повторяется снова...» Сыну дракона стало очень жаль несчастную девушку. К тому же, он сам был проклят и понимал, что это такое. Поэтому он не ушел, не бросил ее одну, а поселился в лесу неподалеку и каждое утро приходил и подбадривал ее, разговаривал с ней, стараясь, чтобы

ее жизнь стала хоть немного лучше и светлее. Но с каждым днем, он все сильнее чувствовал, что привязывается к ней. Что еще немного и не сможет жить без ее улыбки и тихого голоса. А это означало, что он, полюбив, погубит ее. Она и так, бедная, каждую ночь так близка к гибели. И сын дракона решил рассказать ей все, попрощаться и уйти. Но девушка, услышав о проклятии, не испугалась. «Если ты уйдешь, — сказала она, — я все равно умру. Сердце мое остановится от горя. Ведь я уже очень сильно люблю тебя и не смогу теперь жить, как раньше — каждую ночь в вечном страхе перед Смертью. Пусть я лучше умру в твоих объятиях. Поднимайся ко мне, проведем последний день вместе!» Сын дракона заплакал, но понял, что по-другому поступить не сможет. Пусть это будет их последняя ночь, а когда Смерть коснется ее, он, как только это случится, выбросится из окна башни. Он поднялся в башню, и они провели вместе весь день, и это был самый прекрасный день в их жизни. А потом солнце закатилось за горизонт, и на лестнице раздались тихие шаги — это поднималась Смерть. «Вот и все, — сказала девушка. — Сожми меня крепче. Сожги меня своим огнем. Я вспыхну, как звезда, и умру счастливой!» Она прижалась к его груди, а он сжал ее в своих объятиях, и засиял, загорелся ярким алым огнем. И в эту же секунду к ним кинулась черная тень — это была Смерть. Она была от злости и корчила страшные гримасы. Она была в ярости. Она пыталась подступиться ближе, но языки огня не давали ей этого сделать, и Смерть была бессильна перед ними. Сын дракона держал свою любимую и плакал, потому что был уверен, что она уже мертва, но она вдруг прикоснулась к его щеке, и рука ее была прохладной и белой, без единого ожога, хотя она стояла в центре бушующего пламени. «Мой любимый, — сказала она, — мы победили Смерть. И победили свое проклятие».

Уголек замолчал и Ната поняла, что сказка рассказана до конца.

— Очень, очень красиво... — прошептала она. — Теперь понятно. Башни, драконы, старуха Смерть, что ходит вокруг да около. Это все где-то глубоко внутри тебя, Роланд. Часть тебя самого...

— Нет, вовсе не это часть меня. Там еще, знаешь, было одно предложение в самом конце. Оно что-то навсегда во мне изменило.

Ната боялась перебить: маленький Уголек говорил сейчас как взрослый Роланд. Ей хотелось продлить это ощущение хоть на минуту, зная, что скоро наваждение разрушится.

— Когда все в мире против тебя и пытается погубить, то спасает только любовь, — сказал он. — Так заканчивалась сказка. И я почему-то сразу поверил, хотя ведь именно так и должны заканчиваться все сказки. В мире, где мы живем, столько предательства, слабости, обмана и зла, что только любовь иногда заставляет темноту отступить и согревает своим теплом холод ночи.

Он замолчал и Ната молчала тоже. Она представляла, как маленький Уголек, услышавший сказку, долго ворочается в постели и не может уснуть. Он так очарован этой историей, что хочет немедленно бежать и спасти принцесс, томящихся в башнях. Но принцесс поблизости нет, да и сам он еще слишком мал. И тогда он решает, что будет побеждать зло потихоньку, настолько, насколько ему хватит сил. Встанет на защиту слабых, протянет руку тем, кто в беде — сделает этот мир хоть немного теплее. Потом он рос, и сказка стиралась из памяти, уходила в подсознание. Но самое важное, то, без чего Роланд не был бы собой, осталось.

Темнота в узком проходе между каменных стен сгущалась. Дышать становилось все тяжелее. Башня вздрагивала и гудела, где-то за ее пределами по черной беззвездной равнине

летал, рассекая воздух, Дракон, уничтожая и сжигая все вокруг. Дракон — обезумевшая взломанная нейросеть, которая пыталась вытеснить все живое, добраться до самой сути Ройла, который продержался так долго именно благодаря своей сказке.

На лестнице раздались гулкие шаги, кто-то, шаркая и прихрамывая, поднимался вверх.

— Это Смерть, — прошептал Уголек, поднимая на Нату черные, сияющие словно маленькие звездочки, глаза. И вдруг в них мелькнуло что-то вроде узнавания, словно он впервые по-настоящему ее увидел.

— Я тебя помню. Мне снилось однажды, что я вырос, стал большим и сильным... Мне снилось, что ты моя принцесса, заколдованная и проклятая. И такая любимая...

Ната почувствовала, как по щекам ее льются слезы.

— И я тоже люблю тебя, Роланд.

На его лице поочередно отразились удивление, недоверие, а потом все заслонила настоящая радость: он понял, что она совершенно искренна сейчас.

— Зато, по крайней мере, умрем вместе, — продолжила она, смиряясь.

Отвернувшись, глядя в темноту провала, вот еще секунда, еще две, и Смерть шагнет из-за поворота, протянет костяные пальцы... И почувствовала вдруг, что ее обнимают сильные руки. Роланд, который больше не был ребенком, притянул ее к себе, прижал, защищая.

— Нет уж. Не сегодня. Никто не умрет сегодня.

Он поцеловал ее в кончик носа. Ната обняла его. Какой он... Какой... Лучше всех на этом свете, вот.

Все вокруг заполнил свет, он залил узкий лестничный проход, где они стояли обнявшись, потом, источив каменные стены, растворив их, вырвался наружу, прогоняя тьму. Дракон взревел последний раз, но уже было ясно, что сила его слабеет. В небе над их головами вспыхнула электрическим импульсом тонкая сеть, и тут же разлетелась искрами — пылинками неопасными уже никому.

Ната вдруг стала различать силуэты предметов в комнате, мелькнуло лицо Джека, который внимательно смотрел на нее. Он говорил что-то, но голос звучал неотчетливо, как гул. Потом она поняла, что подает: не чувствует ног. Но в последнюю секунду кто-то удержал ее. А потом этот кто-то прикоснулся губами к макушке. А потом охнул, почувствовав боль в сломанных пальцах.

— Принцессочка, вот в этом ты вся. Спасибо, левую руку сломала — она мне не пригодится в бою, — но по голосу было ясно: не злится.

— Ни фиги себе! — присвистнул Джек, наблюдая за этой сценой. — Ты что, реально вытащила его! Обалдеть!

Зрение постепенно прояснилось, Ната сидела на кровати и трясла головой, прогоняя последнее наваждение. Роланд в это время, оторвав от шелковой простыни широкую полоску, заматывал себе ладонь. Это и правда был он: настоящий, живой.

Браслет Джека окончательно покраснел — время, вышло. Конечно, точно никто не мог сказать, как быстро появятся охранники, Джек рассчитал приблизительно, но в любом случае надо спешить. Он заметно нервничал, переступая с ноги на ногу, ждал, пока Роланд закончит с рукой.

— Все? Давайте тогда быстрее, в машину.

Ройл оглянулся, смерил взглядом слегка покоруженный Ксцентрик, стеклянную стену, сквозь которую проникал ветер. Не такой мощный, как мог быть, к счастью, комнату защищало слабое силовое поле.

— Хорошая машина, — сказал он и словно между делом туго завязал пряди волос, так, чтобы они больше не лезли в глаза. — А стены, смотрю, хрупкие.

— Ага, — смешался Джек, не зная, как реагировать. — Может поторопимся?

— Обязательно, — сказал Роланд.

Он снял рубашку, остался в майке.

— Мешает, — кратко пояснил он Нате, которая смотрела на него во все глаза. — Стесняет движения.

Он стоял рядом с Джеком, и друг детства Наты смотрелся сейчас испуганным, встрепанным птенцом рядом с мускулистым, молчаливым Роландом.

— Аргиус заряжен? — спросил он коротко, увидев оружие в руках парня. И не дожидаясь ответа протянул руку. — Давай. У меня еще игтус охранника, должно хватить.

— Для чего? — нервно спросил Джек, вцепляясь в аргиус, но Ройл не стал объяснять, теряя время, вместо этого аккуратно надавил тому на запястье и оружие скользнуло в его ладонь.

— Для всего, — мрачно, но непонятно высказался Ройл. — За руль сяду я. Вы на заднее сиденье и пристегнитесь.

— Я... Я... не полечу, — невнятно прошептал Джек. — Я представляю, что ты задумал. Это самоубийство!

— А я полечу с тобой! — Ната уже стояла на ногах, хотя еще чувствовала слабость.

Он только кивнул в ответ.

— Что-то я разозлился, — сказал он, включая двигатель.

Натали сидела тихо, как мышка. Что-то в движениях Роланда, в его интонациях ясно говорило о том, что лучше его сейчас не трогать. Она словно впервые заново увидела Ройла — собранного и хорошо обученного бойца, безжалостного в бою.

Ей, Альфе, на секунду стало страшно.

Часть двадцать третья. Финал

Джек растерянно застыл посреди комнаты, потом махнул рукой:

— Лечу с вами!

Возможно, он представил, что в комнату вот-вот поднимутся вооруженные люди и не факт, что с первого взгляда определяют в нем Джека Лорна. Возможно, даже начнут стрелять... Возможно, рядом с этими двумя ненормальными он будет в большей безопасности, чем оставшись один.

Ксцентрик натужно загудел, под днищем заискрило, и по полу потянулась тонкая чёрная дымная пелена. Приборная панель заалела предупреждениями о неисправностях, но Ройл сумел поднять машину в воздух и осторожно провёл её сквозь сверкающий острыми краями пролом в стекле. Едва вынырнув наружу, машина резко развернулась и просела на этаж ниже, да так, что Джек с Натали хором ойкнули.

— Пищать команды не было, — усмехнулся Ройл. — Ты — перелезай за руль. Натали, при... хм, молодец, научилась пристегиваться. Слушайте оба. Сейчас мы проведём неподготовленную миссию по освобождению заложников. Вас этому не учили, а у меня сломана рука, так что от того, как вы будете слушаться, зависит много жизней. Твоя, Ната. Твоя, Джек. И всех этих цыплят. Ну и моя на сдачу! Не надо возражать, Натали, я пойду один. Спуститесь на двадцать этажей. Вам — королевским особам вряд ли известно, но через каждые двадцать этажей на наружной стене закрепляется сервисная платформа. На случай ремонтов или перевозки крупногабаритных предметов. Выглядит как горизонтальный матово — чёрный выступ пять на пять метров. Пульт найдёте, управление простейшее — вверх — вниз, силовое поле, стоп. Спускаетесь, пересаживаетесь на платформу сразу поднимаетесь к пролому в стене. Ясно?

— Эммм... Да!

— Натали, помнишь стишок про королеву?

— Да...

— Читай его вслух. Когда стишок кончится, надо быть у пролома!

— Ройл! У какого ещё пролома?

— Вот у этого!

Ройл одним тягучим движением выбрался из окна машины прямо на её крышу. Он вытащил аргус и выстрелил в стену, а затем сделал шаг вперёд и резко оттолкнувшись от смятого капота Ксцентрика прыгнул сквозь потрескавшийся от попадания пластик.

Машина с Джеком и запоздало протестующей Натали ушла вниз, а Ройл катился по полу, сквозь белую россыпь оконного пластика и шептал:

Раз, два

Королева жива

Медленно, словно в замедленной съемке, навстречу Ройлу побежали трое охранников. Один налетел на локоть встающего десантника и выбыл из игры. Второй попытался достать Ройла прикладом и был отправлен в очень длинное путешествие за разбитое окно.

Третий оказался умнее и начал вытаскивать игтус. Времени у него на это не хватило, так что нажатый пальцами Ройла спусковой крючок разрядил парализатор прямо в бедро владельца. Судорожно сжатые пальцы охранника к большому сожалению последнего остались на спусковом крючке, поэтому падая он выстрелил в себя еще несколько раз.

Рой этого уже не видел, он вылетал в подкате сквозь широкий коридор продолжая говорить:

Хоть отдельно от тела

Ее голова.

Он впечатался в стену, сила инерции помогла ему выпрямиться вдоль неё. Два разряда впились в паркет прямо у его ног. Ройл тут же перекатился вперёд и бросил два подобранных куска оконного пластика в стреляющих в него охранников.

Руки стали травой, посмотри... — кричала Натали, дёргая страховочный трос, удерживающий платформу на стене. Он всё никак не отцеплялся от карабина. Джек тем временем колдовал над приборной панелью. Всё оказалось немного сложнее, чем утверждал Ройл. Разумеется, никто им не мог сказать, что они нашли не сервисную, а пожарную платформу.

Три — четыре, четыре — три.

Ноги отправились потанцевать.

Ройл прошел мимо рефлекторно дернувшегося охранника на полу. Выстрел в прозрачную панель холла, сквозь матовый пластик которой с трудом угадываются очертания оставшейся на этаже охраны.

Их уже не догнать.

Пять и шесть...

Продолжал он, забрасывая в холл парализованное тело. Пока зелёные искры игтуса впивались в скользящее по полу тело охранника, Ройл одного за другим поразил вооруженных людей в ноги.

Шесть и пять.

Стала ветром и светом...

Твердила Натали, поднимая лицо навстречу нисходящему ледяному потоку, — платформа начала подъём

Водой и травой,

Но осталась собой...

Выкрикнул Ройл, швыряя в лицо нападающему разряженный, а значит бесполезный аргиус. Подбегающему слева повезло меньше, ему достался ещё один — последний — осколок окна.

И осталась живой.

Семь, восемь...

Поворот-поворот-коридор, выстрел игтуса — мимо и бросок им же — попал! Странно, у двери совсем нет охраны. Не осталось охраны... Двое заледеневших тела на полу. А смотреть за стол справа, из-под которого поднимается дымок, лучше не стоит...Ай да птенцы, решила спасать свою Альфу всё-таки!

У нее мы спросим

Девять, десять...

Сквозь слёзы твердила Натали, глядя на медленно, слишком медленно, приближающийся пролом.

Все ответы взвесим

Снегом станем, огнем станем

Быть собой не перестанем.

Из пролома выглянул Ройл. Выглянул и скрылся, а на подлетающую платформу один за

одним стали прыгивать мальчишки и девчонки — стая. Её стая.

Платформа подрагивала от ударов ног, но держалась прямо и крепко. Мирта не удержалась, покатила кубарем по поверхности. Ната вскрикнула, уже представив, что та рухнет в пропасть, но по краям платформы, оказывается, защищала от падения невидимая глазу преграда — силовое поле.

Вот и последняя пара приготовилась к прыжку — Сирены и здесь оставались вместе, выпрыгнули из пролома, держась за руки.

И с каждым прибывающим членом стаи Ната чувствовала, словно сила ее растет. А еще ощутила удивительное спокойствие — точно все части ее организма собрались воедино, и все вновь стало так, как надо. Не хватало только главного.

— Ройл, давай! — крикнула она.

Все расступились, освобождая ему место для прыжка. Роланд оттолкнулся от проема и приземлился аккуратно в центр круга. Правда, в последний миг нога подвела, и он рухнул на колено, поморщился, вставая. И едва снова не упал, на этот раз оттого, что Ната повисла у него на шее, прижалась, вдыхая запах машинного масла, крови и пота.

Платформа тем временем уже скользила вниз — Джек не растерялся, взял управление на себя. Альтитуда уходила все выше, небо затягивалось пеленой тумана. Здания и конструкции подступали все ближе. Медиум, Тандем, Инфериор. Пожарная платформа могла двигаться только в одном направлении — вниз. Но Ната понимала, что на самом деле, с каждым метром она все ближе к свободе. Она не падала сейчас, она поднималась...

...Майкл был сильно удивлен, когда, открыв дверь другу, получил в довесок целую толпу взъерошенных, поцарапанных и помятых молодых людей. Он молча наблюдал, приподняв бровь, как они рассаживаются кто где — на полу, на подоконнике. Даже на стол примостилась худенькая девочка. Роланд остался стоять, хотя ему услужливо оставили кресло. И еще одна девушка осталась стоять рядом с ним — черноволосая, ее синие глаза сияли каким-то необыкновенным, нереальным светом. Она держала Ройла за руку так крепко, словно боялась отпустить хотя бы на секунду.

— Ну, привет, — доброжелательно обратился Майл к присутствующим, которые смотрели на него с опасением, но и с надеждой. — Ройл, твои друзья, как я понимаю?

— Да, — коротко ответил тот.

— Твои друзья — мои друзья. Что же... Будьте как дома. В холодильнике, кажется, была какая-то еда... Ройл, на секундочку.

Майк кивнул в сторону коридора — единственного места, где можно было уединиться. И там они какое-то время молчали. Роланд остро чувствовал, что выпить не помешало бы.

Майк пошарил рукой под пледом, которым был укрыт по пояс и извлек на свет крошечную бутылочку, уже ополовиненную. Мысли сошлись.

— Пока молодежь не видит, — проворчал он, окручивая крышку. — Давай, по глотку. Выдохни и рассказывай все, как есть.

Разговор «на минуточку» растянулся на долгие полчаса.

— И что ты думаешь делать дальше? — спросил Майк, кивнув в сторону двери, за которой тихо как мышки сидели спасенные Ройлом парни и девушки. — Вы можете оставаться у меня сколько нужно...

— Ты сможешь сделать нам документы? — перебил его Роланд. — О большем не прошу.

Майк задумался, потом неуверенно кивнул.

— Да. Думаю, да... Но, боюсь, их отследят рано или поздно. Вас найдут.

Ройл усмехнулся как-то не по-доброму.

— Пусть ищут. Поиски в Инфериоре могут занять не один год. К тому же время работает на нас. Кто знает, в какую грозную силу превратится стая через год — два... Я обучу их.

Майк молчал: нечего было возразить на это. Судя по тому, что рассказал ему сейчас Роланд, скоро сами «серые», как он называл их в разговоре, станут опасаться своих творений. Да и Скандор Флин с его «группой» побоится вступать в открытую борьбу. Кажется, спокойной жизни на Примариусе скоро придет конец. С другой стороны, этому обществу, расслоившемуся на уровни с их устоявшимися границами, точно не помешает хорошая встряска.

В коридор выглянул смуглый паренек. На его скуле расплывался синяк, темные волосы до сих пор были припорошены стеклянной пылью. Джек, кажется. Сын президента Лорна.

Реальность с каждой минутой все больше напоминала какой-то сюр, но Майк уже устал удивляться, принимая как данность тот факт, что сын президента сейчас находится в его убогой квартирке и в данный момент доедает бутерброд, который Майк успел соорудить себе перед нашествием этих юных супергероев.

— Роланд, я пойду, — сказал Джек.

Выглядел при этом немного виноватым. Немного подумал и протянул руку:

— Рад был знакомству.

— Оставайся, если хочешь, — ответил Роланд, пожав протянутую ладонь. — Для тебя тоже найдется место.

— Нет... Не смогу, пожалуй.

— А как объяснишь разбитый Ксцентрик и... все это?

— Ну, со своим-то отцом я как-нибудь договорится сумею. И не бойся, я вас не выдам. Если понадобится помощь...

Он замолчал, обдумывая слова, которые собирался сейчас произнести.

— Уверен, когда-нибудь я заменю отца на его посту. И тогда... Обращайтесь!

Он улыбнулся, словно сам не был уверен до конца — твердое ли это обещание или всего лишь шутка.

Роланд и Майк проводили взглядом удаляющуюся фигуру. Джек шел, расправив плечи. Что же, сегодня ему нечего было стыдиться.

— И еще, — добавил Ройл, помолчав. — У тебя есть оружие. Одолжи на пару часов. Не думаю, что придется его применить, но пусть будет.

— Куда ты опять собрался? — Майк не смог сдержать удивления. Хотя, чему удивляться, это же Роланд. — Кого ты еще забыл спасти?

Ройл только улыбнулся на это, вместо ответа.

Автомобиль пришлось угнать. Ну, как угнать — скорее взять на время. Ведь свою Кайю Ройл оставил именно там, куда сейчас и направлялся. Он выбрал самую помятую и побитую развалюху, ведь вполне возможно, он еще немного ее поцарапает. Роланд мысленно пообещал водителю быть осторожным.

Майк, узнав, что Ройл собирается вернуться в логово за кошкой, только покачал головой. Он понимал, что отговаривать бесполезно.

Ната на соседнем сидении сосредоточенно молчала. Только время от времени касалась

руки Ройла, словно проверяла, что это он, в плоти и крови, а вовсе не призрак сидит рядом с ней.

Перед дорогой заставила побрызгаться регенерином, от чего лицо нещадно саднило и чесалось, но это лучше, конечно, чем ежеминутно вытирать кровь из сочащихся порезов. Так что теперь Ройл сидел весь облепленный белой пеной. То еще зрелище, наверное. Он усмехнулся, представив лицо Понтия. Если он будет там...

— Я с ним справлюсь, если что... — подала голос Ната. — С ними.

— Мы справимся, — поправил ее Роланд.

Остаток дороги не разговаривались. Зачем, когда понимаешь друг друга без слов.

Пустые лестничные пролеты, пыльные и покинутые. Даже странно: он был уверен, что их станут ждать. Вот и та самая дверь. Натали застыла рядом, подняв руку, словно готовилась постучать, но Ройл просто толкнул дверь и та, действительно, оказалась не заперта.

Он пошел вперед, жестом показывая Натали, чтобы держалась за ним.

В коридоре пахло сыростью, плесенью — тот самый запах, который тут же вернул Натали назад, в сегодняшнее утро. Это было так недавно, и в то же время словно тысячу веков назад. Логово стояло покинутое, брошенное, будто здесь несколько месяцев никто не жил.

— Они ушли, — прошептала она, не зная, радоваться ли этому факту, или огорчаться. Почему-то на короткое мгновение ей стало грустно, словно какая-то часть ее жизнь безвозвратно ушла в прошлое. Словно ее опять выкинули. Глупые мысли. Ройл, словно почувствовал ее смятение — прикоснулся к плечу. Хотя он, кажется, неправильно истолковал ее печаль.

— Зачем бы они стали забирать ее с собой. Думаю, Морда все еще здесь и ждет нас. Посмотрим на кухне.

На кухне их ждала не только Морда.

Комкухи исчезли, столы были сдвинуты к стене, скамейки громоздились одна на другую. Лишь одна была выдвинута в центр помещения. На ней, положив ногу на ногу, сидел Понтий. Рядом примостилась Морда, поджав лапки и обернув их пушистым хвостом. Понтий чесал ей за ухом, та довольно жмурилась и кажется вполне была довольна жизнью. Глупая кошка... А в углу комнаты застыл Умница. Умница в заштопанном засаленном комбинезоне. Умница с скорбно опущенными уголками губ, и пусть это всего лишь износившийся силикон создавал такой эффект, казалось, что ему невыносимо грустно.

— Я знал, что вы придете, — сказал Понтий, вставая.

Ройл вытащил из кармана Иглу-5, одолженную ему Майком, но Понтий поднял ладони, показывая, что безоружен.

— Я вовсе не собираюсь устраивать с вами разборки. Битва уже проиграна. Пока...

Роланд и Натали переглянулись, словно спрашивая друг у друга: «чего тогда ему нужно?». Понтий рассмеялся своим неприятным скрипучим смехом.

— Ната, девочка моя, мне просто интересно, ты не чувствуешь сейчас себя так, словно выбросила на ветер самое большое дело в своей жизни? Ничего не гложет? Отчаяние не накрывает?

— Нет... — нерешительно выдавила она из себя, но потом уже увереннее: — Нет!

— Ладно, отлично. Рад за тебя. Что же, мне пора идти... Умницу оставляю тебе, не благодарю.

— Зачем? — растерялась Ната. Она, конечно, рада была Умнице, но не ожидала, что Понтий откажется от помощника.

— Жест доброй воли. К тому же, мало ли... Вдруг однажды ты захочешь связаться со мной? Вспомнишь, для чего ты была создана.

— Не вспомню! — Ната сжала кулаки, чувствуя, что ее начинает трясти. — Этого не будет.

— Ладно, ладно, — он примирительно развел руками. — Я уже ухожу.

Напоследок он еще обернулся, но не к Умнице, как можно было подумать. Умница, похоже, был для него просто предметом. Обернулся, чтобы еще раз провести ладонью по рыжей шерсти.

— Ее ведь тоже создали искусственно, да, Роланд? Твоя кошка всего лишь маленький и милый биоробот. Ты думаешь, она искренне способна испытывать привязанность? Любовь? Сострадание? Не обманывай себя. Эти существа никого не способны любить.

Он перевел глаза на Нату и усмехнулся.

— Что же, цыпленьш, хотел бы сказать «прощай», но надеюсь увидеть тебя снова.

— Не увидишь! — крикнула она ему в спину, но он сделал вид, что не слышит.

Натали почувствовала, как кровь отлила от лица. Все, что он сказал сейчас было правдой. И незачем себя обманывать. Она не умеет любить. Она — биоробот, существо, никто... Как она могла только позволить себе вообразить...

Но теплые сильные руки обняли ее, заслонили от всех бед. И страх отступил.

— Не слушай его, моя заколдованная принцесса. Если бы ты не умела любить, я бы до сих пор оставался в той башне. И вовсе не правильный набор генов делает нас людьми.

Она ничего не ответила, но почувствовала, как светло стало вдруг на душе.

Ната знала, что сейчас она еще только в самом начале пути и с трудом представляла, куда этот путь приведет ее. Знала только, что постарается идти в нужном направлении. Эта планета нуждалась в ней. В них. Они — лекарство. А еще они — свежий ветер, в котором давно нуждалось застывшее, застывшее и умирающее общество Примариуса. Пока Ната не представляла, что делать с этим знанием. Но это пока.

Больше книг на сайте — Knigolub.net